



Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия



Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Романовская О. А., Ситникова С. В.

Социологическое измерение эффективности государственной национальной политики в российском регионе: теория и практика 4

Быченко Ю. Г., Егоров А. В. Ценности в системе социальной культуры семьи
российского военнослужащего 11

Закирова А. Ж. Механизмы интеграции мигрантов в социокультурное пространство
Европейского союза 17

Мунина О. В. Лиминальная идентичность поколения COVID 23

Корогодова Н. П., Зайцев Д. В., Зайцева О. В. Эффективность социальных служб
в реализации психолого-педагогических и социокультурных услуг в процессе инклюзии
детей-инвалидов в общество 29

Корчагин С. А. Анализ тенденций применения технологий искусственного интеллекта
в образовательной сфере 37

Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М. Взаимосвязь чувства юмора и синдрома
эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования 43

Бегинина И. А. Социально-демографическая специфика молодежного
предпринимательства в г. Саратове 48

Шахбанова М. М. Межнациональная коммуникация в городском пространстве
Дагестана: состояние и тенденции 55

Янак А. Л. Дети и родители в информационном пространстве: взаимодействие,
риски и стратегии обеспечения безопасности 64

Слово молодым социологам

Рыкова И. И. Эволюция женской спортивной карьеры в контексте экономической
модернизации в России: факторы и тенденции 72

Политология

Шестов Н. И. «Жизнь» важнее «свободы»: актуальный тренд в мифологии
либерально-демократического процесса 78

Богданов А. В. Технологии формирования политической культуры молодежи
в современной России 86

Труханов В. А. Политико-правовые основы функционирования института
национально-культурной автономии в контексте стратегии национальной безопасности
Российской Федерации 91

Керимов А. А., Рабайа Ф. М. Роль движения ХАМАС в создании палестинского
государства: идеология и практика 95

Макарова К. Е. Операция по поддержанию мира в Мали: от миротворчества
к публичной дипломатии 102

Слово молодым политологам

Ухорская А. И., Кирилина Е. Ю., Кожухова К. Е. Антиномии стратегических
культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) 110

Чибиркин Е. А. Концепции «nation-building» Ф. Фукуямы и Р. Купера и их значение
для современной практики нациестроительства 118

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.02.21.

Подписано в свет 01.03.21.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 18-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021



ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Ivchenkov S. G., Nikiforov Ya. A., Romanovskaya O. A., Sitnikova S. V.** Sociological measurement of the effectiveness of state national policy in the Russian region: Theory and practice 4
- Bychenko Yu. G., Egorov A. V.** The values in the system of a Russian serviceman's of the family social culture 12
- Zakirova A. Zh.** Migrants' integrative tools for entering the European Union sociocultural space 17
- Munina O. V.** Liminal identity of the COVID generation 23
- Korogodova N. P., Zaitsev D. V., Zaitseva O. V.** The effectiveness of social services in the implementation of psychological, pedagogical and socio-cultural services in the process of disabled children's inclusion into society 30
- Korchagin S. A.** The analysis of the tendencies in the application of artificial intelligence technologies in the educational sphere 37
- Perevozkin S. B., Perevozkina Yu. M.** The relationship between humor and burnout among preschool teachers 44
- Beginina I. A.** Social and demographic specifics of youth entrepreneurship in Saratov 48
- Shahbanova M. M.** International communication in the city area of Daghestan: Conditions and tendencies 55
- Yanak A. L.** Children and parents in the information space: Interaction, risks and safety strategies 64

New Voices: Young Sociologists' Research

- Rykova I. I.** The evolution of women's sports career in the context of economic modernization in Russia: Factors and trends 72

Politology

- Shestov N. I.** "Life" is more important than "freedom": Currently central trend within mythology of liberal and democratic process 78
- Bogdanov A. V.** Technologies of youth political culture formation in modern Russia 86
- Trukhanov V. A.** Political and legal bases for the functioning of the institute of national-cultural autonomy in the context of the national security strategy of the Russian Federation 91
- Kerimov A. A., Rabaya F. M.** The role of the Hamas movement in the foundation of a palestinian state: Ideology and practice 95
- Makarova K. E.** UN peacekeeping in Mali: From peacekeeping to public diplomacy 102

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Ukhorskaya A. I., Kirilina E. Yu., Kozhukhova K. E.** Antinomies of the strategic cultures of the West and the East (On the example of Germany, France, and China) 110
- Chibirkin E. A.** Concepts of "nation-building" by F. Fukuyama and R. Cooper and their importance for modern practice of nation-building 118



**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, Ph.D. политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

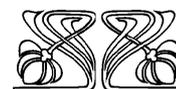
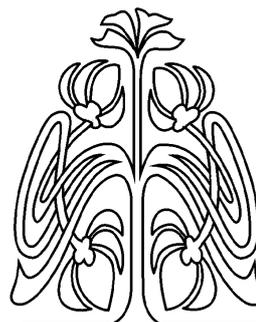
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

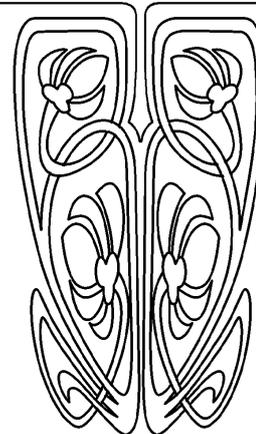
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, United Kingdom)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)



**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**



СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–10
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–10

Научная статья
УДК 316.014
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-4-10>

Социологическое измерение эффективности государственной национальной политики в российском регионе: теория и практика

С. Г. Ивченков, Я. А. Никифоров[✉], О. А. Романовская, С. В. Ситникова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, декан социологического факультета, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

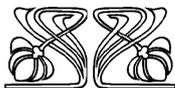
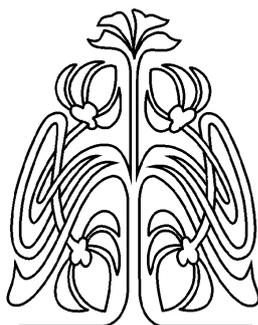
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии молодежи, romanovska.ol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>

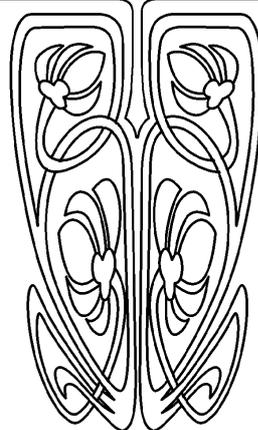
Ситникова Светлана Викторовна, доктор социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, skareva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2365-8780>

Аннотация. Статья посвящена измерению эффективности государственной национальной политики в Саратовской области с использованием социологических методов и практик. Наиболее часто используемым методом получения социальной информации в таких исследованиях было сочетание количественных (вопросник) и качественных (опрос экспертов) методов. Исследование позволило выявить ряд тенденций развития этноконфессиональной ситуации в Саратовской области. Результаты массового опроса свидетельствуют о низком и все более снижающемся уровне как национальной, так и религиозной конфликтности в Саратовском регионе. Одним из индикаторов религиозной и национальной терпимости является характеристика эмоциональной выраженности по отношению к представителям иной веры и национальности. Анализ этих данных подтверждает вышеописанные тенденции. Общая оценка динамики межнациональных отношений в Саратовской области также позволяет говорить о стабильности. Опрос экспертов дал возможность более основательно проанализировать состояние этноконфессиональных отношений и государственной национальной политики в области. При существенных различиях в общих оценках межэтнических отношений в региональном контексте, деятельности НКА, общественных организаций и органов власти в области реализации этноконфессиональной политики между респондентами-представителями органов власти и респондентами-представителями общественных организаций и научного сообщества проявилось принципиальное согласие по поводу современного состояния межнациональных отношений в Саратовском регионе в части этнополитической ситуации со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления. Современная этнополитическая ситуация оценивается как стабильная и относительно спокойная.

Ключевые слова: национальная политика, этноконфессиональные отношения, полиэтнические сообщества, социологические исследования, количественные и качественные методы



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





Для цитирования: Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Романовская О. А., Ситникова С. В. Социологическое измерение эффективности государственной национальной политики в российском регионе: теория и практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-4-10>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-4-10>

Sociological measurement of the effectiveness of state national policy in the Russian region: Theory and practice

Sergey G. Ivchenkov, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Yaroslav A. Nikiforov[✉], nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Olga A. Romanovskaya, romanovska.ol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>

Svetlana V. Sitnikova, skareva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2365-8780>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article is devoted to measuring the effectiveness of the state national policy in Saratov region by means of using sociological methods and practices. The most commonly used method of obtaining social information in such studies was the combination of quantitative (questionnaire) and qualitative (expert survey) methods. The study revealed a number of trends in the development of the ethno-confessional situation in Saratov region. The results of the mass survey indicate a low and increasingly declining level of both national and religious conflicts in Saratov region. One of the indicators of religious and national tolerance is the characterization of emotional expression towards the representatives of different beliefs and nationalities. The analysis of these data confirms the above-described trends. A general assessment of the dynamics of interethnic relations in Saratov region also allows to speak about stability. The survey of experts made it possible to more thoroughly analyze the state of ethno-confessional relations and state national policy in this field. The significant differences in the general assessments of inter-ethnic relations in the regional context, public organizations and authorities in the field of the implementation of ethno-confessional policy between the respondents-representatives of authorities and the respondents-representatives of public organizations and the scientific community were revealed. The fundamental agreement was achieved on the current state of interethnic relations in Saratov region regarding the ethno-political situation on the part of the state authorities. The modern ethnopolitical situation is assessed as a stable and relatively calm one.

Keywords: national politics, ethno-confessional relations, multi-ethnic communities, sociological research, quantitative and qualitative methods

For citation: Ivchenkov S. G., Nikiforov Ya. A., Romanovskaya O. A., Sitnikova S. V. Sociological measurement of the effectiveness of state national policy in the Russian region: Theory and practice. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–10 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-4-10>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Эффективность единой государственной национальной политики должна оцениваться через возможность применения единых лекал, иначе любой регион сможет по-своему рефлексировать и официально транслировать смыслы этноконфессиональной политики на уровне субъекта РФ. Сегодня в данной сфере налицо следующий социальный факт: практически все региональные власти в качестве объективных (не связанных с деятельностью самой власти) показателей оценки выбирают доли населения, удовлетворительно отзывающегося о реализации этнокультурных прав, положительно оценивающего состояние межнациональных отношений и т. п. Наиболее часто используемым способом получения социальной информации в таких исследованиях стало сочетание количественных (анкетирование) и качественных (экспертное интервью) методов.

Социологи Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского при проведении в октябре–декабре 2019 г. исследования эффективности государственной национальной политики использовали опросные методики сбора первичной социологической информации.

На первом этапе был реализован формализованный массовый опрос. Были опрошены жители Саратовской области. Объем квотно-стратифицированной выборки составил 1200 человек в возрасте от 14 до 55+ лет, была использована многоступенчатая типологическая выборка с применением квотных значений на последней стадии отбора респондентов; при определении объема и структуры выборки была учтена репрезентация основных социально-экономических зон Саратовской области, а именно проведен отбор населенных пунктов с учетом соотношения городского и сельского населения с реальным статистическим распределением этих групп населения региона и учтен половозрастной, образовательный и национальный составы населения; в исследовании применялась базовая модель анкеты для массового опроса.

Все параметры выборки отражали характеристики генеральной совокупности, что позволяет говорить о репрезентативности данных и возможности построения прогнозных моделей. В рамках системного подхода была сформирована теоретическая модель изучаемого явления. Межэтнические отношения рассматривались как



совокупность действий, позиций и оценочных суждений акторов. Это в результате обеспечило возможность построения адекватной измерительной модели. Структурно ее можно представить через ряд индикаторных групп: доминирующие типы идентичности, уровень толерантности, уровень конфликтности, практики и оценки конфликтных ситуаций, оценка эффективности национальной политики. В процессе формирования инструментария использовался практически весь спектр измерительных возможностей: номинальные, порядковые и количественные шкалы, позволяющие реализовывать разные подходы в статистической аналитике. Для измерения уровня толерантности была использована шкала социальной дистанции Э. Богардуса как наиболее эффективный инструмент. Аналитическая модель предполагала два уровня. Диагностика состояния межэтнических отношений представлена описательной статистикой. Модели корреляционного анализа позволили проверить ряд гипотез о влиянии социально-демографических характеристик на различные уровни проявления конфликтности. Большая часть из них нашла подтверждение в ходе исследования.

Проведенное исследование позволило выявить ряд тенденций в развитии этноконфессиональной ситуации в Саратовской области.

Как показывают результаты опроса, уровень как национальной, так и религиозной толерантности населения Саратовского региона растет. Уровень принятия человека иной национальности и веры высок, независимо от размера социальной дистанции. При этом сохраняется тенденция: чем меньше дистанция, тем выше толерантность. Так, в 2019 г. более 70% опрошенных всегда готовы принять человека другой национальности в качестве близкого друга, более 58% – в качестве матери или отца своих детей. Тех, кто ни при каких условиях не готов принимать человека иной национальности на разных уровнях десантирования, по результатам опроса, так же, как и в 2017 г., не более 12%. В качестве матери (отца) своих детей или супруга всегда готовы принять человека иной веры более 60% ответивших. Анализируя данные о реальном окружении респондентов, также можно говорить о сопоставимости данных и сохранении тенденций, выявленных в 2017 г. Так, в 2019 г. у 14% опрошенных супруги являются представителями другой национальности, у 22% – иной веры. В родственном кругу у 41,5% опрошенных есть представители иной национальности, у 44,3% – иной веры. Среди друзей у 74,9%, коллег (67,6%) и соседей (74,6%) встречаются представители другой национальности. Более 70,0% опрошенных имеют представителей иной веры среди друзей, коллег и соседей.

Более 70,0% опрошенных не сталкивались с ситуациями, при которых были бы нарушены национальные права их лично или их знакомых. О

подобных случаях 13,4% слышали от знакомых, 2,7% упоминали близких и 9,5% сами лично оказывались в ситуации нарушения национальных прав.

Упомянутыми формами дискриминации, по описаниям самих респондентов, были оскорбления и насмешки, сложности при приеме на работу, игнорирование, неприятие в коллективе, избиения. Однако суммарный процент упоминаний по названным позициям не превышает 7,5%.

Участникам опроса, как и в 2017 г.¹, было предложено из списка действий, латентно или напрямую отражающих негативное отношение к представителям их национальности, выбрать те, с которыми они лично сталкивались. Тенденция сохраняется. Большинство респондентов отмечали субъективные эмоциональные формы, которые достаточно сложно отнести к явным проявлениям негативного отношения по национальному признаку. Демонстративное нежелание разговаривать и холодное, отчужденное общение могло быть вызвано рядом других факторов, не имеющих отношения к национальности человека. Это вопрос восприятия и интерпретации события человеком, который оценивает данное поведение. Вероятно, большая часть населения России, независимо от национальной принадлежности, сталкивалась с подобными ситуациями. Кроме того, упоминаемые ситуации, в которых было отказано в получении желаемой работы, появлялись сложности при поступлении в вуз или отказ в продаже какого-либо товара, также нельзя сводить напрямую к неприятию по национальному признаку. Данные ситуации находятся в рамках правового поля с достаточно жесткими регулируемые нормами. Однако такие прямые формы негативного отношения, как оскорбительные насмешки, угрозы физической расправы или применение физического насилия, действительно отражают межнациональную напряженность. Количественное выражение этого явления на территории Саратовской области не является тенденционным: 5,7% – доля упоминаний о физическом насилии, 11,9% – угрозы и 19,3% – оскорбления и насмешки. На следующий вопрос отвечали только те, кто попал в группу, положительно ответивших на вопросы о нарушении национальных прав, т. е. 25% от общего числа опрошенных. Именно эта доля респондентов была принята за 100%.

За прошедший год 79,6% опрошенных жителей Саратовского региона не участвовали и не наблюдали конфликтных ситуаций, вызванных национальными разногласиями, лично участвовали 0,8%, 11,5% наблюдали и 6,1% слышали о подобных ситуациях от знакомых.

Респонденты, которые описывали суть конфликтных ситуаций, чаще говорили о религиозных ритуалах, форме одежды или бытовых разногласиях как поводах конфликта.



Одним из индикаторов религиозной и национальной терпимости является характеристика эмоциональной выраженности по отношению к представителям иной веры и национальности. Анализ этих данных подтверждает вышеописанные тенденции. Так, в отношении к представителям иной национальности большинство опрошенных (69,1%) испытывают положительные чувства – расположенность, солидарность, уважение, понимание. Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении к представителям иной веры. Более 68% участников опроса назвали ряд положительных чувств и в отношении к представителям иной культуры.

Представленные выше данные свидетельствуют о низком и все более снижающемся уровне как национальной, так и религиозной конфликтности в Саратовской области.

Ряд оценочных высказываний, отражающих мнение жителей региона о качестве реализуемой национальной политики, требовал определения меры согласия, где 1 балл отражал полное несогласие, 5 баллов – полное согласие. Анализ актуальной статистики также подтверждает сохранение тенденций 2017 года.

Самый высокий усредненный балл степени согласия (2,9) выявлен относительно позиции «Власти располагают комплексной стратегией национальной политики и успешно ее реализуют». С этим согласились 26,3% респондентов, 24,0% – с тем, что, располагая комплексной стратегией, власти неэффективно ее реализуют. Разрозненными и неэффективными стратегии национальной политики в Саратовском регионе посчитали 29,6% ответивших. Модальным значением (наиболее часто встречающимся) было 3 балла, выражающим частичное согласие с каждым из высказываний. Несмотря на доминирование положительных оценок в характеристике качества национальной политики, реализуемой в регионе, в корректировке с целью повышения ее эффективности она все же нуждается.

На втором этапе исследования проводился экспертный опрос, пул экспертов представлен следующим образом: три респондента – представители научного сообщества, одиннадцать – представители администрации муниципальных образований Саратовской области, двое – представители региональных общественных организаций Саратовской области. Географически эксперты разделились: Саратов, Энгельс, Балаково, Калининск, Красноармейск, Новоузенск, Степное, Ровное, Ершов, Дергачи, Петровск, Озинки.

Оценивая общее состояние этноконфессиональных отношений, эксперты не были единодушны: оценка уровня межэтнических отношений варьировалась от «стабильного», «нейтрально-позитивного», «теплого и беспроблемного» до «невысокого уровня межэтнического доверия» и «малоизученного потенциала непредсказуемой деятельности», способного при социально-эко-

номических деформациях выступить в роли триггера общественно-политической дестабилизации в регионе. Также было отмечено, что «несмотря на транслируемые масс-медиа восторженно-позитивные оценки кросс-национальных отношений, население (из числа этнокультурных меньшинств, групп инокультурных мигрантов) на бытовом уровне продолжает сталкиваться с прямыми или косвенными проявлениями мигрантофобии и этнофобии». Обеспокоенность межэтническими отношениями в Саратовской области на сегодняшний день выражали представители научного сообщества и общественных организаций, представители муниципальной власти в этой сфере проблем не усматривают.

Эксперты полагают, что в сфере национальной политики (в регламентации и реализации мероприятий) в регионе за последний год «кардинально ничего не изменилось»; представители муниципальной власти считают, что «больше стало встреч с представителями национальных меньшинств, устраиваются различные праздничные мероприятия», с этим мнением согласны представители общественных организаций и научного сообщества, отмечая, что «увеличилось число проводимых этнокультурно и конфессионально окрашенных мероприятий (фестивали, конкурсы и т. д.), однако серьезного влияния на динамику межэтнических отношений это практически не оказывает, поскольку подобные мероприятия, несмотря на их востребованность и необходимость, не являются системными факторами, определяющими ландшафт этносоциальных отношений в регионе». Негативную оценку деятельности власти в означенной сфере высказал только один эксперт. Полная цитата: «Государственная стратегия межнациональных отношений на данный момент категорически обходит все ключевые проблемы межэтнического взаимодействия (“асимметричная” федерация, проблемы соотношения национальной и общегражданской идентичности, перспективы и цели и т. д.). Гораздо большую ясность вносит корректировка стратегии 2012 г., обозначенная в указе В. В. Путина от 19 декабря 2018 г., однако воздействия данного документа на какую-либо эволюцию национальной политики мною в настоящее время не замечено. Отсюда вывод: какой-либо специфической национальной политики в регионе не существует, поскольку до сих пор не определены ее цели, методы и средства проведения, а институциональное оформление данной политики, активно проводившееся в 1990-е гг., в настоящее время остановлено, что, кстати, наглядно проявилось в изменении наименований региональных министерств, отвечающих за координацию межэтнических отношений. Речь идет даже не об умалении либо недооценке значимости национального феномена, а о подмене национальной политики планом проведения национальных праздников».



При оценке сравнительных данных по этнополитической ситуации в других регионах России экспертам предлагалось высказаться по имеющимся у них данным. Подавляющее количество экспертов какими-либо данными не располагают, поскольку «такие данные в большинстве своем имеют закрытый характер, а пользуясь СМИ, невозможно объективно проанализировать ситуацию, тем более провести сравнительный анализ». Данными располагает только эксперт-действительный член Научного совета Президиума РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Полная цитата: «Есть позитивный опыт работы с этнокультурными сообществами, сообществами мигрантов, местным населением в Самарской области. Заслуживает особого внимания позитивный опыт управления межэтническими отношениями в Пермском крае. Отдельно (с учетом специфики субъекта) можно отметить опыт работы в г. Москва и г. С.-Петербург».

При формировании оценки этнополитической ситуации в Саратовской области экспертам предлагалось рассказать о биографически детерминированном включении (лично наблюдать, анализировать и/или участвовать в разрешении конфликтных ситуаций, вызванных этническими и/или религиозными разногласиями участников) за последний год.

Эксперты-представители муниципальной власти утверждали, что факты самих конфликтных ситуаций не выявлены, лишь эпизоды, связанные с традициями дунган (Ровенский район). Представители научного сообщества и общественных организаций отмечают, что хотя «массовых столкновений на этнической и/или конфессиональной основе зарегистрировано не было, отдельные бытовые стычки, часто описываемые в этнически окрашенных тонах, в настоящее время юридически фиксируются как «межличностная неприязнь». Обращают особое внимание на «устные обращения компактно проживающих курдов в Логиновском муниципальном образовании (Краснокутский район), в пос. Тимонино (Дергачевский район)» и на экономический характер конфликтов «между работниками и их работодателями в Марксовском, Вольском, Ершовском районе».

Представители муниципальной власти оценивают функционирование национальных диаспор позитивно, наделяя лидеров этих социальных структур свойствами управляемости, адекватности, готовности к сотрудничеству. Эксперты-представители научного сообщества и общественных организаций, напротив, наделяют проблематику формирования, генезиса и последующего социально-экономического и политического влияния групп диаспор на развитие территории Саратовской области дискуссионностью и неоднозначностью в силу явного снижения влияния этнокультурных центров на

процессы в диаспорах. Прямая цитата: «В первую очередь: азербайджанская, курдская, узбекская, казахская, украинская. Связано это с тем, что снизился уровень целевой поддержки этих центров, почти нет представителей этих общин во власти, позиционирующих себя как представители этих центров или напрямую поддерживающих их деятельность. Исчезли информационные программы на местном телевидении (общедоступный ресурс на территории всей области, особенно для пожилых), посвященные работе национальных центров и их лидеров. Нет информационной «раскрутки» поддержки власти не в виде грантов именно на уставную деятельность, авторитет организаций и их лидеров снижается – влияние на диаспору уменьшается. Нет обратной связи с ФМС, в задачу которой входит «фильтрация и легализация» мигрантов».

Оценки уровня адаптации и конфликтности различных категорий мигрантов эксперты оценивают неравнозначно: от «низкой адаптированности до полной»; от отсутствия конфликтности до высочайшей степени конфликтного потенциала, где «реализация данного потенциала – вопрос времени». Эксперт-представитель общественной организации указывает на очевидные проблемные зоны. Прямая цитата: «С включением структуры ФМС в структуру МВД произошло значительное сокращение штата, на многие должности, как руководителей, так и специалисты стали попадать люди из других структур МВД, не обладающие должной подготовкой и навыками. В 2014 году, когда область в период с марта по декабрь приняла 10 000 беженцев только с Украины, национально-культурный украинский центр (СРОО «СЗУП») в круглосуточном режиме осуществлял взаимодействие со структурами ФМС, причем на территории всей области; совместными усилиями был выработан механизм легализации этой категории граждан».

Эффективность взаимодействия органов государственной власти с национально-культурными автономиями Саратовской области оценивалась экспертами в диапазоне от высокого (эксперты-представители муниципальной власти) до низкого (представители общественных организаций и научного сообщества). Прямая цитата: «Взаимодействие с автономиями происходит на уровне, который позволяет действующее законодательство, но Закон о НКА должен быть наполнен реальными финансовыми обязательствами государства. Многие положения Закона декларативные и не отвечают реальности».

Деятельность органов власти (на федеральном уровне, региональном и уровне МСУ) в области реализации этноконфессиональной политики за последний год, по оценке экспертов-представителей муниципальной власти, «эффективна», «продуктивна» и «конструктивна», эксперты-представители научного сообщества и общественных организаций предложили



нисходящую градацию. Так, межэтнические отношения (с [само] презентацией своей этнокультурной принадлежности (особости)) формируются на самом низовом уровне социальных взаимодействий (семья, двор, микрорайон), слабым «звеном» видится уровень МСУ.

Эксперты-представители муниципальной власти были единодушны в позитивной оценке программ и мероприятий без уточнения и конкретизации. Областных мероприятий в этом году стало больше. Традиционно был упомянут этнографический комплекс «Национальная деревня народов Саратовской области». Иную точку зрения представили эксперты-представители общественных организаций и научного сообщества, указав на то, что необходимо «создание постоянно действующей структуры по обмену и анализу информации с привлечением представителей правоохранительных органов, руководителей национальных объединений (работа в “закрытом режиме”), а также создание постоянно действующей профессиональной региональной системы этномониторинга».

Эксперты указали на просчеты, допущенные в процессе реализации программ и мероприятий, ориентированных на этноконфессиональные отношения. Прямые цитаты: «Сложно выявить лидеров, с которыми можно было бы предметно работать и которых слушались бы его земляки»; «Учитывая события в Пугачеве 2013 г., систему мониторинга этноконфессиональных отношений, которая бы реализовалась совместно с представителями местного самоуправления и институтами гражданского общества, нужно было вводить раньше».

Анализируя вопросы реализации программ и мероприятий, ориентированных на этноконфессиональные отношения, эксперты-представители общественных организаций указали на необходимость усиления работы по изучению процессов межнациональных отношений и миграции в муниципальных образованиях Заволжья. Цитата: «Значительная часть иммигрантов, прибывших в сельские поселения за последнюю четверть века, например, курды, езиды, дунгане, представляют собой хорошо консолидированные, замкнутые, внутренне спаянные национальные общины, расположенные компактно. В границах одного района предпочитают селиться в двух–трех муниципальных образованиях. По ряду признаков выявлена тенденция к внутренней миграции значительной части переселенцев (например, курдов) из пограничных районов в районы, соседствующие с областным центром. Заметна тенденция увеличения доли переселенцев (например, курдов, езидов, дунган) в структуре населения ряда сельских поселений: кроме продолжающейся миграции, на данный процесс оказывает влияние высокая рождаемость в их семьях. Анализ показывает, что при сохранении сложившихся тенденций через 8–10 лет межэт-

нический баланс в ряде сельских поселений Заволжья может коренным образом измениться. В ряде муниципальных образований, в сельских поселениях будут преобладать переселенцы из стран Центральной Азии, российского Северного Кавказа. При этом непредсказуемые последствия может иметь изменение собственников земель сельскохозяйственного назначения. В Озинском, Краснокутском, Ершовском, Перелюбском районах эти процессы происходят в ускоренном темпе, в остальных районах Заволжья идут замедленно, но неуклонно. Особенно остро в Краснокутском, Озинском, Ершовском и других районах стоит вопрос организации выпаса скота, принадлежащего курдскому населению. Осуществляют выпасы на угодьях, им не принадлежащих, иногда допускают поправки озимых культур. На этой почве периодически возникают бытовые конфликты. В любой момент бытовые, хозяйственные конфликты могут перерасти в межнациональные».

Итак, результаты исследования демонстрируют следующие тенденции. Общая оценка динамики межнациональных отношений в Саратовской области позволяет говорить о стабильности: 65,0% респондентов говорят о неизменности ситуации, почти треть отмечают улучшения (7,6% – значительные и 22,6% – некоторые), 4,8% отметили ухудшения.

Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Саратовской области, составила 73,0% (сводный показатель отражает тенденционные значения по ряду переменных: оценка динамики межнациональных отношений за последние два года; доля тех, кто никогда не сталкивался и не слышал о конфликтных ситуациях, вызванных национальными или религиозными разногласиями; уровень принятия человека иной национальности и веры).

Доля населения области, удовлетворительно отзывающегося о реализации этнокультурных прав, составила 66,4%. Сводный показатель формировался по следующим критериям: доля тех, кто никогда не сталкивался и не слышал о ситуациях нарушения национальных прав; доля упоминаний случаев нарушения национальных прав; конкретизация случаев (форм проявления) нарушений национальных прав; оценка степени успешности стратегии национальной политики в регионе.

Итоговый сводный показатель уровня толерантности по отношению к представителям иных национальностей формировался по ряду индикаторов: типы социальных дистанций по отношению к представителям иных национальностей, характеристика ближайшего окружения респондентов, наличие конфликтных ситуаций или случаев дискриминации по национальному признаку, чувства и эмоции по отношению к представителям иных национальностей. С уче-



том данных по всем индикаторам итоговый показатель уровня толерантности по отношению к представителям иных национальностей составил 81%.

В числе предложенных мер повышения качества национальной политики региона, по результатам массового исследования, остаются, как и в 2017 г.: обеспечение условий равенства и учет интересов всех этносов; организация встреч с населением; ужесточение миграционной политики; популяризация национальных праздников; реализация программ воспитания патриотизма среди подрастающего поколения.

Опрос экспертов дал возможность более основательно проанализировать состояние этноконфессиональных отношений и государственной национальной политики в области.

При существенных различиях в общих оценках межэтнических отношений в региональном контексте, деятельности НКА, общественных организаций и органов власти в области реализа-

ции этноконфессиональной политики между респондентами-представителями органов власти и респондентами-представителями общественных организаций и научного сообщества проявилось принципиальное согласие по поводу современного состояния межнациональных отношений в Саратовской области в части этнополитической ситуации со стороны органов государственной власти и органов МСУ. Современная этнополитическая ситуация оценивается как стабильная и относительно спокойная.

Примечания

- ¹ См.: Этноконфессиональная ситуация в Саратовской области : общая характеристика и проблемы реализации государственной национальной политики в регионе : учебное пособие / сост. : И. А. Бегина, С. Г. Ивченков, Я. А. Никифоров, С. В. Ситникова, Н. В. Шахматова. Саратов : Саратовский источник, 2017.

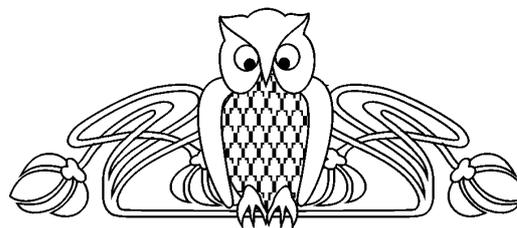
Поступила в редакцию 10.11.2020, после рецензирования 25.11.2020, принята к публикации 01.12.2020
Received 10.11.2020, revised 25.11.2020, accepted 01.12.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 11–16
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politics, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 11–16

Научная статья
УДК 316.33
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-11-16>

Ценности в системе социальной культуры семьи российского военнослужащего



Ю. Г. Быченко[✉], А. В. Егоров

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410004, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Егоров Алексей Владимирович, адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных наук, EGOROV.A-1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1004-8679>

Аннотация. Представляется теоретическое, методологическое, эмпирическое обоснование проблемы развития ценностей семьи военнослужащего после реализации реформы гражданско-военных отношений России 2012 г. На основе исследования данных социологического опроса «Культура семьи российского военнослужащего» выявляются тенденции обновления ценностей семьи в после-реформенный период. На основе выявления изменений ценностей семьи военнослужащего уточняется структура семей, раскрываются пути трансформации не только жизненных интересов и приоритетов данной семьи, но и изменение трудовых мотивов, нужд, социальных потребностей ее членов в целом. Доказывается, что ценностные приоритеты военнослужащего в современных условиях должны характеризоваться как один из обобщенных показателей их профессионального культурного потенциала. Относительно приоритетов жизненных ценностей семьи военнослужащих условно разбиты на несколько групп: 1) 20% «накопители денежных средств» (семьи, члены которых имеют преобладающие ценности, связанные с материальным благополучием, стремлением к высоким заработкам); 2) 17% «здоровье ориентированные» (семьи, имеющие важнейший приоритет в сохранении здоровья, развитии физического потенциала их членов); 3) 10% «крепкие семьянины» (семьи, члены которых имеют преобладающие ценности, связанные с собственной семьей, стремящиеся сохранить хорошие отношения в семье); 4) 10% «профессионалы-карьеристы» (семьи, жизнедеятельность которых направлена на обеспечение условий карьерного роста военнослужащего, на повышение его военно-образовательного потенциала); 5) 6% «самоотверженные патриоты» (семьи, члены которых ориентируются на поиск дела по душе, реализацию себя в интересной военной деятельности, удовлетворение потребности в воинском интеллектуальном труде, подчинение собственных интересов, жертвование ими во имя блага общества, страны и государства).

Ключевые слова: ценности, социальная культура, семья, военнослужащие, офицеры, прапорщики, сержанты, солдаты, военная организация

Для цитирования: Быченко Ю. Г., Егоров А. В. Ценности в системе социальной культуры семьи российского военнослужащего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 11–16. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-11-16>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-11-16>

The values in the system of a Russian serviceman's of the family social culture

Yuri G. Bychenko[✉], bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Alexey V. Egorov, EGOROV.A-1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1004-8679>

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Abstract. Theoretical, methodological, and empirical substantiation of the problem of values' development of a serviceman's family after the implementation of the civil-military relations reform in Russia in 2012 is presented. On the basis of the study from the sociological survey "Family Culture of the Russian Servicemen", the trends in updating family values in the post-reform period are revealed. The identification of the changes in the values of a serviceman's family made it possible to clarify and reveal the structure of military families and the ways transforming not only the vital interests and priorities of this family, but also the changes in labor motives, needs and social needs of their members, as a whole. It is



proved that the value priorities of military personnel in modern conditions should be characterized as one of the generalized indicators of their professional cultural potential. With regards to the priorities of life values, military families are conventionally divided into several groups: 1) 20% "money savers" (the families whose members have predominant values related to material well-being, the desire for high earnings); 2) 17% "health-oriented" (the families that have the most important priority in maintaining health, developing the physical potential of their members); 3) 10% "strong family members" (the families whose members have predominant values related to their own family, striving to maintain good relations in the family); 4) 10% "career professionals" (the families whose life activities are aimed at ensuring the conditions for career growth of military personnel, and increasing their military educational potential); 5) 6% "self-sacrificing patriots" (the families that focus on finding things to their liking, realizing themselves in interesting military activities, meeting the need for military intellectual work, subordinating their own interests, sacrificing them for the good of society, the country and the state).

Keywords: values, social culture, family, military personnel, officers, warrant officers, sergeants, soldiers, military organization

For citation: Bychenko Yu. G., Egorov A. V. The values in the system of a Russian serviceman's of the family social culture. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 11–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-11-16>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Важность исследования социокультурных трансформаций в современной семье военнослужащего обусловлена формированием новых социально-экономических проблем, определяющихся результатами реформы системы гражданско-военных отношений в Российской Федерации, отменой ряда социальных льгот семье военнослужащих, сокращением призывного состава и увеличением военнослужащих, осуществляющих военную службу по контракту. Семья для военнослужащего – это место, где он восстанавливает свои способности, удовлетворяет материальные и духовные потребности, осуществляет развитие и саморазвитие своего профессионального потенциала. Именно в семье формируются основы духовных личностных ценностей. Семья, а также семейные ценности являются важнейшим элементом культуры военнослужащего, значимыми и необходимыми для осуществления полноценной жизнедеятельности военного актора.

В настоящее время изменяется не только материальная, но и социальная культура семьи военнослужащего, растет потребность в развитии культурного профессионального потенциала военных акторов. Последнее определяет необходимость исследований не только в области материального обеспечения семьи военнослужащего, но и систем социального развития ее ценностей. Важно не только диагностировать трансформации социальной культуры семьи военнослужащего в целом, но и уточнить направления обновления ценностей, выявить особенности их проявления в условиях реформирования современного российского общества.

Таким образом, актуальность исследования трансформации ценностей в системе социальной культуры семьи военнослужащего определяется важностью теоретического обоснования данной проблемы, а также необходимостью структурирования общего состава семей российских военнослужащих, уточнения факторов препятствования развитию ценностей данной семьи, определения способов оптимизации процессов федеральной, а также организационной семейной социокультурной политики.

При решении поставленных теоретических задач применялись методы общенаучного анализа: системный¹, социокультурный². Использован метод социологического опроса. Представляется анализ данных социологического опроса семей военнослужащих Приморского края Российской Федерации «Культура семьи российского военнослужащего». Опрос проведен А. В. Егоровым в январе–марте 2020 г. в нескольких воинских частях Приморского края. Опрошено 103 семьи. Выборка случайная. Опрошенные семьи включали в себя все группы обследованных военнослужащих: офицеры, прапорщики и сержанты, солдаты.

Теоретико-методологическое обоснование исследования нами разработано на основе парадигм «общетеоретического исследования семьи». В рамках данных подходов М. Вебер доказывает, что социальная культура общества и семьи имеет общие характеристики. Оба социальных феномена характеризуются преобразованиями и прогрессом в «самой природной жизни»³. Конкретизируется данная позиция в рамках классических концепций семьи военнослужащего⁴, где представляются общие и специфические социокультурные черты этой малой социальной группы. Мы разделяем представленные характеристики традиционного типа семьи военнослужащего: 1) подчинение потребностей и интересов данной семьи интересам военной организации⁵; 2) координация и стратегия жизненных и профессиональных планов жены подчиняются формальным карьерным устремлениям мужа (военнослужащего)⁶; 3) наличие некоторых семейных традиций, норм, ценностей, изначально относящихся к военным организациям⁷; 4) обязательная государственная регистрация и правовое признание семейного брака государственными органами⁸; 5) наличие жесткого разделения семейных ролей на «преимущественно мужские», а также «преимущественно женские»⁹.

В рамках современных социологических подходов представляется сущность культуры семьи военнослужащего как набор коллективных групповых ценностей, традиций, норм, пред-



ставлений, принципов, обретаемых членами семейных групп в процессе социализации и обновления собственных отношений. Члены семьи военнослужащего принадлежат не только к семейной социальной группе, но также относятся к ряду других внешних групп. Можно констатировать, что индивиды, члены семьи военнослужащего, вынуждены осуществлять различные социальные действия во внешней среде, постоянно обогащая свою собственную культуру, адаптируя, конструируя новые практики взаимодействия. По сути, члены семьи военнослужащего двойственны. Они, с одной стороны, являются носителями ценностей непосредственной семьи военного, с другой – отражают ценности ее внешней среды. Члены семьи военнослужащего вовлечены в комплекс взаимообусловленных социальных действий во внутренней и внешней среде семьи. Их действия направлены на коммуникации с внешними социальными группами с целью конструирования и одновременно приспособления к изменениям внешней среды собственной семьи. Поэтому здесь осуществляются двойственные социокультурные трансформации. С одной стороны, военнослужащий и члены его семьи реализуют социокультурное развитие в результате внутренней семейной коммуникации и взаимодействия (усвоения членами семьи внутренних норм, ценностей, принципов, традиций)¹⁰. С другой стороны, они обновляют собственный социокультурный потенциал в результате внешней (по отношению к семье) коммуникации и взаимодействия (усвоения членами семьи внешних норм, ценностей, принципов, традиций). Данные процессы относительно разрозненны. Они постепенно меняют траектории изменений, интегрируются и взаимно переплетаются. Несложно заметить, что члены семьи и сам военнослужащий культурно развиваются в результате как внутреннего, так и внешнего семейного коммуницирования, усвоения норм, ценностей, принципов преимущественно просветительской, образовательной деятельности, а также профессионально-трудового взаимодействия. Можно отметить, что формирование социальной культуры семьи военнослужащего осуществляется в самопроизвольном режиме внутри семьи и как результат целевых программ воздействия в рамках внешней социальной системы. Данный процесс осуществляется субъективно и объективно в границах заранее согласованной и одобренной определенности, под воздействием существующих социокультурных практик поведения, действий, взаимодействий. Каждый член семьи здесь является относительно самостоятельным субъектом. Последний одновременно представляется как ядро трех независимых систем. А именно – «системы организма, системы культуры и социальной системы»¹¹.

Таким образом, социальная культура семьи военнослужащего – это подсистемный ком-

понент культуры региона и общества. Данная культура представляет единое культурное пространство, социально-культурную ячейку, состоящую из набора общих, а также специфических ценностей, норм, принципов, правил, процедур и традиций. Культура каждым членом обретается в результате как формальных, так и неформальных отношений внутри, а также вне семьи. Это сопровождается разрешением социальных противоречий, адаптацией к трансформациям во внешней среде, реализацией личностного совершенствования, внутренних коммуникаций членов семьи.

По сути, ценности семьи военнослужащего в широком проявлении представляют многофакторный социально-культурологический феномен. Последний имеет антропологический, онтологический и практический источники развития. Ценности данной семьи имеют как внутрисемейную, так и внешнюю детерминированность, отражают идеальные и материальные условия существования данной малой группы. По своей социологической сути семейные ценности военнослужащего непосредственно связаны с экзистенцией каждого члена его семьи, их внутренними и внешними отношениями в семье, личностным развитием, а также динамикой статусных изменений. На практике представляется необходимым выявление и построение ценностных групп членов семьи военнослужащего в виде определенных диапазонов или ценностных подсистем, которые отражают комплекс вариантности ценностных стратегий и предпочтений. При осуществлении эмпирического анализа необходимо применить линейную классификацию ценностных приоритетов членов семьи военнослужащего.

При данном подходе ценности необходимо рассматривать как ядро социальной культуры семьи военнослужащего, ее внутреннее основание. Здесь ценности и социальная культура могут представляться как взаимосвязанные и взаимообусловленные явления. Социальная культура, исследуемая в контексте своей основы (ядра), отражается в системе сложной иерархии ценностей акторов. Трансформация ценностей определяет основу изменения всего комплекса социальной культуры семьи военнослужащего. Комплекс ценностного мира семьи военнослужащего определяет уровень ее социокультурного развития. Современные условия наполнены кризисными явлениями, поэтому они определяют специфическое состояние кризиса ценностей семьи военнослужащего: старые ценности трансформируются, а порой и отвергаются, новые только начинают формироваться. Они только зарождаются и порой не успевают приобрести общественно значимый статус.

Нами исследованы ценности семьи военнослужащих, проходящих службу по контракту в системе военных организаций России. В ре-



зультате проведенного социологического опроса «Культура семьи российского военнослужащего» (2020) выявлена линейка ценностей данных малых групп населения России.

В контексте разработанной цели, а также задач данного эмпирического исследования рассмотрена система «общих характеристик ценностей членов семьи военнослужащего». При этом вторая специфическая система характеристик ценностей совершеннолетних членов семьи военнослужащего в сфере трудовой деятельности нами будет рассмотрена в рамках последующих исследований. На основе анализа первой (начальной) группы ценностей оценим тенденции трансформации важных жизненных приоритетов членов семьи военнослужащего.

Рассмотрим ответы респондентов (членов семьи) на первый вопрос анкеты: «Ваши важнейшие жизненные ценности?» Анализ ответов определял возможность выявления обновления базовых жизненных ценностей за годы реформ. По сути, предпринята попытка уточнения изменения ценностей членов семьи до и после реализации реформы гражданско-военных отношений России 2012 г. Респондентам предложено выбрать основную их ценность (из 7 вариантов) до и после реализации реформы. Результат обработки анкет показал, что за последние годы прослеживается трансформация базовой социально-экономической ценности «Материальное благополучие, высокий заработок». Если до 2012 г. данную ценность выделяют как наиболее важную 59% военнослужащих и 44% их жен/мужей, то в 2020 г. она преобладала только у 38% военнослужащих и у 12% их жен/мужей. Несложно заметить существенные сдвиги по данному сегменту ценности. Рост реального денежного довольствия военнослужащим в результате реформы сместил ценностные приоритеты от материальной составляющей на духовную компоненту.

Несколько иная тенденция прослеживается по второй (по значимости) ценности «Здоровье». До 2012 г. данную ценность выделяют как наиболее важную 15% военнослужащих и 43% их жен/мужей, сейчас (2020 год) данная ценность преобладает у 14% военнослужащих и 38% их жен/мужей. Можно отметить, что по военнослужащим здесь практически отсутствуют изменения. Только в части супругов наблюдается незначительный рост значимости здоровья как базовой жизненной ценности. Необходимо учитывать, что акторы, осуществляющие военную службу, являются относительно молодыми людьми. Последнее определило несколько более низкие показатели ценности здоровья относительно исследований по группам населения России в целом.

Рассмотрим динамику изменений приоритетов относительно следующей по значимости ценности исследуемой семьи – «Семья, хорошие

отношения в семье». До 2012 г. данную ценность выделяют как наиболее важную 8% военнослужащих и 24% их жен/мужей, в настоящее время – 10% военнослужащих и 24% их жен/мужей. В процессе реализации служебно-трудовой деятельности военнослужащие сохраняют ценностную значимость семьи. Интересы и потребности членов семьи военнослужащего ориентированы на обеспечение устойчивых семейных отношений, что укрепляет возможности достижения карьеры, профессиональных стратегий и задач.

Проявляются неоднозначные изменения по четвертой группе ценностей – «Профессиональный и карьерный рост». До 2012 г. данную ценность выделяют как наиболее важную только 37% военнослужащих и 11% их жен/мужей, сейчас 58 и 19% соответственно. На современном этапе профессиональный рост определяется, с одной стороны, как основа социально-экономического благосостояния семьи, с другой – как результат роста образовательного потенциала, повышения практических навыков как военнослужащего, так и членов его семьи. Стабильно сохраняется ценность «Повышение образования». Данная ценность преобладает у 8% военнослужащих и у 8% их жен/мужей.

Необходимо отметить, что в результате реализации реформ у военнослужащих резко повышается ценность «Дело по душе, интересная работа, патриотизм». До 2012 г. данную ценность выделяют как наиболее важную только 4% военнослужащих и 1% их жен/мужей, сейчас – 8 и 3% соответственно. Усиливается целевая ориентация военнослужащих на поиск дела по душе, реализацию себя в интересной военной деятельности, удовлетворение потребности в воинском интеллектуальном труде, подчинение собственных интересов, жертвование ими во имя блага общества, страны и государства. Необходимо заметить, что семья военнослужащего в целом ориентирована на интерес военной службы и реализацию способностей военнослужащего в этом направлении. Трудовые интересы супруги(а) военнослужащего, как правило, отходят на второе или третье места.

Наблюдается стабильно низкий показатель жизненных ценностей военнослужащих, связанных с «Отдыхом и общением». Если до 2012 г. данную ценность выделяют как наиболее важную только 1% военнослужащих и менее 2% их жен/мужей, то в настоящее время – 3% военнослужащих и 2% их жен/мужей. Семья военнослужащего в различных условиях и жизненных ситуациях в целом не нацелена на отдых, приятные коммуникации и общение.

Таким образом, в новых условиях ценности проявляются как один из обобщенных показателей профессионального культурного потенциала военных акторов. Нами выявлены общие социокультурные результаты дебюта гражданско-военной реформы 2012 г. Проявляется снижение



значимости материальной составляющей ценностных ориентаций семьи, сохраняется высокая значимость здоровья, выявлен рост сегмента профессионального и карьерного роста, образовательного развития акторов. Параллельные прогрессивные трансформации наблюдаются на уровне ценностей «Дело по душе, интересная работа, патриотизм». Неизменной по-прежнему остается ценность «Семья». Военнослужащие стремятся сохранить хорошие отношения в собственной семье. Можно отметить взаимосвязь и взаимозависимость трансформационных сдвигов по системным ценностям «Профессиональный и карьерный рост», «Повышение уровня образования» (совершенствуются взаимно обусловленно). Их можно рассматривать как предпосылку, факторный механизм развития служебно-трудовых потребностей военнослужащих, обеспечение потенциала карьерных прогрессивных сдвигов. Проявляется снижение значимости ценностей «Отдых, коммуникации, общение». Новые тенденции развития общих ценностей военнослужащие связывают с необходимостью образовательно-профессионального развития, карьерным ростом, обновлением качества военно-профессионального потенциала. В целом трансформация ценностей семьи военнослужащего в перспективе должна обеспечить рост социального статуса семьи военнослужащего, формирование нового качества интеллектуального человеческого потенциала военнослужащих России.

На основе проведенного нами анализа изменения ценностей семьи военнослужащего можно уточнить структуру семей военнослужащих, а также охарактеризовать трансформацию не только жизненных интересов и приоритетов данной семьи, но и изменение трудовых мотивов ее членов в целом. Ценностные приоритеты членов семьи военнослужащего характеризуются укреплением значимости выбора военной профессии, ориентацией на жизненный успех в процессе реализации служебно-трудовой деятельности. В новых условиях ценности проявляются как один из обобщенных показателей профессионального культурного потенциала военных.

Анализ ценностей семьи военнослужащего показывает, что постепенно насыщаются их материальные потребности, повышается ценность карьерного роста. Обновление ценностей определяет стремление к духовному и профессиональному развитию, построению успешной карьеры, накоплению собственного человеческого капитала.

Относительно приоритетов жизненных ценностей семьи военнослужащих можно разбить на несколько условных групп:

1) 20% – «накопители денежных средств». К данной группе отнесем семьи, члены которых имеют преобладающие ценности, связанные с материальным благополучием, стремлением к

высоким заработкам. Представители группы стремятся достичь максимальных денежных доходов, материальных выгод, ресурсных преимуществ;

2) 17% – «здоровье ориентированные». К данной группе отнесем семьи, члены которых связывают собственные важнейшие приоритеты с сохранением здоровья, расширенным воспроизводством физического потенциала членов семьи;

3) 10% – «крепкие семьянины». Это семьи, для членов которых преобладающие ценности связаны с собственной семьей, поэтому главное для них – сохранить хорошие отношения в семье;

4) 10% – «профессионалы-карьеристы». К данной группе отнесем семьи, жизнедеятельность которых направлена на обеспечение условий карьерного роста военнослужащего, на повышение его военно-образовательного потенциала;

5) 6% – «самоотверженные патриоты». В этих семьях совершеннолетние члены преимущественно ориентируются на поиск дела по душе, реализацию себя в интересной военной деятельности, удовлетворении потребности в воинском интеллектуальном труде, подчинение собственных интересов, жертвование ими во имя блага общества, страны и государства.

Примечания

- 1 См.: Сорокин П. А. Система социологии. М.: Астрель, 2008.
- 2 См.: Bourdieu, P. The Forms of Capital. N. Y.: Greenwood, 1986. P. 241–258.
- 3 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 499.
- 4 См.: Форсова В. В. Семья кадрового военнослужащего // Резюме научных отчетов по исследовательским проектам, выполненным в рамках общегосударственной программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе» в 1991–1994 гг. / отв. ред. В. В. Ядов. М.: ИС РАН, 1995. С. 127–129.
- 5 См.: Быченко Ю. Г., Еришов В. В. Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 247–253. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-247-253>
- 6 См.: Липский И. А. Семьи военнослужащих: социальные аспекты // Материалы Второго Российского конгресса «Мир семьи»: сб.: в 2 ч. Ч. 2. М.: Фонд «Мир семьи», 2001. С. 85–86.
- 7 См.: Баландина, Т. М., Ерохина Н. А., Черевиник Н. Н. Оценка персонала в условиях перехода организации на инновационный тип развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 5 (59). С. 197–201.



- ⁸ См.: *Кочубей А. А.* Об основных социальных проблемах семей военнослужащих Военно-морского флота // Материалы Второго Российского конгресса «Мир семьи»: сб. : в 2 ч. Ч. 2. М. : Фонд «Мир семьи», 2001. С. 84–85.
- ⁹ См.: *Баландина Т. М., Хвостанцев С. В.* Профессиональная адаптация офицеров национальной гвардии России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3 (67). С. 167–171.
- ¹⁰ См.: *Бычков П. И.* Правовое и социально-экономическое положение военнослужащих по контракту Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы международной научной конференции «Современное состояние военно-гражданских отношений в России». М. : Научный эксперт, 2005. С. 234–248.
- ¹¹ См.: *Чертков А. М., Иванов А. В., Ковалевич Ю. В.* Профессиональная адаптация офицеров пограничников в условиях вооруженного конфликта : учебное пособие. М. : Академия ФПС, 2002.

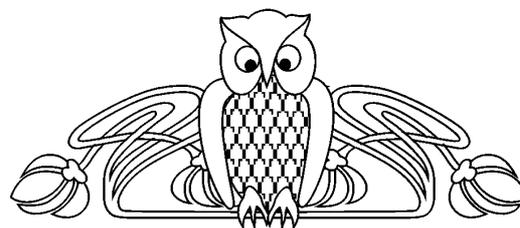
Поступила в редакцию 13.10.2019, после рецензирования 20.11.2020, принята к публикации 03.12.2020
Received 13.10.2019, revised 20.11.2020, accepted 03.12.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 17–22
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 17–22

Научная статья
УДК 304.444
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-17-22>

Механизмы интеграции мигрантов в социокультурное пространство Европейского союза



А. Ж. Закирова

Дзержинский политехнический институт (филиал) НГТУ имени Р. Е. Алексева, Россия, Нижегородская обл., 606026, г. Дзержинск, ул. Гайдара, д. 49

Закирова Адэлия Жамилевна, кандидат философских наук, старший преподаватель, zakirova107@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3901-8262>

Аннотация. Интеграция мигрантов в социокультурное пространство принимающей их страны является сложным процессом, основной целью которого выступают превращение новоприбывших в полноправных гармоничных членов принимающего их общества и минимизация связанных с этим процессом негативных последствий. Процесс интеграции затрагивает культурные, экономические, социальные сферы общества. Практика Евросоюза в области интеграции мигрантов является актуальным примером, представляющим собой образец сотрудничества развитых гражданских обществ европейских стран.

Ключевые слова: миграция, интеграция, Евросоюз, гражданское общество, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Закирова А. Ж. Механизмы интеграции мигрантов в социокультурное пространство Европейского союза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 17–22. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-17-22>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-17-22>

Migrants' integrative tools for entering the European Union sociocultural space

Adeliya Zh. Zakirova, zakirova107@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3901-8262>

Dzerzhinsk Polytechnic Institute (Branch) of Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R. E. Alekseev, 49 Gaidara St., Dzerzhinsk 606026, Nizhegorodskiy region, Russia

Abstract. The integration of migrants into the social cultural space of a host country is a complicated process. Its main goal is to turn a migrant into a full-fledged citizen and to decrease negative consequences of this process. The integration touches on cultural, economic and social spheres of society. The EU practice gives an acute example of the collaboration of developed European civil societies.

Keywords: migration, integration, European union, civic society, interethnic communication

For citation: Zakirova A. Zh. Migrants' integrative tools for entering the European Union sociocultural space. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 17–22 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-17-22>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Миграция никогда не достигала тех масштабов, с которыми вынуждена была столкнуться современная цивилизация. Согласно Порталу глобальных данных о миграции, на 2019 г. в мире насчитывается 271,6 млн мигрантов (для сравнения: 2010 г. – 220,8 млн, 2015 г. – 248,9 млн чел.)¹. Из них на европейские страны приходится 82 млн новоприбывших², самый большой показатель в Германии – 13,1 млн, Великобритании – 9,6 млн, Франции – 8,3 млн чел. Наибольший поток в Европу идет из Алжира, Сирии, Марок-

ко. При этом отмечается спад миграционного кризиса с 2015 г.: в первые 10 месяцев 2019 г. в Европу попали 82 978 мигрантов, за аналогичный период 2018 г. – 97 765 беженцев³.

Подобная ситуация ведет к разрушению (трансформации) социальных систем, нарастанию трудно разрешимых противоречий на этноконфессиональной почве, недовольству населения принимающих стран, что способствует росту межэтнической напряженности. Слаборазвитый институт адаптации мигрантов при-



водит к их маргинализации и добровольной сегрегации. В данном случае наглядным примером может служить образование китайских, русских кварталов в европейских городах, когда ново-прибывшие предпочитают жить обособленной группой и таким образом продолжать следовать своим традициям и практиковать свой язык.

Сфера миграционной политики является крайне конфликтной для стран Евросоюза, а потому крайне актуальной. Основная цель интеграции мигрантов – создать гармонично функционирующее общество, где бытовые конфликты решаются на своем уровне, а не спускаются на уровень межкультурных, приводя к росту напряженности. Практика Европейского союза наглядно демонстрирует, что интеграция мигрантов является сложным комплексным последовательным процессом, затрагивающим культурные, социальные, экономические аспекты.

Более того, важно отметить, что в наше время миграционный поток стал спонтанным, массовым и слабо поддающимся управленческим решениям, что, в свою очередь, вызывает обеспокоенность как в политических, так и в научных кругах.

Приводя к изменению социокультурных механизмов регулирования общественных отношений, миграция стала причиной возникновения глобальных проблем межэтнического взаимодействия, в результате которых зачастую растет межэтническая напряженность, приводящая к нарушению продуктивного коммуникативного процесса и возникновению разноуровневых конфликтов. Миграционные процессы оказывают значительное влияние на этническую культуру и этнокультурную идентичность прибывших народов, следовательно, и на признаки этничности. С одной стороны, в случаях единичного растворения мигрантов в иной культурной среде размытие социальных признаков этнической идентичности происходит достаточно быстро. С другой стороны, можно наблюдать и противоположный процесс, когда при большом скоплении мигрантов этого размытия в рамках одного поколения практически не происходит. Более того, оказываясь в чуждой для них социокультурной обстановке, мигранты консолидируются посредством своей этничности и языка, что зачастую приводит к росту националистических настроений.

Стоит отметить еще одну особенность современной миграции, а именно ее транснациональный характер, во многом обусловливаемый возможностями современных коммуникационных систем: новоприбывшие вступают в коммуникационное поле принимающего общества, сохраняя прежние социальные связи, свой уклад жизни, язык, культуру, нормы межличностной коммуникации. Характерной чертой транснациональной миграции является регулярность и устойчивость контактов между странами. Транс-

национальный характер миграции имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, мигранты, поддерживающие транснациональные связи, в меньшей степени ощущают психологическое давление со стороны принимающего общества, поскольку они сохраняют отношения с родными и близкими посредством обозначенных механизмов и таким образом на расстоянии частично компенсируют чувство этнической идентичности со своим народом. С другой стороны, транснациональный характер миграции затрудняет процесс адаптации мигрантов к социокультурной среде принимающего общества, провоцируя со стороны последних возникновение межэтнической напряженности. Кроме того, транснациональный характер миграции способствует распространению одной из главных угроз современной цивилизации – терроризма, и развитию террористических сетей.

В связи с этим актуальным является вопрос о механизмах интеграции мигрантов в европейское общество. До 2015 г. получает распространение идея мультикультурализма – идеологии, строящейся на позициях культурного плюрализма и провозглашающей своей основной задачей обеспечение мирного сосуществования множества инокультурных сообществ в рамках одной нации, основываясь на принципах толерантности. Между тем в 2015 г. представители европейских стран заявляют о кризисе обозначенной политики, поскольку она, делая акцент на самобытности и ценности культур прибывающего населения, упускала из виду социокультурные особенности принимающего сообщества. Кроме того, среди главных причин кризиса мультикультурализма ученые называют отсутствие у определенных этносов, оказавшихся в условиях инокультуры, достаточного уровня политической культуры, а также незнание языка, что, в первую очередь, препятствует полноценному социокультурному и профессиональному взаимодействию и, во-вторых – служит основанием для сохранения замкнутости этноса⁴.

В итоге руководители стран ЕС были вынуждены пойти на пересмотр законодательства в миграционной сфере. Необходимо отметить, что с начала миграционного кризиса 2014–2015 гг. основным документом, определяющим европейскую миграционную политику, являлось Дублинское соглашение, согласно которому беженцы распределялись по принципу «страны первого въезда». Благодаря этому правилу удавалось предотвращать ситуацию, при которой беженец может подать заявление сразу в несколько стран ЕС и получить убежище в выбранной им самим стране. Однако это привело к тому, что миграционная нагрузка ложилась только на ряд определенных стран: Грецию, Италию, Венгрию. В итоге в 2015 г. Германия объявила об окончании Дублинского соглашения. В мае 2015 г. Комиссия выступила с «Европейской повесткой дня по



миграции», политическим программным документом, который содержал приоритетные задачи, стоящие перед Евросоюзом в сфере регулирования миграционных потоков, предоставления убежища и защиты внешней границы⁵. В итоге новых договоренностей были созданы специальные зоны приема мигрантов, сокращены сроки подачи запроса о предоставлении убежища с 11 до 6 месяцев, уменьшены сроки предоставления медицинской страховки с 12 до 6 месяцев. Кроме того, ужесточению подверглась и система выделения квот для трудовых мигрантов. В частности, например, во Франции работодатель должен обосновать, почему на рабочее место ему необходим работник-мигрант. Эти привело к обозначенному выше значительному спаду миграционного потока в Европу после 2015 г. Данная тенденция наблюдается до сих пор.

Российские и зарубежные эксперты все чаще сходятся во мнении, что особо актуальной является деятельность по демилитаризации зон военного противостояния (Ирака, Сирии, Сомали, Афганистана), что позволит минимизировать миграционные потоки и снизить экономическую, социальную и культурную нагрузку на европейские общества⁶.

В рамках решения миграционной проблемы происходит активное взаимодействие гражданских обществ европейских стран. Учитывая общую территориальную организацию, а также совместное историко-культурное развитие, невозможно решить миграционную проблему в рамках одной страны. Представители европейских стран разрабатывают и внедряют совместные программы по интеграции мигрантов, что отражается на электронном ресурсе European web-site on integration. Кроме того, функционируют разноплановые некоммерческие организации, характерные для развитого гражданского общества. Например, The European Asylum Support Office, Asylum, Migration and Integration Fund, занимающиеся сбором финансовых средств с целью поддержки новоприбывших.

Среди факторов, способствующих формированию ориентации мигрантов на адаптацию к новой для них социокультурной среде, выделяют такие, как: доступность основных элементов социальной сферы (рынок труда, жилья, образования и т. п.); социокультурная дистанция между принимающим и родным обществом; этнокультурные черты групповой самоорганизации, обусловленные социальной организацией и традициями родного народа; характер миграции (добровольный или вынужденный, временный или постоянный); исторически сложившийся этнический опыт адаптации к инокультурной среде; доступность для мигрантов формальных и неформальных сетей взаимодействия⁷.

Кроме того, необходимо отметить психологический и социокультурный аспекты адаптации. В первом случае имеются в виду личност-

ные последствия миграции, выражающиеся в чувстве культурной идентичности, принадлежности к новому обществу, а также гармоничном психологическом состоянии в новом культурном контексте (Н. М. Лебедева, К. Уорд). Под социокультурным аспектом адаптации подразумевают способность вступать в продуктивный коммуникационный процесс с новым культурным окружением⁸. Не менее важной является также экономическая адаптация, которая обуславливается наличием работы и степенью удовлетворенности ею.

Важным элементом интеграции мигрантов является информационная открытость. Предоставление информации о правовых, экономических, социальных и культурных аспектах интеграции в европейские страны позволяет избежать неопределенности, запутанности, а соответственно, и определенного уровня напряженности, возникающей с нехваткой сведений. Примером является разработанный представителями Еврокомиссии Миграционный портал Евросоюза (EU Immigration Portal), где мигранты могут получить всю необходимую информацию, касающуюся получения визы: перечень необходимых документов, общие условия подачи и др. Также Евросоюзом был запущен сайт Europe an web-site on integration, где размещается информация о различных мероприятиях и проектах, организуемых гражданскими обществами европейских стран, по интеграции мигрантов.

В 2016 г. в рамках проектной деятельности на территории европейских стран было запущено мобильное приложение BLEND-IN. Оно предлагало новоприбывшим изучить ряд базовых тем, связанных с переездом в новую для них страну: трудоустройство, безопасность, закон, права и обязанности. Кроме того, предоставлялась информация по доступу к муниципальным службам, задействованным в данных сферах. Приложение BLEND-IN наглядно демонстрирует актуальность и необходимость использования современных научных технологий в интеграции мигрантов.

Таким образом, механизмы интеграции мигрантов представляют собой комплексную систему мер по гармонизации отношений между новоприбывшими и коренным населением. Среди них поддержка в поиске жилья, обеспечение образования, курсы по изучению языка принимающей стороны, повышение уровня культурной компетенции. Мероприятия по интеграции могут как иметь краткосрочный характер, так и представлять собой программы, охватывающие в своем развитии десятилетия. Более того, они охватывают разные возрастные, социальные, профессиональные группы. Анализ данных свидетельствует о том, что в рамках сотрудничества гражданских обществ Евросоюза осуществляется регулярная совместная деятельность в сфере адаптации мигрантов:



– экономическая интеграция, которая предполагает поддержку в приобретении доступа на рынок труда, обеспечение занятости;

– социальная интеграция, суть которой заключается в обеспечении доступа к жилью, здравоохранению, образованию;

– культурная адаптация/интеграция, в рамках которой мигранты получают возможность изучать язык и культуру принимающей страны при возможности сохранения своей культуры, религии, обычаев⁹.

Ниже рассмотрены примеры практической реализации механизмов интеграции мигрантов в новое для них общество как в отдельных странах Евросоюза, так и совместные программы.

Проектная деятельность является одним из перспективных направлений в политике адаптации мигрантов, поскольку она позволяет наладить продуктивное взаимодействие между мигрантами и принимающим населением, а также настроить последних на самостоятельное изучение проблемной сферы. К данной работе привлекаются и жители принимающей стороны. Таким образом организуется коммуникация в неконфликтной среде, формируются мирные модели выстраивания взаимоотношений и решения проблем. Например, в октябре 2019 г. в Португалии прошел Международный конкурс проектов по продвижению предпринимательства среди мигрантов («Project for the Promotion of Immigrant Entrepreneurship»). В рамках данного конкурса мигрантам, занимающимся предпринимательством или намеревающимся открыть свое дело, предлагалось не только разработать и представить свои проекты по развитию бизнеса, но также и прослушать курсы по специфике ведения предпринимательской деятельности в европейских странах. Целью этого мероприятия является обеспечение социальной и профессиональной интеграции мигрантов посредством обучения различного рода компетенциям, необходимым для ведения бизнеса, а также обмена профессиональным опытом. С момента запуска данного проекта в 2009 г. в нем принял участие 2161 человек¹⁰.

Еще одним примером интеграции посредством ведения проектной деятельности является общеевропейская программа «BONDS», развивающаяся в 2016–2018 гг. При работе с участниками программы использовалась техника создания комиксов, посредством которой разработчики в мягкой форме прививали новоприбывшим такие социальные качества, как творческий подход и стремление к сотрудничеству. Целевой аудиторией выступили женщины с детьми, которые, как утверждают разработчики программы, в большей степени испытывают сложности в адаптации, что может иметь длительные последствия в эмоциональном измерении. На развитие программы Еврокомиссия направила порядка 220 тыс. евро, количество участников не уточня-

ется. Отмечается, что участники оценивали влияние программы положительно¹¹.

Программы наставничества являются продуктивным и актуальным механизмом интеграции мигрантов, поскольку обеспечивают активное взаимодействие новоприбывших с представителями коренного населения, позволяя, с одной стороны, совместно преодолевать культурные коммуникативные барьеры, с другой стороны, выстраивать модели продуктивного взаимодействия. Например, с 2009 г. в Испании работает Межкультурная программа наставничества молодежи. Основная ее цель – выстраивание межличностного общения между студенческой и школьной молодежью разных культур в регионах с высоким уровнем социальной изоляции. В рамках развития программы один раз в неделю в течение рабочего времени организуются трехчасовые встречи между школьниками 11–15 лет из мигрантского сообщества и студентами высших учебных заведений, в ходе которых молодежь вовлекается в разного рода активности, позволяющие познакомиться с различными частями города. В ходе программы происходит не только процесс интеграции новоприбывших, но и молодое поколение принимающей стороны учится понимать и взаимодействовать с представителями иных культур. Проект еще развивается, на настоящий момент в нем задействовано порядка 300 наставников¹².

В 2017–2019 гг. в рамках Евросоюза развивалась программа по интеграции женщин-мигрантов, в ходе которой они получали возможность пройти курсы по изучению языка, а также в сферах трудоустройства и здравоохранения. В рамках развития программы женщины-мигранты принимали участие в играх, викторинах и иных видах активностей, которые позволяли участникам задавать вопросы и делиться своим мнением в важных для них практиках. Только на Мальте количество участников программы превысило 200 человек, по остальным странам-участницам информация не приводится.

Языковой барьер является одной из ключевых проблем в процессе адаптации мигрантов. С одной стороны, мигранты получают возможность изучать и практиковать язык принимающей страны в рамках обозначенных выше направлений. С другой стороны, гражданскими обществами Евросоюза развиваются и отдельные специализированные проекты. Например, совместная программа Евросоюза «Speak», главной целью которой является обмен языковыми и культурными знаниями. В рамках проекта по всей Европе организовывались группы по изучению языка принимающей страны. Как заявляли организаторы, программа призвана была решать две задачи: с одной стороны, помогать мигрантам изучать язык принимающей стороны, с другой – встречаться и общаться с представителями иных культур и таким образом преодолевать коммуни-



кативный барьер. Программа продемонстрировала высокую эффективность: в ходе развития в ней приняли участие более 22 тыс. человек.

Помимо культурной интеграции, гражданские институты европейских стран стремятся минимизировать и социальные барьеры, в частности, внедряют программы по обеспечению жильем новоприбывших. С 2016 г. в Польше развивается проект «Добро пожаловать домой». Организаторы программы снимают квартиры и передают их семьям беженцев по более низкой цене. В течение трех лет арендная цена повышается до своего начального показателя так, что новоприбывшие могут работать уже напрямую с собственниками. К тому же участники программы получают поддержку в сфере изучения польского языка, а также сферах здравоохранения, юридической и психологической помощи. Целью данной программы является помощь мигрантам в обретении финансовой и социальной независимости. Программа строится на теории, что интеграция новоприбывших в новое для них общество невозможна без стабильности и безопасности в сфере обеспечения жильем. Для примера: в августе 2019 г. программа оказала поддержку 10 мигрантским семьям, еще 10 семей ожидали возможности поучаствовать в программе¹³.

Логично, что люди, решившиеся на переезд (постоянный или временный) в чужую страну, обеспокоены собственным благосостоянием. Поэтому для них чаще всего изначально характерно желание влиться в принимающее общество. Однако несовершенство законодательства чужого государства, плохо оплачиваемая работа, незнание языка принимающего общества, а также его социокультурных ценностей, этнические стереотипы и мифы – все это ставит новоприбывших в маргинальное положение, которое сводит к минимуму их желание адаптироваться.

Стоит отметить, что на эффективность развития программ по интеграции мигрантов большое влияние оказывает характер идентичности принимающего общества: позитивная идентичность принимающего населения, заключающаяся в адекватной оценке собственной культуры, способствует более благоприятному отношению к мигрантам, и, наоборот, негативная этническая идентичность вызывает националистские настроения и агрессию. Следовательно, странам, сталкивающимся с миграционной проблемой, необходимо формировать собственный благоприятный культурный и социальный контекст. Именно поэтому, помимо непосредственной работы с мигрантским сообществом, представители европейских стран стремятся повысить уровень профессионализма собственных преподавателей в сфере выстраивания и ведения межкультурной коммуникации. Например, с 2016 г. в Словении проводятся бесплатные семинары по повышению уровня социальной и гражданской

компетенции преподавателей в сфере межкультурной коммуникации, связанной с миграцией. Среди тем семинаров: интеграция мигрантов, словенский язык и межкультурный диалог; толерантность к насилию; взаимоуважительное общение и управление конфликтами и др. Организаторы проекта рассчитывают, что до сентября 2021 г. обучение на семинарах пройдут около 10 тыс. деятелей образования.

Кроме того, на уровень маргинализации мигрантов влияет информационная обстановка, разворачивающаяся на данный момент в принимающем обществе¹⁴. Под последней мы понимаем этнические стереотипы, мифы, слухи, которые складываются вокруг мигрантского сообщества и распространяются в обществе посредством СМИ и сети Интернет. Эти обстоятельства способны создавать заведомо конфликтную среду, которая становится взрывоопасной при возникновении даже малой степени напряженности. Мощным коммуникативным и защитным ресурсом в данной ситуации выступает родной язык мигрантов, а также другие социокультурные механизмы, характерные для общества новоприбывших (традиции, обычаи, обряды).

Оценивая эффективность политики Евросоюза в сфере интеграции мигрантов, мы можем отметить, что особой актуальностью обладают курсы по овладению языком принимающей страны. При этом остальные меры, судя по количеству вовлеченных участников, затрагивают лишь малую часть мигрантского сообщества. Кроме того, важно отметить добровольность участия новоприбывших в проектах по адаптации с той точки зрения, что маргинальная часть мигрантов остается за границей развития проектов по интеграции. Необходима большая популяризация развиваемых проектов посредством СМИ и Интернета с наглядной демонстрацией достигнутых результатов по поддержке новоприбывших.

Примечания

- ¹ См.: The bigger picture // Migration Data Portal. URL: https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019 (дата обращения: 08.11.2019).
- ² См.: The number of international migrants reaches 272 million, continuing an upward trend in all world regions, says UN. URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/international-migrant-stock-2019.html> (дата обращения: 23.01.2020).
- ³ См.: UN : nearly 83000 refugees enter Europe in 2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/un-nearly-83-000-refugees-enter-europe-in-2019/1626059> (дата обращения: 23.01.2020).
- ⁴ См.: Савруцкая Е. П., Жигалев Б. А., Дорожкин А. М., Устинкин С. В. Образование. Культура. Язык. Н. Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ» ; СПб. : Изд-во РХГА, 2014. С. 152.



- ⁵ См.: Потемкина О. Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 40.
- ⁶ См.: Блинов А. Европейские тропы миграции. URL: <https://russkiymir.ru/publications/257810/> (дата обращения: 20.12.2019).
- ⁷ См.: Дмитриев А. В., Мукомель В. И. Этническая иммиграция : конфликтное измерение // Россия в глобальных процессах : поиски перспективы / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 107.
- ⁸ См.: Ленишкова З. Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М. : Грифон, 2012. С.10.
- ⁹ См.: Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов : методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся : Ежегодник : сб. науч. ст. / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 14. М. : Новый хронограф, 2016. С. 412.
- ¹⁰ См.: Project for the Promotion of Immigrant Entrepreneurship (PEI). URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/project-for-the-promotion-of-immigrant-entrepreneurship-pei> (дата обращения: 29.10.2020).
- ¹¹ См.: BONDS–Booster the emotional dimension of social inclusion for immigrant mothers and children. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/bonds-booster-the-emotional-dimension-of-social-inclusion-for-immigrant-mothers-and-children> (дата обращения: 29.10.2020).
- ¹² См.: Rossinyol – Intercultural youth mentoring programme in Spain. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/rossinyol-intercultural-youth-mentoring-programme-in-spain> (дата обращения: 29.10.2020).
- ¹³ См.: Welcome Home – Housing support for refugee families in Poland (Unofficial translation). URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/welcome-home-housing-support-for-refugee-families-in-poland> (дата обращения: 29.10.2020).
- ¹⁴ См.: Метёлев И. С. Миграция, цивилизация, Россия // Власть. 2011. № 10. С. 102.

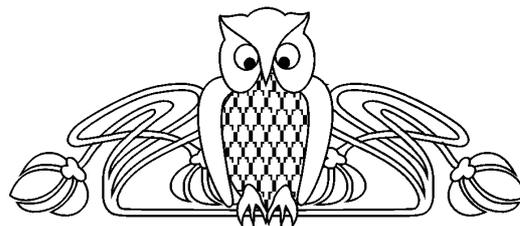
Поступила в редакцию 26.11.2020, после рецензирования 02.12.2020, принята к публикации 04.12.2020
Received 26.11.2020, revised 02.12.2020, accepted 04.12.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 23–28
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 23–28

Научная статья
УДК 316.344.8
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-23-28>

Лиминальная идентичность поколения COVID



О. В. Мунина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, munina-devinaov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-4127>

Аннотация. Авторская рефлексия направлена на выявление специфики состояния личности представителей поколения Z («Хоумлендеров»/ «Центениалов»/ «Художников»/ «Домоседов»), соотносящих себя с конкретными социальными общностями в контексте пандемии вируса COVID-19. Дистанционный формат организации общения и деятельности сказался на механизмах социализации, как первичной, так и вторичной. Последовательное прохождение трех фаз: адаптации, индивидуализации и интеграции, в условиях пандемии приобрело дополнительные характеристики, что в свою очередь отразилось на формировании идентичности индивида. Представители средних и старших поколений (Y, X, Бэби-бумеры) оказались в диссонансном состоянии, в то время как Хоумлендеры продемонстрировали большую готовность к жизнедеятельности в цифровом пространстве. Автор концентрирует внимание на причинно-следственных связях данного обстоятельства, настаивает на необходимости использования для характеристики состояния идентичности представителей поколения Z категории «лиминальность», а само лиминальное состояние описывает как «пороговое» и переходное, характерное для индивидов в условиях существенных индивидуальных и социальных изменений. Вектор исследовательского интереса предполагает операционализацию понятий и последующее сопоставление специфики лиминальной идентичности с тенденциями движения социума в направлении социальной сингулярности.

Ключевые слова: лиминальность, лиминальное состояние, идентичность, теория поколений, модель Хоува-Штрауса, поколение Z (Хоумлендеры), социальная сингулярность

Для цитирования: Мунина О. В. Лиминальная идентичность поколения COVID // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 23–28. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-23-28>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-23-28>

Liminal identity of the COVID generation

Olga V. Munina, munina-devinaov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-4127>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The author's reflection is aimed at identifying the specifics of the representatives of generation Z ("Homelanders"/"Centenials"/"Artists"/"Homebodies") personal state who relate themselves to specific social communities in the context of the COVID-19 virus pandemic. The remote format of organizing communication and activities affected the mechanisms of socialization, both primary and secondary. The sequential passage of three phases: adaptation, individualization and integration in the context of the pandemic acquired additional characteristics which, in turn, affected the formation of an individual's identity. The representatives of the middle and older generations (Y, X, Baby boomers) appeared to be in a dissonant state, while Homelanders showed a greater willingness to live in the digital space. The author focuses on the cause-and-effect relationships of this circumstance, insisting on the need to use the "Liminality" category to characterize the identity state of representatives of generation Z, and describes the liminal state itself as "a threshold" and transitional one characterizing the individuals in the conditions of significant individual and social changes. The vector of the research interest involves the operationalization of the concepts and the subsequent comparison of the specifics of the liminal identity with the trends of social movement in the direction of social singularity.

Keywords: liminality, liminal state, identity, generation theory, Howe-Strauss model, generation Z (Homelanders), social singularity

For citation: Munina O. V. Liminal identity of the COVID generation. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 23–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-23-28>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)



В условиях пандемии вируса COVID-19 человечество попало в ситуацию стратегической растерянности. Социум оказался не готов к вызову, повлиявшему на все сферы жизнедеятельности человека. В этих условиях проблема формирования идентичности вышла на новый виток актуализации. Базовые тактики и паттерны поведения продемонстрировали свою неустойчивость. Состояние нестабильности, вынужденная стремительная адаптация к цифровой деятельности, динамические мощностные и давление информационных потоков обусловили появление новых стандартов социальной интеракции и испытали на прочность привычные механизмы индивидуальной и групповой идентичности. Идентификация как элемент социализации приобрела новые оттенки и еще большую пластичность. Последнее стало особенно показательным для стадии вторичной социализации. Сложные диссонансные обстоятельства постоянного пребывания и реализации себя в цифровом пространстве представителей средних и старших поколений (Y, X, Бэби-бумеры) неожиданно проявили на контрасте высокую готовность представителей поколения Z к электронной коммуникации и идентификации в условиях виртуала. Младшее и старшее поколения поменялись ролями объектов и субъектов цифровой социализации. Встал вопрос о выявлении характеристик представителей поколения Z, обеспечившим им максимально безболезненную адаптацию, интеграцию и идентификацию.

Реализацию нашего научного поиска следует начать с трактовки применяемых понятий и теорий и их авторской интерпретации.

Родовая дефиниция «идентичность» в силу своей синонимичности относится к числу сложных, по сей день неопределенных понятий. Этимология слова «идентичность» (*identitas*) восходит к латинскому *idem*, означающему «тот же самый». В буквальном переводе имеет два значения: узнавание и отождествление¹. Широко распространение понятие «идентичность» получает в середине XX в. после выхода в свет работ Э. Эриксона, использующего термин в двух значениях: и как сознательное чувство самобытности индивида, и как бессознательное стремление к солидаризации индивида с групповыми идеалами². Идентичность выступает предметом исследования различных наук, в которых получает достаточно основательную проработку. Большой вклад внесены философами (Р. Барт, М. Фуко), социологами (З. Бауман, П. Бергер, Э. Дюркгейм, Т. Лукман, Дж. Коулман), представителями социальной психологии (Э. Фромм, А. Тэшфел, Дж. Тернер). В контексте нашей работы используется определение, данное Н. А. Тельновой, трактующей идентичность как осознанный процесс соотносительности человека с определенной общностью в конкретном социально-политическом контексте³.

Идентичность дифференцируется на индивидуальную и групповую. Первая свой-

ственна одному человеку, бывает личностной и Я-идентичностью, вторая – относится к функциям государства, его институтов, сообществ. Предоставляя в определенном контексте спектр возможных альтернатив поведения и способы его интерпретации и реализации, она отвечает за постоянство личности. Обретение идентичности – цель взросления, поэтому значимое место отводится процессу получения образования, выбору профессии, профессиональному сообществу и профессиональной деятельности.

Категория «идентификация» (от лат. *identificare* – отождествлять) была включена в научный обиход З. Фрейдом как установление совпадения чего-либо с чем-либо и основа понимания человека человеком. Своими работами З. Фрейд заложил основу понимания идентификации в качестве решающего и универсального условия группообразования⁴. Идентификация является механизмом социализации индивида, предполагающим процесс и результат его самоотождествления с другими людьми, группой, образом на основании установившейся связи, включения их в свой внутренний мир, принятия как собственных норм, ценностей, образцов. Механизм идентификации обеспечивает взаимную связь индивидов в социальной группе и психологическую защищенность личности.

Дефиниции «идентичность» и «идентификация» соотносятся между собой следующим образом: идентичность – это состояние как результат, а идентификация – процесс ее формирования, включающая общественную и культурную составляющие.

Примером осуществления идентичности служит отождествление себя с конкретным поколением. По мнению авторов теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува, социальное поколение – это совокупность всех людей, которые были рождены в один промежуток времени, составляющий примерно двадцать лет⁵. Поколение идентифицируется по соответствию трем обязательным критериям:

1) представители одного поколения разделяют одну историческую эпоху, сталкиваются с одинаковыми ключевыми проблемами и историческими событиями, находясь при этом на одинаковых жизненных фазах (детство, молодость, средний возраст или старость);

2) им присущи общие модели поведения, ценности и убеждения;

3) они испытывают чувство принадлежности своему поколению, осознают и разделяют опыт и убеждения своих сверстников.

Существуют мнения, что с ростом темпа технологического прогресса в последние несколько десятков лет длительность влияния того или иного поколения уменьшается⁶. Однако, по мнению В. Штрауса и Н. Хоува, это не произойдет до тех пор, пока не сдвинутся временные рамки этапов жизни человека. А пока человек взрослеет к двад-



цати годам, достигает среднего возраста в сорок и становится пожилым в шестьдесят, базовая продолжительность поколений и превращений будет оставаться неизменной. При этом авторы отмечают, что не существует точных временных границ, разделяющих поколения друг от друга, эти рамки размыты и похожи на биологические циклы, когда выделяются лишь определенные интервалы. Люди, рожденные в переходные периоды, несут в себе характеристики двух смежных поколений и считаются представителями эхо-поколений или, другими словами, субпоколений.

Теория поколений Хоува – Штрауса позволяет оценить возможные сценарии развития, перспективы и потенциал целых пластов населения, что можно успешно применять в самых различных социальных сферах жизнедеятельности, например, в маркетинге, менеджменте, социальной работе. Мы считаем возможным использование модели Хоува – Штрауса для описания различных сторон социальной идентичности представителей ныне живущих поколений. Благодаря смене поколений цикл превращений приводится в движение и определяется его периодичностью. Так, со вступлением каждого поколения в следующую жизненную фазу и принятием им новых социальных ролей происходят фундаментальные изменения в настроении и поведении, что дает новому поколению возможность проявить себя. Из этого следует, что существует зависимость между событиями истории и типами поколений. Важные исторические события влияют на мировоззрение людей в детстве и молодости, тем самым формируя поколения, определяя уникальные характеристики различных типов социальной идентичности представителей поколения: культурной, исторической, гражданской, этнической, религиозной, гендерной, территориальной, средовой. Когда эти поколения взрослеют, становятся в середине жизни родителями, лидерами, то уже они формируют историю.

Среди ныне живущих поколений мы можем наблюдать следующие архетипы и их базовые характеристики, влияющие на идентичность:

– поколение G1, или «Победители», «Герои» (1900–1922 гг. р.): ответственность, трудолюбие, идеология, семейные традиции и значимость семьи, категоричность суждений, сложившиеся под влиянием революции 1917, процессов коллективизации и электрификации (данное поколение малочисленно, но мы не могли его не упомянуть в силу наличия долгожителей);

– Молчаливое поколение, «Художники» (1923–1942 гг. р.): честь, достоинство, дисциплинированность, преданность, терпение, сформированные под воздействием репрессий, Великой Отечественной войны, восстановления страны в послевоенное время, открытия антибиотиков;

– поколение Бэби-бумеров, «Пророки» (1943–1963 гг. р.): коллективный оптимизм, заинтересованность в самореализации, командный дух, культ молодости, являющиеся отражением

хрущевской «оттепели», первого полета в космос, холодной войны;

– поколение X, или «Странники»/ «Неизвестное поколение» (1963–1984 гг. р.): прагматизм и поиск эмоций, индивидуализм, надежда на себя, гендерное равноправие, неформальные взгляды, готовность к изменениям, стремление учиться в течение всей жизни, техническая грамотность, глобальная информированность. Эти ценности формировались в условиях продолжающейся холодной войны, войны в Афганистане, перестроечного периода, широкого распространения СПИДа и наркотиков;

– поколение Y, или «Игреки», «Миллениалы»/ «Герои»/ «Поколение next»/ «Поколение сети» (1984–2000 гг. р.): ответственность, мораль, гражданский долг, наивность, умение адаптироваться и подчиняться, свобода виртуального общения, fun (веселье), нацеленность на результат и немедленное вознаграждение. Значимыми событиями для данного поколения стали развал СССР, военные и национальные конфликты, теракты, развитие Интернета, появление мобильных телефонов, распространение новых вирусов, атипичной пневмонии;

– поколение Z, или «Центениалы»/ «Хоумлендеры»/ «Художники»/ «Домоседы» (с 2000 г. р.): приоритет сетевого общения, иммунитет к рекламе, космополитическое сознание, терпимость и спокойствие, синдром дефицита внимания, клиповое сознание, стремление получить максимум информации в короткий срок. Эти базовые характеристики поколения продолжают формироваться в условиях таких больших событий, как Олимпиада в Сочи-2014, чемпионат мира по футболу-2018, пандемия COVID-19, ознаменовавшая собой 2020 г. и обусловившая введение самоизоляции и дистанционного обучения.

По нашему мнению, именно распространение вируса COVID-19 станет ключевым идентификационным маркером поколения Z, и со временем среди терминов-синонимов Хоумлендеров появится равноценное – поколение COVID.

Пандемия перевела в «цифру» не только процесс коммуникативного общения, но и практически в целом профессиональную и учебную деятельность (особенно актуальным это стало для поколений Бэби-бумеров, X, Y, Z). Выше мы уже отмечали, что получение образования, выбор профессии, профессиональные сообщества и профессиональная деятельность – значимые и необходимые условия обретения идентичности. Безболезненная адаптация к полноценной самореализации в цифровом информационном пространстве стала возможной лишь при наличии так называемой Patchwork-идентичности, характеризующейся, прежде всего, пластичностью, целостностью и многоуровневостью социокультурной реальности как реальности лоскутной.

К сожалению, большинство представителей двух старших поколений – Бэби-бумеры и ран-



ние Иксы – оказались не готовы к вызову новой информационной среды обитания. В нестандартной ситуации их групповая идентичность начала стремительно размываться и угрожала перерасти в кризис идентичности современного человека. В частности, широкие (этнические, территориальные, культурные, политические) идентичности представителей старших поколений в условиях пандемии ощутили на себе натиск мозаичности и дифференцированности цифрового пространства. В итоге ослабла социальная солидарность, но сама потребность в идентичности осталась и стала замещаться узкими идентичностями на микроуровне.

В свою очередь, поздние Иксы и представители более молодого поколения Y столкнулись с необходимостью реформирования своих профессиональных навыков и информационных компетенций, взаимобмена и заимствования практик жизнедеятельности в сети у представителей самого юного поколения Z. У большинства поздних Странников и Миллениалов идентичность в условиях виртуального пространства связывалась исключительно с аспектом индивидуальной идентичности посредством индивидуализации через социальные сети и видеоблогинг. Подобное использование указанных каналов экстернизации предполагало лишь внешнее выражение (через знаковую и социальную форму: действия, высказывания) внутренних состояний психологических структур человека, его замыслов, планов. Подобный дисбаланс формирования структурных элементов личности, таких как «I», «Me», «Self», несет угрозу консенсусу как принципу равновесия общества в качестве социального организма.

Наилучшие адаптивные способности к организации жизнедеятельности и осуществлению идентификации в цифровом пространстве продемонстрировали представители поколения Z, чья деятельность и большая часть целей были неразрывно связаны с учебным процессом. Если у Хоумлендеров и возникали трудности в условиях локдауна и дистанционного обучения, они были следствием дезадаптации представителей старших поколений вследствие «цифрового разрыва» между поколениями, а также отсутствия у Центениалов навыка учиться самостоятельно (хотя принцип педагогической деятельности «учить учиться» был заявлен задолго до пандемии, что, в свою очередь, подняло вопрос о качестве реализации указанного принципа на практике).

Какие же характеристики представителей поколения Z обеспечили им практически безболезненную адаптацию, интеграцию и идентификацию в новых непростых условиях? Уникальность Хоумлендеров проявилась в их способе обработки информации, отношениях с родителями, самовосприятием, установках, ценностях и ожиданиях.

У «цифровых аборигенов», как назвал современных подростков американский педагог М. Пренски⁷, нет устойчивых предпочтений, они

привыкли к частой смене моды и ощущению потока, которое формируют социальные сети. Центениалам свойственны гиперактивность и быстрое переключение внимания – период концентрации на одном объекте составляет около 8 секунд. Пониженные способности концентрации внимания связаны с тем, что в таких популярных среди подростков социальных сетях информация преподносится сжатыми, «перекусочными» порциями и часто сопровождается картинкой – на усвоение им не требуется тратить много времени. В итоге поколение Z тяготеет к визуальным носителям. Для представителей этого поколения характерно клиповое мышление. В коммуникации поколение Z активно использует «геймерский» и «гиперязык». Это первое поколение, которое может полностью разговаривать при помощи мемов, стикеров, gif-изображений, эмоджи вместо текста.

Для поколения Z важно быть постоянно на связи, его представители ценят умение поддерживать разговор на разные темы и коммуникабельность. Но вместе с тем возникает и противоречие: эти молодые люди интроверты, они склонны к аутизации. Подрастающее поколение стремится все меньше общаться друг с другом в социальной реальности, при этом все больше погружается в виртуальную, расширяя круг своих контактов там. Однако дефицит живого общения компенсируется вниманием к собственному внутреннему миру и миру науки и искусства.

Хоумлендеры взаимодействуют с контентом в любых жанрах и формах. Они мобильны в восприятии культуры и толерантны к любым ее проявлениям; не стремятся создавать собственный мир, как поколение X или Y, они лишь подстраивают под себя уже созданное до них. Молодые люди перестали разделять культуру на высокую и массовую, для них она смешалась в «культуру момента». Такое восприятие связано с развитием современных технологий, появлением соцсетей, механик «лайка» и «свайпа», которые изменили сам принцип восприятия информации, сократив его до двух простых принципов – «понравилось/не понравилось».

Еще одной особенностью поколения Z является уверенность молодых людей в собственной исключительности, поэтому каждый считает свои увлечения особенными. Однако и здесь есть противоречие: это поколение мейнстрима. Вне зависимости от города и уровня материальной обеспеченности молодые люди похожи как в стиле одежды, так и в стиле жизни. Хоумлендерам свойственна установка: «главное – найти себя и свой путь». Поколение Z настроено на индивидуализм и саморазвитие, они не думают о том, что смогут изменить мир или человечество, им важнее сделать комфортней свою жизнь. Однако они стремятся к признанию и похвале, хотя бы быть значимыми.

Исходя из вышеперечисленных особенностей, можно сделать следующий вывод о



представителях поколения Z: это лиминальное поколение, для которого взаимодействие в виртуальном мире равноценно связям в офлайн-мире. Лиминальность, пожалуй, является самой значимой и качественной характеристикой Хоумлендеров, обеспечившей им реализацию адаптационного механизма в условиях пандемии.

«Лиминальность» (от англ. *liminality*, лат. *limen* – порог, пороговая величина) как понятие впервые было сформулировано в работах А. ван Геннепа⁸ и В. Тёрнера⁹. В широком смысле данное понятие относится к «переходным» или «неразличимым» пространствам в промежутке между организованными системами и системами координат, будь они физические, географические или когнитивные, социальные, и обозначает промежуточное состояние между двумя стадиями развития человека, группы, сообщества.

Нам представляется незаслуженным сам факт неустраиваемости термина в социологии: социологической интерпретации лиминальности не существует, что подтверждается отсутствием понятия в западных социологических энциклопедиях¹⁰. В отечественном «Социологическом энциклопедическом русско-английском словаре» лиминальность определяется как «положение индивидов, находящихся в процессе перехода из одного статуса в другой»¹¹. Между тем эвристический потенциал данного понятия способен объяснить сами социальные изменения, понять специфику положения индивидов и групп в процессах социальной мобильности и социальной идентификации в условиях подвижной социальной среды.

В рамках данной работы мы будем интерпретировать понятие «лиминальность» как пороговое, промежуточное состояние индивида или группы в процессе социальной мобильности, отличающееся статусно-ролевой необычностью для привычной идентичности, значимостью (вовлечены социальные ценности и нормы) и рефлексивностью (обозначены границы, нормы и практики входа, пребывания и выхода из этого состояния)¹². Состояние лиминальности по своей природе – кризисное, служащее развитию личности или группы. Оно заставляет переосмыслить свое место в социуме, собственные представления о происходящем, о самом/их себе, выявить имеющийся потенциал.

А. ван Геннеп выделил три ключевых фазы транзитности/социальной мобильности:

- 1) прелиминальную, т. е. сепарацию, отделение или отчуждение от реального пространства/времени;
- 2) лиминальную – «грань», переход в промежуточную социальную зону, в которой индивид обретает опыт неопределенности социального окружения, положения ни «там», ни «здесь»;
- 3) постлиминальную, предполагающую инкорпорацию, объединение и включение в социальную структуру¹³.

В. Тернер, в свою очередь, заметил, что основной целью лиминальности является создание «альтернативы», модели, вырабатываемой на основе имеющейся, но отличающейся координирующими принципами¹⁴.

Возвращаясь к лиминальной характеристике представителей поколения Z, отметим, что процесс их идентификации и, как результат, формирование их индивидуальной идентичности (личностной и Я-идентичности) происходит через размещение информации о себе в социальных сетях. Использование новейших информационных технологий дарит неограниченные возможности для создания многочисленных вариантов своего «Я», но Хоумлендеры демонстрируют привязанность к своей идентичности в реальном мире. Личный профиль в социальных сетях у Центениалов практически идентичен описанию личности, а комментарии сетевых друзей создают канал для обратной связи, что содействует развитию взаимодействия. Первичная социализация на цифровых просторах, эксперименты с социальными ролями и статусами позволяют представителям поколения Z успешнее адаптироваться как в реальной, так и в виртуальной среде (что, собственно, и проявилось в условиях переноса различных аспектов жизнедеятельности в «цифру» в период пандемии вируса COVID-19).

По нашему мнению, лиминальная идентичность поколения Хоумлендеров отражает лиминальную стадию перехода социума к социальной сингулярности.

Термин «сингулярность» (от лат. *singularis* – единственный, особенный) впервые использовал еще в середине XX в. Дж. фон Нейман, имея в виду точку, за которой экстраполяция начинает давать бессмысленные результаты. Математически сингулярность представляет собой точку функции, значение в которой стремится к бесконечности, либо другие подобные «интересные» точки. Астрофизики используют термин «сингулярность» при описании космических черных дыр и в некоторых теориях начала вселенной – как точку с бесконечно большой массой и температурой и нулевым объемом. Сингулярность в философии – единичность события, явления.

Социальная сингулярность – это особая точка на пути развития человеческого общества, после которой эволюция человеческого разума в результате помещения его в специально созданный социальную среду достаточно высокого уровня коммуникативности ускорится до такой степени, что дальнейшие изменения приведут к естественному возникновению «нового мышления» принципиально нового качества.

В отечественной социологии сформировалось неоднозначное отношение к социальной сингулярности – от критики до понимания необходимости и неотвратимости грядущих перемен. В настоящее время актуализовалась проблема



проецирования, желаемого будущего на реальную практику жизни, поэтому сингулярность как совокупность процессов, сопровождающих неустойчивое развитие системы под влиянием рациональных и случайных факторов, представляет большой интерес¹⁵.

Подводя итоги предпринятого дискурса, остановимся на выявленных нами моментах:

– в ситуации переноса жизнедеятельности человека в цифровое пространство, обусловленное пандемией вируса COVID-19, мы столкнулись с кризисом широких (этнических, территориальных, культурных, политических) идентичностей представителей средних и старших поколений (Бэби-бумеры, Иксы и Игреки), в то время как представители поколения Z продемонстрировали высокую адаптивность процесса идентификации социального субъекта в цифровом формате и формирование новых видов идентичностей. Залогом успеха последних стала Patchwork-идентичность, характеризующаяся пластичностью, целостностью и многоуровневостью социокультурной реальности;

– безболезненная адаптация к полноценной самореализации в цифровом информационном пространстве представителей поколения Z стала возможной благодаря присутствию лиминальной характеристики идентичности Хоумлендеров. Пороговое, промежуточное состояние Центениалов между двух миров – реальным и цифровым, способствовало развитию личности представителей поколения за счет опыта реализации взаимодействий в реальном и цифровом мире и осознания ими потенциалов каждого из этих миров. Благодаря собственной лиминальности Хоумлендеры расширили свое жизненное пространство, обрели способности гибкой мобильности, получили подвижную, пластичную идентичность;

– в результате интегрированности представителей поколения Z в современное коммуникативное пространство сформировалась онлайн-социальность, замещающая традиционную и порождающая новый дискурс социальности, касающейся тенденций социальной сингулярности.

Примечания

¹ См.: Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия : Психология. 2005. Вып. 1 (45). С. 13–17.

- ² См.: Эрикссон Э. Детство и общество : пер. с англ. СПб. : Ленато, Аст, Фонд «Университетская книга», 1996 ; *Его же*. Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : Издательская группа «Прогресс», 1996.
- ³ См.: Тельнова Н. А. Феномен идентичности : способы описания и социокультурные основания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. 2011. № 1 (13). С. 27.
- ⁴ См.: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я» / под ред. Е. Е. Соколовой, Т. В. Родионовой. СПб. : Азбука, 2010. С. 67, 105.
- ⁵ См.: Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–95.
- ⁶ Факт наличия разночтений временных границ поколенческих структур отмечается в работе О. П. Фесенко. В частности, автор отмечает смещение времени рождения Центениалов у А. А. Оганова и И. Г. Хангельдиевой (См.: Оганов А. А., Хангельдиева И. Г. Образование : основные вызовы современности // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Т. 58, № 3. С. 194–199 ; Фесенко О. П. Миллениалы и Центениалы : кого и как обучать? // Наука и военная безопасность. 2020. № 3 (22). С. 145–150).
- ⁷ См.: Пренски М. Аборигены и иммигранты цифрового мира / пер. Б. Ярмахова. URL: <http://gimc.ru/content/statya-marka-prenski-aborigeny-i-immigranty-cifrovogo-mira> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁸ См.: Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов : пер. с фр. М. : Восточная литература РАН, 1999 ; *Gennep A. Van. The Rites of Passage*. Chicago : University of Chicago, 1960.
- ⁹ Тернер В. Символ и Ритуал. М. : Наука, 1983 ; *Turner V. Liminal to liminoid in play, flow, and ritual : An essay in comparative symbology*. Rice University Studies, 1974.
- ¹⁰ См.: Катерный И. В. Реконцептуализация статусной лиминальности в социологической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2020. № 2. С. 226–238. DOI: 10.22363/2313–2272-2020-20-2–226-238
- ¹¹ Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М. : Астрель, 2004. С. 196.
- ¹² См.: Катерный И. В. Указ. соч.
- ¹³ См.: Геннеп А. ван. Указ. соч. С. 15.
- ¹⁴ См.: Тернер В. Указ. соч. ; *Turner V. Op. cit.*
- ¹⁵ См.: Поздеева Е. Г. Контуры социального будущего в сингулярной реальности : социологический взгляд на проблему // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 12–14. DOI: 10.18721/JHSS.8201

Поступила в редакцию 20.11.2020, после рецензирования 04.12.2020, принята к публикации 07.12.2020
Received 20.11.2020, revised 04.12.2020, accepted 07.12.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 29–36
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politics, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 29–36

Научная статья
УДК 316.7
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36>

Эффективность социальных служб в реализации психолого-педагогических и социокультурных услуг в процессе инклюзии детей-инвалидов в общество



Н. П. Корогодова^{1✉}, Д. В. Зайцев¹, О. В. Зайцева²

Корогодова Наталья Петровна, социолог Научно-образовательного центра мониторинговых исследований, n.korogodova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7259-7406>

Зайцев Дмитрий Викторович, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии, психологии, zaitsevd@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1910-4945>

Зайцева Олеся Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, zaitseva.o@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7731-1657>

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Аннотация. В статье представлены новые результаты оригинального эмпирического исследования социального отношения к эффективности деятельности социальных служб в контексте социально-образовательной инклюзии детей с инвалидностью. Деятельность социальных служб Саратовского региона проанализирована по комплексу авторских параметров количественного и качественного порядка. Рассмотрена специфика социальной оценки успешности реализации психолого-педагогических и социокультурных услуг в процессе инклюзии детей-инвалидов в общество. Установлена формальная инклюзивная направленность социальных практик на включение детей-инвалидов в обычные социокультурные отношения, образовательную среду общего типа при относительно низкой их реальной результативности. Ключевыми ограничениями выступают бюрократизация, недостаточное финансирование, несформированность у многих представителей социальных служб инклюзивных компетенций.

Ключевые слова: социально-образовательная инклюзия, эффективность социальных служб, психолого-педагогические услуги, социокультурные услуги, дети-инвалиды

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00542).

Для цитирования: Корогодова Н. П., Зайцев Д. В., Зайцева О. В. Эффективность социальных служб в реализации психолого-педагогических и социокультурных услуг в процессе инклюзии детей-инвалидов в общество // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 29–36. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36>

The effectiveness of social services in the implementation of psychological, pedagogical and socio-cultural services in the process of disabled children's inclusion into society

Natalya P. Korogodova^{1✉}, n.korogodova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7259-7406>

Dmitriy V. Zaitsev¹, zaitsevd@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1910-4945>

Olesya V. Zaitseva², zaitseva.o@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7731-1657>

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

²Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Abstract. The article presents the new results of the original empirical study of social attitudes to the effectiveness of the social services in the context of social and educational inclusion of the disabled children. The activity of the social services of Saratov region was analyzed according to the set of the quantitative and qualitative parameters' order. The specifics of the social assessment of the success of psychological, pedagogical and socio-cultural services' implementation success in the process of the disabled children's inclusion into society were considered. The formal



inclusive orientation of the social practices on the inclusion of the disabled children into the usual socio-cultural relations and educational environment of the general type with irrelatively low real effectiveness was established. The key constraints are bureaucratization, insufficient funding, and the lack of inclusive competencies of the social service's representatives.

Keywords: social and educational inclusion, effectiveness of social services, psychological and pedagogical services, socio-cultural services, disabled children

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-011-00542).

For citation: Korogodova N. P., Zaitsev D. V., Zaitseva O. V. The Effectiveness of social services in the implementation of psychological, pedagogical and socio-cultural services in the process of disabled children's inclusion into society. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 29–36 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Социально-исторический дискурс помощи инвалидам

Отношение общества к людям с нарушениями развития в истории было различным. Смысл понятия «инвалидность» менялся в зависимости от культурных традиций и социальных условий. В эпоху Средневековья инвалидность представлялась как наказание на грехи, людей с физическими недостатками боялись, считалось, что им необходимо быть в изоляции от общества и других людей. В российской истории государственная политика в отношении людей с инвалидностью имела разные формы, характеризующие эпоху того или иного времени. Упоминание о социальной деятельности в форме милостыни, а также оказания помощи нуждающимся церковью, богадельнями и частными лицами существовало еще до правления Петра I. Позже сформировались общественные институты помощи, различные комнаты призрения при монастырях, приюты, питалища, но лечение было минимальным.

В середине XVI в. впервые формулируется идея оказания помощи нуждающимся и создаются реальные предпосылки для создания системы государственного призрения. Постепенно в системе государственного управления появились структуры, ориентированные на помощь нуждающимся в контексте развития трех основных направлений благотворительности и оказания социальной помощи: государственная, земско-церковно-приходская и частная. Именно при Петре I призрение больных, бедных, увечных, сирот и других категорий, нуждающихся в помощи и поддержке, стало обязанностью государства.

Во времена Екатерины II благотворительные заведения были разделены на типы: сиротские дома и детские приюты, богадельни и дома для неизлечимо больных, больницы, рабочие дома, смиренные дома и дома для умалишенных. В 1917 г. произошли значительные изменения: организованы органы социального обеспечения, в ведомстве которых находились детские дома и дома инвалидов; политика государства сводилась к выплатам пенсий или помещению в специализированные дома-инвалидов¹; создан организационно-структурный институт – вра-

чебно-трудова́я эксперти́за. Общественное со-страдание, сочувствие имели большое значение, оказывалась помощь на бытовом уровне.

Прогрессивные идеи реформирования государственной политики, переход от патерналистских форм помощи к реабилитации и интеграции инвалидов в общество были отражены в концепции государственной политики в отношении инвалидов и Законе «Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР», принятых в 1990 г. Далее, уже в 1995 г., Постановлением Правительства РФ № 59 «О Федеральной комплексной программе “Социальная поддержка инвалидов”» была утверждена данная программа, а также принят Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», в котором сформулирована принципиально новая цель государственной помощи в отношении инвалидов – «обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ»². С этого момента государством был взят курс на социальную инклюзию инвалидов, хотя данный термин еще не использовался. Более 20 лет государственной социальной политики имеют устойчивые тенденции, что проявляется в разработке механизмов формирования инклюзивного общества, внедрении инклюзивных практик в систему общественных институтов.

Социальная помощь детям-инвалидам: тренд современности

Многочисленные исследования в области медицины и социологии способствовали изменению отношения общества к инвалидам, основанного ранее на незнании и непонимании всей сущности проблемы инвалидности. В настоящее время провозглашены принципы уважения человеческого достоинства независимо от состояния здоровья, возраста, пола, вероисповедания и социального положения, соблюдения основных прав, в том числе права на медицинское обслуживание, образование, трудовую занятость, активное участие в жизни общества. Наблюдается смещение проблемы инвалидности к социальному аспекту, к понятиям интеграции, инклюзии,



но нельзя исключать важность медицинского подхода. Ранее медицинская модель объяснения инвалидности базировалась на диагнозе, патологии, на основе которых приписывался статус больного, ограниченного, требующего лечения, исправления, изоляции. В современном подходе к медицинской модели совершенно иначе представлена проблема инвалидности – как необходимость оказания качественной медицинской помощи, большого спектра реабилитационных услуг, направленных на максимальное возможное восстановление.

Новые технологии позволяют на раннем этапе диагностировать заболевания и проводить необходимое лечение для восстановления или улучшения тех или иных функций организма человека. Таким образом, важно отметить необходимость применения обеих моделей при обращении к проблеме инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья. Обращение к статистическим данным показывает, что по состоянию на начало 2018 г. численность инвалидов в России составила около 8% населения страны. Почти столько же (9%) от общего числа людей с ограниченными возможностями здоровья получили инвалидность в детстве. Данная проблематика приобретает особую значимость, когда речь заходит о детях-инвалидах. Детей-инвалидов в нашей стране 655 тысяч, что составляет 5,6% от общего числа. В Саратовской области 7145 детей в возрасте до 18 лет, имеющих инвалидность³. Статистика указывает на остроту проблемы и необходимость принятия эффективных мер, направленных на социальную инклюзию детей-инвалидов, которая возможна лишь при системном подходе: медицинская помощь, входящая в комплекс социальных услуг; слаженная работа нескольких ведомств и организаций; работа с социальным окружением детей-инвалидов.

Дети-инвалиды и их семьи испытывают ряд сложностей, функциональных затруднений в результате заболевания, ограничения возможностей здоровья вследствие неприспособленности физического пространства и социального окружения к их специальным потребностям, предрассудков общества в отношении инвалидности. Именно поэтому деятельность социальных служб в работе с детьми-инвалидами основана на социально-экологическом подходе и направлена на достижение инклюзии. В экосистему входят институты, оказывающие опосредованное влияние на семью в решении жизненных трудностей, в частности, инклюзии детей-инвалидов: СМИ, здравоохранение, образование, система социального обеспечения. Средства массовой информации способны не только влиять на формирование образа инвалидности и отношение общества к людям с ограниченными возможностями здоровья, с инвалидностью, транслировать ценности культуры, традиции, представления, но и

выступать в роли информатора об учреждениях, оказывающих социальную помощь, защиту. Социальные службы выступают посредником, координатором между конкретным клиентом, потребителем услуг, его семьей и различными специалистами, учреждениями, обществом. От того, насколько качественно и эффективно осуществляется работа с детьми-инвалидами, зависит их будущее благополучие, возможность вести самостоятельный образ жизни, обеспечивать себя, быть активным участником социальных отношений.

Деятельность социальных служб в отношении детей-инвалидов на сегодняшний день представляет собой комплекс социальных услуг: социально-педагогическая помощь, социально-психологическая, социально-экономическая помощь, правовая поддержка, организация социально-медицинской помощи, санаторно-курортного лечения, досуга, культурно-массовых мероприятий. Для каждого ребенка разрабатывается программа реабилитации, система мероприятий, направленная на развитие возможностей ребенка-инвалида и его семьи. Представленные направления деятельности социальных сервисов предполагают активное участие потребителей услуг для достижения инклюзии.

Инклюзия в общество детей-инвалидов: опыт социальных служб Саратовского региона

Сегодня отмечается тренд рационализации и модернизации системы социальных сервисов, основанный на неолиберальных трансформациях государственной социальной политики, происходит разработка стандартов оценки эффективности деятельности социальных служб, отдельных специалистов с целью управления организациями. В этом вопросе затрагивается тема профессионализации социальной работы, необходимости партнерских взаимодействий теоретиков и практиков, обмена информацией, знаниями для рефлексии, выявления ошибок, разработки новых технологий посредством прикладных акционистских и партисипаторных исследований. На протяжении последних лет научный интерес многих российских теоретиков и практиков обращен к проблеме оценки эффективности деятельности социальных служб.

Большой вклад в социальные исследования социальных сервисов внесли отечественные ученые, которые разработали критерии эффективности учреждений социальной сферы, методики определения продуктивности их деятельности (И. Ю. Давыдова, Д. В. Зайцев, Л. И. Кононова, А. Н. Попова, П. В. Романов, И. С. Ромнычев, И. С. Трапезникова, И. Е. Шандаков, Е. Р. Ярская-Смирнова). Заслужили признание многие профильные учебные пособия: Е. И. Комаровой, П. Д. Павленка, Е. И. Холостовой, О. Г. Прохо-



ровой, в которых представлены теоретико-методологические аспекты исследования эффективности социальных услуг.

Проблематика результативности деятельности социальных служб в инклюзии детей-инвалидов не является принципиально новой в социологических исследованиях, но ее актуальность перманента в условиях каждой из проводимых реформ. Изменения в социальной политике, влекут принятие законодательных мер, определяющих специфику деятельности учреждений социальной сферы, ориентацию на те или иные принципы работы, определяют категории потенциальных клиентов, способы и формы оказания социальной поддержки, помощи, защиты. Концепция модернизации системы социальной защиты предусматривает повышение доступности качества оказываемых услуг. За рубежом накоплен определенный опыт, однако перемещение его в российскую действительность требует разработки собственных (национальных) критериев и показателей эффективности работы социальных служб, адаптированных к российским реалиям⁴.

Важной выступает экономическая составляющая, лежащая в основе всех социальных проектов и программ, формирующая действенную финансовую основу работы учреждений социальной защиты. Сложность оценки деятельности социальных служб заключается в отсутствии возможности количественного измерения, так как для достижения поставленной цели важно качество оказываемых услуг.

Подходы к оценке эффективности деятельности социальных служб могут осуществляться различными способами, иметь разные формы⁵. Системный анализ подразумевает определение важных переменных в начале программы и по ее завершении, статистический анализ этих связей. Анализ достигнутых целей на протяжении длительного времени считался самым распространенным, результаты деятельности оценивались посредством стандартизированных тестов для измерения успехов клиентов, которые могут быть оценены только в определенном контексте. Транзакционная модель фокусирована на восприятии происходящих событий, детальном анализе данных, полученных неформализованным способом при личном взаимодействии с участниками программы. Иллюминативная модель подразумевает описание и интерпретацию, изучение влияния программы на определенные социальные ситуации, их недостатки и достоинства, на опыт и жизнь участников. Еще одна модель оценки эффективности, свободная от цели, направлена на поиск эффектов⁶ и мультиэффектов.

Несмотря на существующие модели, зачастую оценка эффективности процесса социального обслуживания⁷ ориентирована лишь на число клиентов и оказанных услуг, так как оценку

результата работы и качества реализации услуг выполнить гораздо сложнее и затратнее как с темпоральной, так и с финансовой точек зрения. Понятие «качество» социальной услуги включает в себя результат (как итог взаимосвязанных действий) и эффективность (как отношение фактического результата к плановому). Национальные стандарты социального обслуживания призваны обеспечивать качество предоставления услуг. Для этого необходима единая система оценки социального обслуживания, контроль на всех этапах предоставления социокультурных, психолого-педагогических услуг, управление качеством оказываемых услуг. Оценка эффективности деятельности социальных служб в социально-образовательной инклюзии детей-инвалидов предполагает системный анализ: учет количественных и качественных показателей социального учреждений, социальной программы, обращение к современным научно-методологическим разработкам.

Социальные службы играют ключевую роль в инклюзии детей с инвалидностью и представлены комплексом организаций разного профиля, выполняющих единую миссию: комплексные центры социального обслуживания населения, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями, центры социальной помощи семье и детям и др. В идеале деятельность социальных сервисов направлена на восстановление статуса, реабилитацию детей-инвалидов, их инклюзию в общество. Однако на практике инклюзивная составляющая существует номинально, лишь как ориентир, дискредитируя миссию социальных организаций – содействие в реализации прав клиентов, улучшение качества их жизни. Зачастую представители социальных учреждений не понимают сути инклюзии, специфики социального сопровождения данного процесса, оценки его эффективности, что свидетельствует о нарушении конституционных прав детей с инвалидностью.

В 2019 г. проведено исследование инклюзии детей-инвалидов на примере социальных служб Саратовской области посредством анализа доступности социальных сервисов (в том числе информационной). Для этого применялись полустандартизованное интервью с руководителями и специалистами по социальной работе (N≈ 20), включенное наблюдение и анализ документов. С целью анализа эффективности предоставляемых услуг исследована деятельность пяти государственных бюджетных учреждений г. Саратова и Саратовской области, оказывающих социальную помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов.

Социальные службы аккумулируют ресурсы помощи в инклюзии детей-инвалидов. Недостаточная сформированность, незрелость инклю-



зивной культуры социальных служб, отсутствие понимания ее значимости становятся основными проблемами, препятствующими эффективному и оперативному оказанию помощи потенциальным клиентам. Инклюзия необходима для координации функций меняющейся системы⁸. Н. Луман отмечал, что передача многих общественных функций, в том числе и функций социальной помощи организованным социальным системам, является тенденцией⁹, несмотря на то что данные системы недостаточно развиты¹⁰.

До настоящего времени актуален вопрос профессионализации социальной помощи. Респонденты отмечают ужесточение требований к образованию специалистов:

Если еще несколько лет назад специалистом по социальной работе мог быть любой человек, любой профессии и специальности, то сейчас требуется высшее профильное образование (зам. директора соц. службы, г. Саратов).

Внутри организаций социального обслуживания населения существуют определенные формы оценки эффективности, например:

...администрацией учреждения систематически проводится как контроль достижения плановых показателей специалистами, анализируем отчёты, справки, так и проводим опрос клиентов – получателей социальных услуг, спрашиваем насколько они удовлетворены качеством работы и конкретных специалистов, и учреждения в целом (директор социально-реабилитационного центра, г. Саратов).

Контроль работы специалиста осуществляется заведующим отделением, также директором учреждения путем устной отчетности на совещаниях, проверки журналов оказанных услуг, личных дел и программы реабилитации семей, состоящих на учете в социальной службе.

Еще одной новой формой поддержки специалистов, является так называемое наставничество:

...когда специалист работает в паре, выходя друг для друга помощником в разработке программы, оказания услуги, последующей рефлексии (специалист по соц. работе, г. Саратов).

Эффективность деятельности учреждения социального обслуживания представляет сложный многоплановый процесс ввиду того, что стандартные критерии эффективности в данной системе могут быть не показательны¹¹. Как отмечают сами информанты, оценка эффективности в большей степени осуществляется количественным методом:

...министерству удобнее принимать отчеты в том виде (специалист по соц. работе, г. Саратов);

...всегда от нас требуют цифры, так нагляднее (специалист по соц. работе, Саратовская обл.).

Такие показатели, как достижение определенного результата или эффекта в работе с

ребенком-инвалидом, могут быть отражены в патронажном отчете или в ответе на запрос вышестоящими инстанциями. При этом подобные отчеты характеризуются формальностью и обобщенностью. Для специалистов по социальной работе, социальных педагогов, непосредственно осуществляющих работу с ребенком, оценка эффективности своей деятельности с точки зрения качества представляет наибольшую значимость, нежели количество проведенных занятий. Важно отметить значимость количественного показателя при оценке деятельности специалиста, отделения и службы в целом. Количество важно не только в отчетных формах, но также при начислении стимулированных выплат, которые напрямую зависят от количества оказанных услуг и семей, состоящих на учете. В некоторых случаях происходит «приписка» услуг, предоставление информации может быть представлено как социально-педагогическая или социально-правовая услуга, тем самым действительность искажается. Либо практикуется необоснованная дифференциация услуги на микроуслуги. Например, одна услуга информирования клиента может дробиться на три услуги: предоставление информационного буклета (1), информационного листка (2), вербальное разъяснение процедуры получения услуги (3).

Исследование эффективности социального обслуживания, направленного на инклюзию клиентов, затрагивает тему доступности услуг и социальных сервисов. Доступность социальных услуг для потенциальных клиентов изучалась в аспекте информационной и средовой доступности. Информированность потенциальных клиентов – семей, воспитывающих детей-инвалидов, – о возможности получения бесплатной социальной, юридической, психологической, педагогической помощи является первым шагом на пути к инклюзии. Обеспечение информированности клиента об услуге, порядке и условиях ее получения – один из критериев эффективности деятельности социальных служб, отраженных в Национальном стандарте РФ ГОСТ Р 52496-2005 «Социальное обслуживание населения. Контроль качества социальных услуг. Основные положения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2005 г. № 533-ст)¹². Обращение клиента за помощью в социальное учреждение является первым шагом, этапом в работе с ребенком-инвалидом, это возможность получить доступ к основным сферам общественной жизни. Изучение средовой доступности свидетельствует о наличии барьеров в доступе к социальным службам. Несмотря на транспортную доступность, учреждения находятся вдали от остановок общественного транспорта, дорога имеет неровное асфальтовое покрытие, спуски и подъемы, не оснащена тротуарными зонами, на пути отсутствуют указатели месторасположения



социального учреждения, что указывает на его труднодоступность. В последние годы здания социальных служб стали оснащаться специальными указателями для маломобильных групп населения, пандусами, рельефными покрытиями пола (плитками), дополнительными поручнями на лестницах, специальными лифтами-подъемниками для инвалидов-колясочников. Прием граждан осуществляется в кабинете, расположенном первым от входа. Однако часто вход в здание остается затруднительным, не соответствующим требованиям строительных ГОСТов и СНиПов. Выявленные барьеры указывают на несовершенство инклюзивной городской среды, инклюзивной культуры социальных служб.

Анализ сайтов социальных учреждений, оказывающих помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов, свидетельствует о предоставлении неполной информации или содержит информацию формального характера, которая не вызывает доверия у граждан. Потенциальные потребители услуг на основе предоставленной информации считают, что данные услуги не способны решить трудности их семей. Многие нуждающиеся в социальной поддержке семьи вовсе не знают об учреждениях социальной помощи семье и детям, расположенных на территории Саратовской области и города Саратова. Зачастую люди, впервые столкнувшиеся с трудной жизненной ситуацией, остаются наедине со своей проблемой, неспособны ее самостоятельно разрешить и не владеют информацией о социальных учреждениях, деятельность которых направлена на инклюзию, адаптацию, интеграцию людей, оказавшихся в плену обстоятельств. Специалисты по социальной работе считают, что многие семьи могут не осознавать проблемности и сложности, возникшей в семье критической ситуации:

...это одна из проблем дезадаптации, когда семья, вот изначально, не видит, что что-то не так, когда семье кажется, что на самом деле проблем нет или никто не может помочь (зам. директора соц. службы, г. Саратов).

Другие испытывают страх обращения в социальные службы:

...даже проще, когда есть барьеры, связанные со страхом. Этот барьер, в рамках первичного воздействия специалисту удастся снизить (зам. директора соц. службы, г. Саратов).

Низкий уровень организации информационной кампании государственных социальных учреждений влияет на осведомленность людей, нуждающихся в помощи. Люди узнают о возможности получения социальной помощи – бесплатной юридической консультации по вопросам оформления льгот, субсидий, компенсаций, социально-психологической, социально-педагогической помощи всем членам семьи, обучающих мероприятий – по принципу «сарафанного радио», от людей, имеющих такую же проблему

и опыт обращения в социальные службы. В ходе экспертного интервью с заместителем директора одной из социальных служб Саратовской области нам удалось узнать о способах информирования населения о социальных услугах, предоставляемых бесплатно гражданам, не имеющих достаточных личных и семейных ресурсов для решения возникших трудностей. В социальных службах практикуется как одно из направлений деятельности,

...информирование беременных женщин о возможности получить социальную помощь и поддержку в целях предотвращения и сокращения аборт; информация размещена на стендах в женских консультациях;

...осуществляются выходы специалистов, юристов и педагогов-психологов в школы для работы с подростками для профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних (зам. директора соц. службы, г. Саратов).

Сегодня отсутствует такая практика, как раздача листовок на улице, баннеры, нет информационных плакатов на остановках общественного транспорта, в торгово-развлекательных центрах, детских садах, образовательных учреждениях, благотворительных организациях, что является минусом информационной кампании социальных служб. Ведь не только беременные женщины и подростки могут нуждаться в помощи и поддержке специалистов социальных служб. Острую необходимость в профессиональной помощи испытывают семьи, воспитывающих особых детей, т. е. детей, имеющих ограничения по здоровью: дети с ДЦП, с синдромом Дауна, страдающие аутизмом, и много еще различных проблем, которые отличают этих детей от своих сверстников. Таким семьям нужна не только финансовая поддержка, как принято считать, «что клиенты чаще всего обращаются за юридической помощью для оформления льгот и пособий», хотя и это отнюдь немаловажно. Также:

...востребованы социально-педагогические услуги, социально-психологические (зам. директора соц. службы, г. Саратов).

Дети с ограниченными возможностями здоровья, с инвалидностью нуждаются в особом развитии, особой социальной ситуации, особой форме образования. Важный вклад в развитие, социализацию ребенка-инвалида вносят специалисты социальных служб, осуществляющих работу с семьями. На базе социальных служб Саратова проводятся занятия для детей-инвалидов по развитию личностных способностей, с учетом особенностей развития конкретного ребенка составляется индивидуальная программа его реабилитации, отражающая специфику межведомственного взаимодействия и направления работы различных специалистов по оказанию комплексной помощи. В процессе занятий у детей формируются навыки общения, способности



к самообслуживанию, появляется желание не только узнать новое, но и самостоятельно что-то сделать. Системные занятия, осуществляемые в рамках разработанной программы, направлены на закрепление полученных результатов и нацелены на способность детей к инклюзии во все сферы общественной жизни.

Для родителей в Центре социальной помощи семье и детям г. Саратова работает «Группа поддержки», где родители могут поделиться своими переживаниями, получить моральную, психологическую поддержку, перенять опыт совладания с трудной жизненной ситуацией:

«Группа поддержки» ориентирована на то, чтобы максимально создать условия для интеграции семей и создания условий для общения семей (зам. директора соц. службы, г. Саратов).

Также значимым направлением в работе с семьями, воспитывающими детей-инвалидов, является организация общественных мероприятий, в рамках которых дети становятся активными участниками:

...различные праздники, организованные совместно с библиотекой, домом творчества и культуры, выставки своих поделок и рисунков, в которых участвуют и семьи с детьми-инвалидами и другие семьи, ... помогают расширению круга общения, включению ... (специалист по соц. работе, Саратовская обл.);

...экскурсии, различные поездки ... по православным местам (специалист по соц. работе, Саратовская обл.);

...походы ... по святым местам, паломнические, походы на природу (специалист по соц. работе, Саратовская обл.).

Посещение, а тем более участие в культурно-массовых мероприятиях имеет пролонгированное значение, оказывает мощное влияние на личностное развитие ребенка, его способность ориентироваться в обществе и в определенной степени интегрироваться в него, адаптироваться к условиям внешней среды, окружению. Интерес и значительный общественный резонанс представляют обучающие программы и творческие мастерские для детей, которые преподают люди с инвалидностью. По мнению специалистов, такая форма организации обучения является не только «возможностью личностного развития детей, но также своего рода “надеждой на будущее своих особых детей” для родителей» (специалист по соц. работе, г. Саратов). Примером такого образовательного опыта выступает «Программа по обучению компьютерной грамоте», созданная на базе одного из центров помощи семье и детям. Руководство центра подчеркивает особую роль именно такой формы организации работы с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья, когда социальный педагог, специалист по социальной работе становятся примером успешной социализации, самореа-

лизации и инклюзии. В ближайшем будущем планируется развитие волонтерского направления в работе с семьями с детьми-инвалидами, в котором будут принимать участие волонтеры-инвалиды.

Обращение к вопросу эффективности социального обслуживания обусловлено продвижением идей рационализации социальной помощи, социальной политики по оптимизации реестра льготников с учетом реальных потребностей, интересов и приоритетов реципиентов. Ориентация деятельности социальных служб на инклюзию, разработка инклюзивных программ работы с клиентами продиктована направленностью социальной политики на создание инклюзивного общества, равного для всех. Происходит распространение инклюзивных практик в работе с клиентами, при этом организационная культура социальных организаций требует обращения к теоретическим источникам, имеющимся прикладным исследованиям в области социальной работы с целью обогащения знаниями, изучения опыта эффективного социального обслуживания. Представленные направления деятельности социальных служб свидетельствуют о стремлении к формированию организационной культуры социальных сервисов на основе принципов инклюзии. Ряд инклюзивных практик уже функционирует и является востребованным, также возникают новые, следующие тенденциям развития инклюзивного общества.

Полученные в ходе исследования результаты о специфике социально-инклюзивной работы с детьми-инвалидами свидетельствуют о ее эффективности и развитии в контексте современной системы социального обслуживания, социальной защиты граждан. Основные проблемные точки данной системы обусловлены излишней бюрократизацией, мизерностью оплаты труда специалистов социальных служб, наряду с высокой социальной ответственностью, сложностью повседневной деятельности, приводящей к раннему профессиональному выгоранию работников. Инклюзивная основа социальной работы содействует формированию инклюзивной организационной культуры социальных служб, повышению эффективности их деятельности, качества организационно-административных процессов и практик, что позитивно сказывается на экономичности, действенности и результативности предоставляемых услуг. Применение в комплексе различных видов оценки социальной деятельности, учет качественных и количественных показателей работы социальных организаций, конкретных социальных программ и практик, рейтинга специалистов социальных служб, обратной связи способствуют получению объективных данных об эффективности деятельности социальных служб и оптимизируют процессы социального прогнозирования и планирования.



Примечания

- ¹ См.: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Права и возможности инвалидов Российской Федерации» 10 сентября 2001 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?> (дата обращения: 01.06.2020).
- ² О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ. Доступ из справ-правовой системы «Гарант».
- ³ См.: Статистика по детям-инвалидам в РФ. URL: <https://sakuramed.ru/obshie-stati/statistika-po-detyam-invalidam-v-rf> (дата обращения: 25.05.2020).
- ⁴ См.: Романычев И. С. Механизмы и критерии оценки эффективности деятельности учреждений социального обслуживания // Приволжский научный вестник. 2012. № 3 (7). С. 64.
- ⁵ См.: Топчий Л. В. Система управления социальным обслуживанием населения // Социальное обслуживание. 2005. № 1. С. 5–16.
- ⁶ См.: Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М. : Московский общественный научный фонд ; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2007. С. 30–34.
- ⁷ См.: Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Модернизация социального обслуживания : ориентация на результат // Социальная политика : экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. № 14. С. 107–120.
- ⁸ См.: Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Инклюзивная культура социальных сервисов // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 133–140.
- ⁹ См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. М. : Наука, 2007. С. 45.
- ¹⁰ См.: Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий / пер. Д. В. Озирченко, А. Н. Малинкина // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 16–35.
- ¹¹ См.: Трапезникова И. С. Методика выявления эффективности деятельности муниципального учреждения социального обслуживания и критерии ее оценки // Фундаментальные исследования. 2015. № 11. С. 824–827.
- ¹² См.: ГОСТ Р 52496-2005. Социальное обслуживание населения. Контроль качества социальных услуг. Основные положения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200043281> (дата обращения: 22.05.2020).

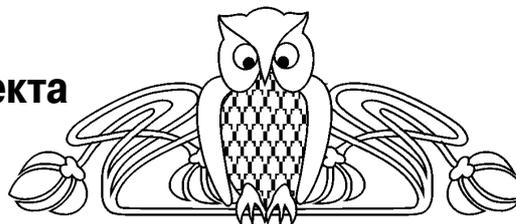
Поступила в редакцию 03.06.2020, после рецензирования 10.08.2020, принята к публикации 19.08.2020
Received 03.06.2020, revised 10.08.2020, accepted 19.08.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 37–42
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 37–42

Научная статья
УДК 316.422.44
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-37-42>

Анализ тенденций применения технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере



С. А. Корчагин

Корчагин Сергей Алексеевич, кандидат физико-математических наук, доцент Департамента анализа данных и машинного обучения, SAKorchagin@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8042-4089>

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции в области искусственного интеллекта применительно к образовательной сфере. Проведен анализ использования технологий искусственного интеллекта и рассмотрено их влияние на систему высшего образования. Исследовано отношение граждан РФ к искусственному интеллекту в образовании. Установлены основные причины опасений респондентов по поводу использования интеллектуальных информационных систем в образовательной сфере. Разработаны предложения по внедрению моделей и методов искусственного интеллекта в систему высшего образования Российской Федерации. Обозначен потенциал возможностей влияния новых информационных технологий на современное общество.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, социальный опрос, информационные технологии, современное общество

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 20-011-32058).

Для цитирования: Корчагин С. А. Анализ тенденций применения технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 37–42. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-37-42>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-37-42>

The analysis of the tendencies in the application of artificial intelligence technologies in the educational sphere

Sergey A. Korchagin, SAKorchagin@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8042-4089>

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Ave., Moscow 125993, Russia

Abstract. The article discusses the main trends in the field of artificial intelligence in relation to the educational sphere. The analysis of the use of artificial intelligence technologies and their impact on the higher education system was carried out. The attitude of the citizens of the Russian Federation to artificial intelligence in education was investigated. The main reasons for the fears of the respondents about the use of intelligent information systems in the educational sphere were identified. The proposals for the implementation of the models and methods of artificial intelligence in the higher education system of the Russian Federation were developed. The potential of the possibilities of the influence of new information technologies on the modern society was indicated.

Keywords: artificial intelligence, education, social survey, information technology, modern society

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project No. 20-011-32058).

For citation: Korchagin S. A. The analysis of the tendencies in the application of artificial intelligence technologies in the educational sphere. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 37–42 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-37-42>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Публикации последнего десятилетия демонстрируют существенный рост интереса исследователей из различных предметных областей к технологиям искусственного интеллекта. Мнения ученых по данному вопросу неоднозначные. С

технической точки зрения технологии искусственного интеллекта позволяют достичь высокого экономического эффекта благодаря, например, автоматизации различных технологических процессов, проведению более качественной аналитики,



использованию роботизированных комплексов и систем и прочему, что, несомненно, отражает положительные стороны данной технологии. Однако, несмотря на большое количество плюсов, в ряде гуманитарных исследований, например, отмечают и отрицательные эффекты, которые порождает искусственный интеллект, – рост безработицы¹, манипулирование общественным мнением², вмешательство в частную жизнь³ и проч. Прикладные аспекты проблем, связанных с возможностями новых цифровых технологий, включая системы искусственного интеллекта в социологии и политологии, рассмотрены в работах Е. Д. Лукьянова⁴, М. М. Васильева⁵, З. Жанга⁶. Проблеме виртуализации жизни общества и человека с использованием систем машинного обучения, нейронауки и дополненной реальности посвящены исследования Р. В. Иванова⁷, Е. В. Грязнова⁸.

Стоит отметить, что на сегодняшний день исследования, связанные с изучением влияния систем искусственного интеллекта на социально-политические процессы, являются актуальным междисциплинарным и активно развивающимся направлением, которое имеет важное фундаментальное и прикладное значение, связанное не только с лучшим пониманием взаимодействия технических систем и социума, но и с перспективой использования и расширения границ применения новых коммуникационных технологий в современном обществе.

На текущем этапе внедрения современных информационных технологий в систему высшего образования Российской Федерации как студенты, так и преподаватели в существенной мере обеспечены широкими возможностями доступа к различным обучающим онлайн-платформам. Однако как преподаватели, так и обучающиеся сталкиваются с рядом проблем, связанных с индивидуализацией учебных программ, рациональной организацией образовательной деятельности, а также дифференциацией материалов для обучения.

Несмотря на это, в настоящее время возникают проблемы, связанные с дифференциацией учебного материала, рационализацией индивидуальных образовательных программ, а также эффективной организацией образовательной деятельности в целом. При этом существующие системы управления образовательной деятельностью (LMS, Learning Management System) не имеют возможностей интеллектуализации процесса самообучения с учетом индивидуальных особенностей, потребностей, интересов. Возможности использования систем искусственного интеллекта в образовательных системах будут способствовать развитию взаимодействия граждан и образовательных организаций с использованием онлайн-платформ и прочих дистанционных технологий, что является одной из основных задач подпрограммы «Информационное государство»⁹, утвержденной Правительством РФ.

Интеллектуальные системы предоставляют возможности использования знаний, которые определенным образом структурированы и пригодны в процессе логического вывода, для решения образовательных задач каждого конкретного пользователя. Однако процесс построения и внедрения распределенных интеллектуальных систем в образовательный процесс в настоящее время находится на ранней стадии развития. Пик популярности еще не пройден и ожидает общество в ближайшее десятилетие. Вышесказанное дает все основания полагать, что исследования в области искусственного интеллекта в образовательных системах являются актуальными и соответствуют основным задачам, указанным в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении государственной программы РФ «Информационное общество»» (3-й этап – 2019–2024 гг.)¹⁰.

По оценкам ряда исследований, внедрение систем искусственного интеллекта к 2030 г. даст прирост мировому ВВП на уровне 15% (около на 16 трлн долл.)¹¹. Таким образом, есть все основания полагать, что системы искусственного интеллекта являются наиболее перспективным направлением развития во многих сферах, включая образовательную деятельность¹² и муниципальное управление¹³.

Мировой опыт показывает, что искусственный интеллект в системе образования способен осуществлять ряд прикладных задач, таких как: обработка документов, автоматизация процесса закупок, обработка запросов и комментариев клиентов/пользователей, охрана репутации. Интеллектуальная обучающая среда является перспективным инструментом в процессе самообразования студентов, и фактически интеллектуальная образовательная система позволяет максимально автоматизировать педагогический функционал преподавателя, который в условиях большого массива образовательного контента и обучающих онлайн-курсов становится особенно актуальным и востребованным¹⁴.

Сбор, анализ и интерпретация данных, которые накапливаются в процессе образовательной деятельности, являются процессом трудоемким для менеджера в области образования, кроме того, их обработка требует высокого уровня квалификации. В то же время весь этот процесс должен быть построен с учетом индивидуальных предпочтений, возможностей, «провалов» каждого отдельного пользователя (важно, чтобы все это было выявлено также и на высоком управленческом, педагогическом и диагностическом уровнях). Вопросы формирования и использования персональной образовательной среды для реализации индивидуальных траекторий в основном направлены на изучение «образовательного поведения» учащихся¹⁵. Авторами научных публикаций в данной области¹⁶ отмечена актуальность и перспективность формирования и использова-



ния персональной образовательной среды для повышения образовательных результатов с учетом дифференцированного подхода к обучающимся, важность учета которого постоянно подчеркивается в образовательных стандартах РФ.

Очевидно, что разработка и реализация качественной индивидуальной образовательной траектории с учетом высокой загруженности преподавателей высшей школы на данном этапе развития образования невозможна. На помощь естественным образом должны прийти современные информационные технологии в сфере искусственного интеллекта.

Некоторые вопросы использования социальных сетей при оценке формирования компетенций освещены в работах Н. В. Янкина¹⁷, Т. Андерсена¹⁸, в которых обращается внимание на то, что программная система анализа должна подвергнуться семантическому анализу данные профилей и активности в социальных сетях. Для этого используются специальные алгоритмы, основанные на методах машинного обучения¹⁹.

На сегодняшний день, издательства учебной литературы стараются придерживаться современных тенденций и к учебным изданиям по предметам выпускают их электронные аналоги.

В рамках исследования был проведен анализ электронных приложений современных учебно-методических пособий, который продемонстрировал примитивный подход к интерактивности обучения, отсутствие методической регламентации работы с мультимедийными вложенными файлами (аудио-, видеофайлы). Например, при выполнении заданий в электронном приложении практикума по естественнонаучным дисциплинам предлагаются различные задания, при выполнении которых студент «методом тыка» приходит к правильному ответу. Подобным образом выполняются и многие другие задания по другим дисциплинам. Таким образом, не учитывается количество попыток и их комбинации, этот опыт не накапливается для дальнейшего анализа «продвижения» или снижения индивидуальных образовательных результатов, не ведется учет времени на выполнение заданий.

Очевидно, что назрела необходимость в разработке и внедрении в образовательный процесс действительно «работающего» механизма формирования персональной образовательной среды на основе искусственного интеллекта для учета индивидуальных образовательных способностей и потребностей каждого студента. Полученные результаты образовательных данных позволят выявить закономерности и взаимозависимости и дадут возможность понять: как студент воспринимает учебный курс, сформировано ли полноценное восприятие, как приобретает умения и навыки анализа в рамках изучаемого курса.

На наш взгляд, реализация работы с интеллектуальной обучающей средой должна подразумевать:

- анализ объема и времени, затраченного на изучение курса;
- выявление причин прекращения изучения;
- всплывающие окна подсказки, акцентирующие внимание на основных моментах прочитанного текста;
- возможность делать заметки «на полях» и обмениваться ими с сообществом (группой), комментировать чужие;
- направлять интерес обучаемого с помощью всплывающих коротких сообщений, «интригующих» для дальнейшего прочтения изучаемого текста;
- задания для итоговой проверки восприятия (вопросы на оценку эмоций автора, читателя, освоение содержания, осмысление формы произведения);
- оценка составленных вопросов к курсу (их обработка средствами искусственного интеллекта с дальнейшими рекомендациями: вернуться к прочтению определенных глав, страниц и т. д.).

Таким образом, интеллектуальная среда в образовательных системах позволит реализовать принцип адаптивности, принцип оценки знаний студента на основе аналитики с использованием методов машинного обучения и автоматического сбора данных о действиях учащихся. Стоит отметить, что традиционные системы онлайн-обучения основаны на современных интернет-технологиях (общение по Skype, Microsoft Teams, переписка в чате и т. п.), но вместе с тем являются недостаточно интеллектуальными. Обучение по заданному учебному сценарию, самонавигация по электронному образовательному ресурсу не могут обеспечить индивидуальный образовательный подход.

Для обеспечения рациональной организации процесса индивидуального обучения в высшей школе с учетом уровня подготовки и способностей, интересов обучаемых были разработаны предложения по внедрению систем искусственного интеллекта на территории Российской Федерации, которые базируются на следующих основных компонентах:

- интегрированной системе, в основе которой находится фреймово-продукционный метод представления знаний;
- системах моделирования процесса индивидуального обучения, основанных на нейросетевых технологиях.

Первый компонент состоит из базы знаний, которая включает методический и дидактический элементы процесса самообучения, учитывающие уровень подготовки, развития и полноценность восприятия учебного курса. В качестве модели представления знаний предлагается использовать иерархические структуры фреймов и продукционных правил.

Второй компонент представляет собой «интеллектуальное ядро» системы, которое позволяет прогнозировать и корректировать инди-



видуальный образовательный сценарий обучающихся на основе знаний о текущем процессе самообучения (чтения, анализа литературного произведения) и информации о предыдущих образовательных процессах (направлениях их корректировки) из базы знаний. Таким образом, нейронная сеть, анализируя процесс самообучения в ходе индивидуальных сеансов функционирования интеллектуальной среды, определит смену состояния данного процесса и будет иметь возможность управлять им без помощи концептуального анализатора. При этом предлагаемая система не только анализирует, усвоил ли обучаемый тот или иной объем информации, но и направляет его деятельность на основе нейросетевых технологий.

В рамках исследования был проведен социологический опрос, в ходе которого респондентам задавали вопросы об их отношении к распространению технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере. В опросе приняли участие 2745 граждан РФ разных возрастных групп и профессиональных обла-

стей: 1241 участник исследования проходил опрос в режиме онлайн с использованием сервиса Google Формы, 1504 – в традиционном режиме. Была разработана анкета с перечнем вопросов, касающихся возраста, профессии, уровня образования опрашиваемых граждан и их отношения к искусственному интеллекту в образовательной сфере (положительное или отрицательное). Если респондент выражал отрицательное отношение, тогда задавался дополнительный вопрос, направленный на выяснение причины такой позиции. Для реализации социологического исследования были привлечены студенты и аспиранты Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.

Распределение респондентов по социальным группам представлено на рис. 1, 2.

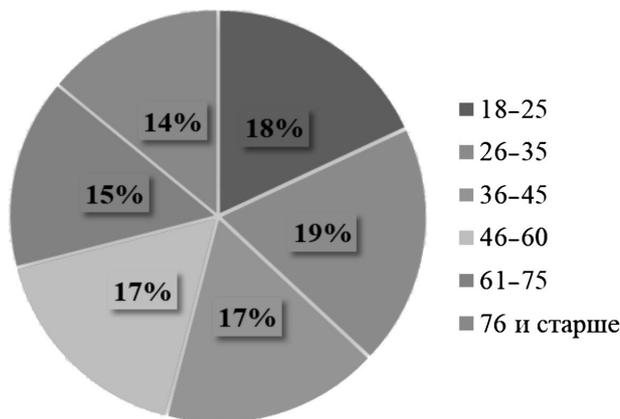


Рис. 1. Распределение респондентов по возрастным группам (цвет online)

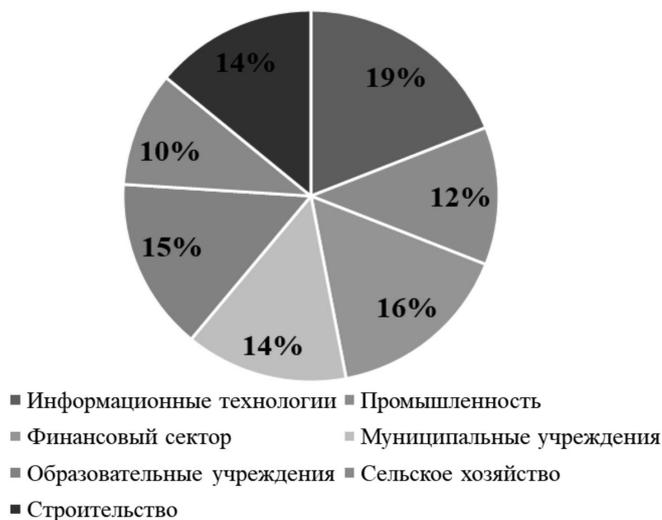


Рис. 2. Распределение респондентов по профессиональным областям (цвет online)



Результаты опроса показывают, что в возрасте 18–25 лет в области образования 87% граждан одобряют технологии искусственного интеллекта, в возрасте 26–35 лет уровень одобрения составляет 82%, в возрасте 36–45 лет – 74%, в возрасте 46–60 лет – 64%, в возрасте 61–75 – 31%, для людей 76 лет и старше процент одобрения составляет 15%. Проведенное исследование демонстрирует, что технологии искусственного интеллекта в образовательной сфере поддерживает больший процент граждан (в среднем 59% по всем возрастным группам). Внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательную область одобряют в большей степени респонденты из наиболее молодых групп. Старшее поколение, в особенности люди преклонного возраста, наоборот, выражают большие опасения по поводу использования новой технологии. По мнению респондентов,

негативное отношение к технологии вызвано, в первую очередь, опасениями, связанными с манипулированием общественным мнением. На рис. 3 и 4 показаны гистограммы распределения респондентов, одобряющих использование искусственного интеллекта по уровню образования и профессиональной области. Как видно из данных графиков, наиболее высокую поддержку внедрения технологий искусственного интеллекта в образовательные и политические процессы выражают люди с высшим образованием и работающие в сфере информационных технологий.

Если обобщить негативное отношение к технологиям искусственного интеллекта по всем респондентам, то можно выделить следующие основные причины опасений у граждан РФ, принимавших участие в опросе:

– угрозы, связанные с конфиденциальностью личных данных;

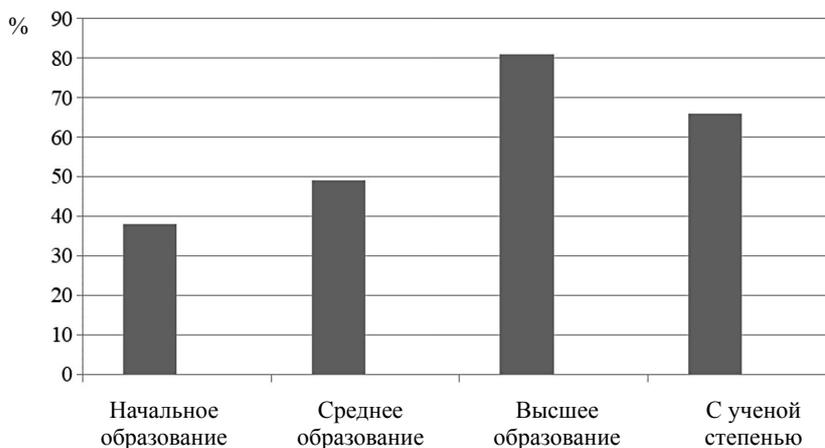


Рис. 3. Распределение респондентов, одобряющих использование искусственного интеллекта, по уровню образования

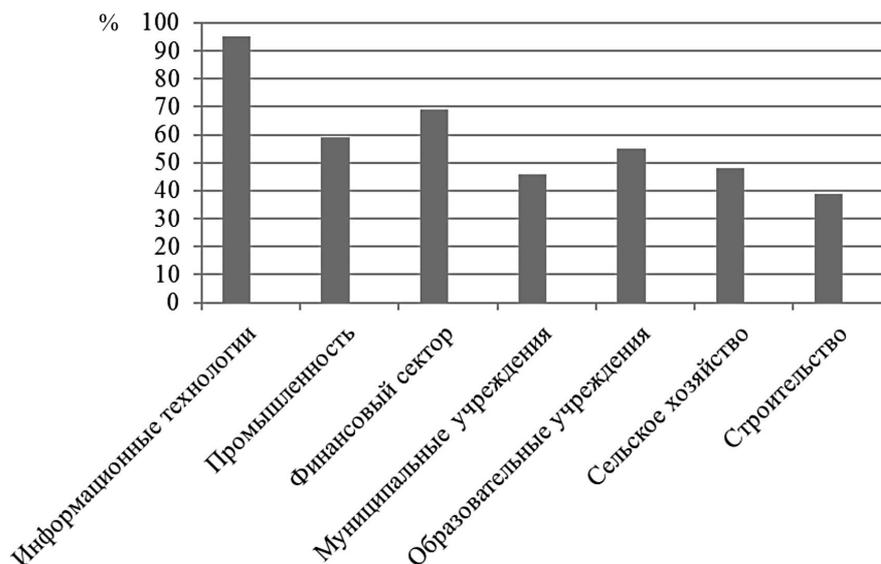


Рис. 4. Распределение респондентов, одобряющих использование искусственного интеллекта, по профессиональной области



– непредсказуемость перспектив использования технологий искусственного интеллекта;
– отсутствие знаний о последствиях внедрения.

Сегодня в современном образовании наметились тенденции к разработке и внедрению интеллектуальных образовательных сред. Методология, методика и дидактика онлайн-обучения на основе использования нейросетевых технологий находится еще только на стадии формирования, поэтому в этих условиях так важно идти навстречу прогрессу и привлекать интерес общественности, управленческого и преподавательского состава к этой актуальной проблеме, разрешение которой в значительной мере будет способствовать решению задач, указанных в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении государственной программы РФ “Информационное общество”» (3-й этап – 2019–2024 гг.).

Примечания

- 1 См.: Москвин В. А. Опасен ли искусственный интеллект? // Инвестиции в России. 2017. № 12. С. 15–25.
- 2 См.: Гордова Т. В., Киселев В. В. Угрозы и опасности искусственного интеллекта для общества и личности // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания : теория и практика : материалы III Международной научно-практической конференции / отв. ред. : Л. А. Остапец. Рязань : Цифровая типография, 2019. С. 187–193.
- 3 См.: Winkler-Schwartz A. [et al.]. Artificial Intelligence in Medical Education : Best Practices Using Machine Learning to Assess Surgical Expertise in Virtual Reality Simulation // Journal of Surgical Education. 2019. Vol. 76, iss. 6. P. 1681–1690. <https://doi.org/10.1016/j.jsurg.2019.05.015>
- 4 См.: Лукьянова Е. Д. Создание искусственного интеллекта : современные достижения и отложенные риски // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 1 (25). С. 142–148. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6275>
- 5 См.: Васильева М. М. Современные информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России в сфере международных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 85–90. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-85-90>
- 6 См.: Zhang Z. Artificial Intelligence Within Sociology at the Taft School // Proceedings of the 2018 International Workshop on Education Reform and Social Sciences (ERSS 2018). Atlantis Press, 2019. P. 154–157. <https://doi.org/10.2991/erss-18.2019.30>
- 7 См.: Иванов П. В. Социальные факторы виртуализации общества // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2019. С. 15–18.
- 8 См.: Gryaznova E. V., Vladimirov A. A., Maltceva S. M., Goncharuk A. G., Zanozin N. V. Problems of Virtualization and Internetization of Social Space // The 21st Century from the Positions of Modern Science : Intellectual, Digital and Innovative Aspects. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 91 / eds. E. Popkova, B. Sergi. Springer, Cham, 2020. P. 119–124. https://doi.org/10.1007/978-3-030-32015-7_14
- 9 См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» : постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 17.02.2018). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 10 Там же.
- 11 См.: Gries T., Naudé W. Artificial Intelligence, Income Distribution and Economic Growth. August 2020. URL: <http://ftp.iza.org/dp13606.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).
- 12 См.: Mou X. Artificial Intelligence : Investment Trends and Selected Industry Uses // International Finance Corporation. 2019. С. 1–8. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/ar/617511573040599056/pdf/Artificial-Intelligence-Investment-Trends-and-Selected-Industry-Uses.pdf> (дата обращения: 29.09.2020).
- 13 См.: Lobova S. V., Bogoviz A. V. Embracing Artificial Intelligence and Digital Personnel to Create High-Performance Jobs in the Cyber Economy // The Cyber Economy. Contributions to Economics / eds. V. Filippov, A. Chursin, J. Ragulina, E. Popkova. Springer, Cham, 2019. P. 169–174. https://doi.org/10.1007/978-3-030-31566-5_18
- 14 См.: Карпунин С. В., Лобажевич В. В. Использование искусственного интеллекта в образовании : перспективы и проблемы // Философия и культура информационного общества : тез. докладов Седьмой международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : ГУАП, 2019. С. 206–209.
- 15 См.: Каменная Е. Ш., Ягафарова Х. Н. Функции текущего контроля знаний студентов технического профиля в педагогических условиях индивидуализации обучения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 71–76.
- 16 См.: Popov A. I., Fedorenko R. V. Individualization of Training Using the Resources of International Digital Platforms // SHS Web of Conferences. EDP Sciences, 2019. Vol. 71. P. 05001.
- 17 См.: Янкина Н. В. О роли социальных сетей в адаптации иностранных студентов к новой образовательной среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 465–468. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-465-468>
- 18 См.: Anderson T. Challenges and Opportunities for Use of Social Media in Higher Education // Journal of Learning for Development. 2019. Vol. 6, iss. 1. P. 6–19.
- 19 См.: Sekeroglu B., Dimililer K., Tuncal K. Student performance prediction and classification using machine learning algorithms // Proceedings of the 2019 8th International Conference on Educational and Information Technology. 2019. P. 7–11. DOI: 10.1145/3318396.3318419

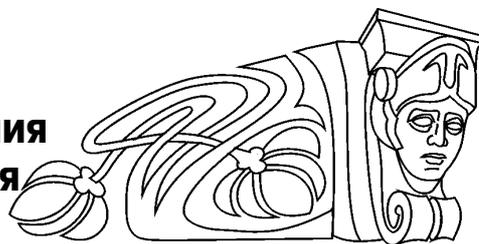
Поступила в редакцию 16.11.2020, после рецензирования 25.11.2020, принята к публикации 01.12.2020
Received 16.11.2020, revised 25.11.2020, accepted 01.12.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 43–47
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politics, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 43–47

Научная статья
УДК 159.9:331
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-43-47>

Взаимосвязь чувства юмора и синдрома эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования



С. Б. Первозкин[✉], Ю. М. Первозкина

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

Первозкин Сергей Борисович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, per@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6790-4835>

Первозкина Юлия Михайловна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, per@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>

Аннотация. В статье рассматривается специфика проявления чувства юмора и эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования. Особое внимание обращается на то, что проявление чувства юмора может оказывать влияние на профилактику профессиональных деформаций у представителей педагогической профессии. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью взаимосвязи чувства юмора и синдрома эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования, а во-вторых, неоднозначностью характера этой связи. Представлены две противоположные точки зрения на взаимодействие эмоционального выгорания и профессиональной деформации. Ряд исследователей приводят результаты, отражающие отрицательную связь между чувством юмора и профессиональными деформациями. Вместе с тем есть ряд прямо противоположных исследований, которые показывают положительное влияние юмора на профилактику эмоционального выгорания. Применение корреляционного анализа (критерий *r*-Спирмена) показало, что между стилями юмора, отношением к юмору и фазами эмоционального выгорания существуют как отрицательные, так и положительные статистически значимые взаимосвязи ($p < 0,05$). Полученные результаты позволили сформулировать ряд выводов, касающихся того, что взаимосвязь имеет дифференцированный характер, заключающийся в положительном воздействии аффилиативного стиля на эмоциональное выгорание, а также свидетельствующих о негативном проявлении юмора, связанном с агрессивным стилем и страхом выглядеть смешным, которые в меньшей степени защищают от эмоционального выгорания.

Ключевые слова: юмор, эмоциональное выгорание, педагог, дошкольное образование, деперсонализация

Для цитирования: Первозкин С. Б., Первозкина Ю. М. Взаимосвязь чувства юмора и синдрома эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 43–47. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-43-47>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-43-47>

The relationship between humor and burnout among preschool teachers

Sergei B. Perevozkin[✉], per@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6790-4835>

Yulia M. Perevozkina, per@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>

Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

Abstract. The article examines the specifics of manifesting a sense of humor and emotional burnout among the preschool teachers. Particular attention is paid to the fact that manifesting the sense of humor can influence the prevention of professional deformations among teachers. The relevance of the research problem is conditioned: firstly, by insufficient studying the relationship between the sense of humor and the emotional burnout syndrome among preschool teachers; secondly by its ambiguity. Two opposing points of view on the interaction of burnout and professional deformation are presented. A number of researchers' results reflect a negative relationship between a sense of humor and professional deformation. At the same time there is a number of directly opposed studies showing the positive effect of humor on preventing emotional burnout. The use of correlation analysis (Spearman's *r*-test) showed both negative and positive statistically significant relationships between humor styles and attitudes towards humor and phases of burnout ($p < 0.05$). The obtained results allowed formulating a number of conclusions regarding the fact that the relationship has a differentiated nature consisting of the positive impact of the affiliate style on emotional



burnout, as well as negative manifesting of humor associated with aggressive style and the fear of looking funny which are less protective against emotional burnout.

Keywords: humor, emotional burnout, teacher, preschool education, depersonalization

For citation: Perevozkin S. B., Perevozkina Yu. M. The relationship between humor and burnout among preschool teachers. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 43–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-43-47>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Актуальность темы связана с глобальными изменениями, произошедшими в системе отечественного образования. Повышенная нагрузка, чрезмерный документооборот, дистанционное взаимодействие с обучающимися приводят к тому, что для современного педагога как дошкольного, так и школьного образования характерен повышенный риск развития синдрома эмоционального выгорания. Синдром эмоционального выгорания как следствие стрессов, связанных с профессиональной педагогической деятельностью, насчитывает значительную библиографию, вместе с тем практически не исследованными остаются вопросы взаимосвязи синдрома эмоционального выгорания и чувства юмора. Особо следует обратить внимание на то, что проявление чувства юмора оказывает влияние на профилактику профессиональных деформаций. В этой связи становится очевидной актуальность исследования, которая обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью взаимосвязи чувства юмора и синдрома эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования, а во-вторых, неоднозначностью характера этой связи.

Еще в середине прошлого века Н. Freudenbergер сделал предметом внимания эмоциональное выгорание¹. Вместе с тем распространение этот феномен получил после работ С. Maslach и S. E. Jackson², которые представили его в виде негативного эмоционального переживания, связанного с взаимоотношениями в профессиональной сфере. Развитие эмоционального выгорания связано с расширением его симптоматики, к которой стали относить снижение работоспособности, эмоциональную истощенность и деперсонализацию. В частности, А. Shirom, определяя одним из главных симптомов эмоциональное истощение, все же указывает, что эмоциональное выгорание включает в себя комплексное сочетание когнитивного, физического и эмоционального факторов³. Таким образом, зарубежными учеными эмоциональное выгорание рассматривается в виде синдрома, содержащего ряд симптомов, которые влияют на снижение работоспособности, потерю интереса в профессиональной сфере и нарушение межличностных отношений.

Эмоциональное выгорание, которое в отечественной психологии в конце прошлого века становится предметом внимания, имеет различные дефиниции: профессиональное выгорание, психическое выгорание, и так же, как у зарубежных коллег, используется традиционное название –

эмоциональное выгорание. В этом контексте можно привести мнение Ю. П. Поваренкова, который в какой-то степени проясняет сложившуюся запутанную ситуацию относительно рассматриваемой дефиниции⁴. Так, согласно автору, эмоциональное сгорание нельзя приравнивать к профессиональной деструкции, так как имеют место и другие виды деструкций в профессиональной сфере, среди которых – профессиональная деформация, профессиональная стагнация и т. п.

Кроме путаницы в определении исследуемого феномена, возникает проблема, связанная с детерминантами, снижающими эмоциональное выгорание. Так, В. В. Бойко называет как внешние, так и внутренние факторы, которые способствуют проявлению синдрома эмоционального выгорания или, наоборот, уменьшают риск его возникновения⁵. В качестве внутренних факторов автор обозначает личностные особенности, стиль взаимодействия и проч. К таким личностным особенностям одни исследователи относят чувство юмора, позволяющее нивелировать эмоциональное выгорание, а другие, наоборот, считают, что чувство юмора может способствовать его усилению.

R. A. Martin et all. связывают чувство юмора с когнитивным, эмоциональным и эстетическим развитием субъекта⁶. М. Селигман считает, что юмор положительно связан с удовлетворением жизнью, а также направлен на восстановление после физического заболевания⁷. В этом смысле юмор можно понимать как фактор устойчивости и нравственно положительную черту, которая помогает противостоять неприятностям. Наконец, юмор может способствовать появлению и переживанию положительных эмоций, которые связаны с различными показателями субъективного благополучия. В этом случае юмор может выступать фактором, способствующим нивелированию симптомов эмоционального выгорания.

Необходимо отметить, что в последние годы остро стоит вопрос профилактики синдрома эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования, в котором, как показывают исследования, особое место отводится чувству юмора. В частности, Э. И. Киришбаумом и А. И. Еремеевой эмпирически доказано, что юмор увеличивает устойчивость к стрессу, позволяет конструктивно выражать возникающую в педагогических ситуациях агрессию⁸. Т. В. Артемьева указывает, что в профессиональной сфере юмор часто используется в качестве защиты от конфликтных и противоречивых ситуаций⁹.



В то же время ряд авторов, таких как R. A. Martin et al. и W. Ruch¹⁰, представляют данные, свидетельствующие, что представители педагогической профессии демонстрируют агрессивные формы выражения юмора. В другом исследовании O. I. Mironova et al. также приводят результаты, отражающие отрицательную связь между чувством юмора и профессиональными деформациями¹¹. В работе А. Б. Харченко было установлено, что представители педагогической профессии с выраженным агрессивным стилем чувства юмора демонстрируют определенную симптоматику эмоционального выгорания¹².

Вместе с тем есть ряд прямо противоположных исследований, которые показывают положительное влияние юмора на профилактику эмоционального выгорания. Так, согласно Е. Г. Тулиной, юмор может рассматриваться в виде определенного механизма, позволяющего трансформировать принуждение в необходимость или даже норму для обучающихся¹³. В другой работе I. Falkenberg¹⁴ вскрывает факт отрицательной связи между юмором и профессиональной деформацией. В частности, выраженное депрессивное состояние исключает использование юмора, тогда как его активное использование нивелирует проявление депрессивности.

Таким образом, проведенный теоретический обзор связи эмоционального выгорания и чувства юмора у представителей сферы образования показал, что современные исследования, как правило, используют различные конструкции для оценки влияния усиления юмора как навыка совладания у педагогов. Современные ученые, как правило, используют различные конструкции для оценки влияния усиления юмора. Обычно это включает в себя нахождение юмора в стрессовой ситуации, что обеспечивает изменение внимания перспектив исследований. Кроме того, приведенные работы демонстрируют, что представленные в них эмпирические данные описаны на уровне отдельных случаев. Несмотря на то, что этот материал может быть описательно богатым, он не дает убедительных доказательств с научной точки зрения. Вместе с тем в настоящее время эта проблема поднимается в научных исследованиях, предполагающих более сложные конструкции в изучении взаимосвязи юмора и эмоционального выгорания педагогов, чему и посвящена настоящая работа. В целом исследовательская гипотеза предполагала доказательство наличия связи между указанными выше двумя феноменами и определение характера этой взаимосвязи. Кроме того, была выдвинута гипотеза о смягчении эмоционального выгорания посредством проявления юмора у педагогов дошкольного образования.

Исследование производилось с помощью комплекса опросников: «Методика оценки синдрома эмоционального выгорания» (В. В. Бойко), «Опросник стилей юмора» (Р. Мартин в

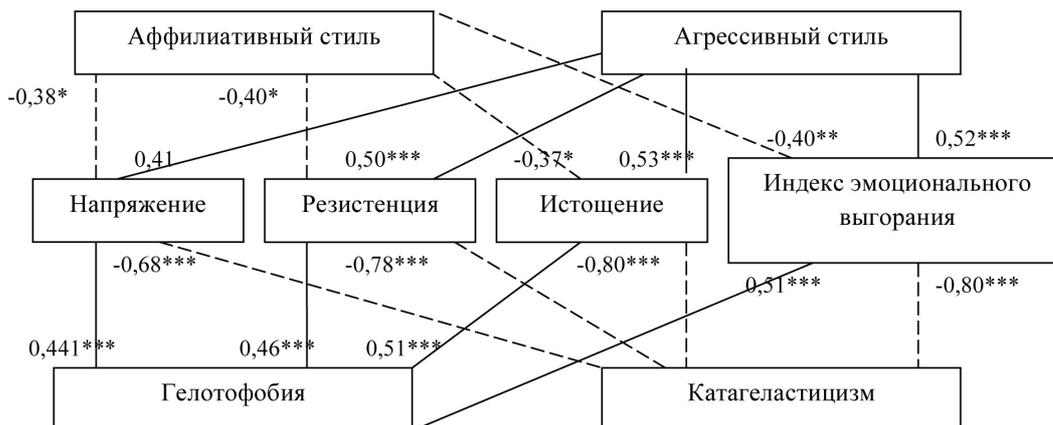
адаптации С. Н. Ениколопова с соавт.), опросник «Отношение к смеху» (В. Рух и Р. Пройер в адаптации Е. Стефаненко с соавт.). Исследование проводилось на базах муниципальных бюджетных дошкольных учреждений г. Новосибирска. Объем выборки составил 50 педагогов женского пола. Возрастной показатель варьировался от 38 до 52 лет, педагогический стаж составил от 10 до 29 лет.

Для установления взаимосвязи между юмором и эмоциональным выгоранием у педагогов применялся непараметрический критерий *r*-Спирмена.

По результатам исследования был сделан вывод, что для педагогических работников наиболее выраженной является фаза резистенции ($M = 58,4$ балла), которая характеризуется неадекватным избирательным эмоциональным реагированием, эмоционально-нравственной дезориентацией, расширением сферы экономии эмоций и редукцией профессиональных обязанностей (здесь и далее по тексту M обозначает среднее значение). Вместе с тем общий уровень эмоционального выгорания ($M = 133,4$ балла) у педагогов дошкольного образования находится в зоне средних значений.

Максимальный результат по стилю юмора зафиксирован по показателю «Самоподдерживающий стиль» ($M = 4,2$ балла), который характеризует склонность использовать юмор в качестве копинг-стратегии (положительная переоценка, планирование, дистанцирование), адаптивной защиты или средства эмоциональной регуляции (оптимистичный взгляд на жизнь, умение сохранять чувство юмора перед лицом трудностей и проблем). В то же время минимальный показатель отмечен по шкале «Аффилиативный стиль» ($M = 3,9$ балла). Это позволяет предположить, что для педагогов дошкольного образования в меньшей степени свойственны открытость новому опыту, оптимизм, удовлетворенность качеством жизни. Результаты диагностики отношения к смеху демонстрируют, что более всего у педагогов дошкольного образования выражен показатель «Катагелластицизм» ($M = 2,5$ балла), который характеризуется получением удовольствия от высмеивания другого. В то же время менее всего у педагогов выражен такой параметр, как «Гелотофилия» ($M = 2,1$ балла), который проявляется в заниженной самооценке, некоторой зависимости от социума, желанием получить больше внимания.

Применение корреляционного анализа (критерий *r*-Спирмена) показало, что между стилями юмора, отношением к юмору и фазами эмоционального выгорания существуют как отрицательные, так и положительные статистически значимые взаимосвязи (рисунок). При этом выражена дифференциация направленности связи как между стилями юмора, так и между типами отношения к смеху.



Структура значимых взаимосвязей чувства юмора и синдрома эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования. * – связь значима на уровне $p \leq 0,05$, ** – связь значима на уровне $p \leq 0,01$, *** – связь значима на уровне $p \leq 0,001$

В частности, установлено, что аффилиативный стиль юмора и такой тип отношения к смеху, как катагеластичизм, отрицательно связаны со всеми фазами эмоционального выгорания и непосредственно с общим индексом этого параметра. Это свидетельствует о том, что чем чаще педагог использует поддерживающий, направленный на других юмор и склонность к высмеиванию других людей, тем ниже проявление всех фаз эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования. Следовательно, повседневный юмор, который направлен на других, – это самый лучший тип юмора, он помогает сблизиться с людьми и быть на одной волне. Данный тип юмора способствует тому, что педагоги меньше подвержены напряжению как проявлению эмоционального выгорания. Полученные нами эмпирические данные согласуются с результатами исследования других авторов, утверждающих, что юмор может выступать в роли психологического механизма, приводящего к снижению профессиональной деформации¹⁵. В частности, аналогичные результаты были представлены в работе S. K. Ho¹⁶, который обнаружил, что высокий аффилированный и самосовершенствующийся стили юмора у педагогов средних школ в Гонконге ($N = 379$) связан с меньшим эмоциональным истощением и деперсонализацией, но с более высокими личными достижениями. Кроме того, результаты этого исследования показали, что низкий уровень выраженности таких стилей юмора, как аффилированный и самоподдерживающийся, были связаны с большей деперсонализацией у женщин, чем у мужчин.

Вместе с тем в нашем исследовании были получены неоднозначные результаты, свидетельствующие не только об отрицательной связи между юмором и эмоциональным выгоранием. Так, вторая группа связей прямо противоположна предыдущим – выявлены положительные корреляции между агрессивным стилем, гелотофобией и всеми фазами эмоционального выгорания,

а также с общим индексом эмоционального выгорания. Следовательно, чем выше проявления сарказма и выраженность страха насмешки, тем более ярко выражены фазы эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования и общий индекс эмоционального выгорания. Представленные эмпирические данные согласуются с исследованиями, в которых было доказано, что представители педагогической профессии с признаками эмоционального выгорания, как правило, демонстрируют агрессивный стиль юмора¹⁷. Кроме того, такие педагоги испытывают неудовлетворение отношениями во всех сферах жизнедеятельности. Полученные результаты позволяют предположить, что повышенные показатели агрессивного юмора, жестокость и язвительность ведут к тому, что такие педагоги не могут остановиться и прекратить шутить над другими, и это приводит к увеличению профессиональных деформаций и эмоциональному выгоранию. Однако это скорее внешнее проявление неуверенности и защиты от окружения, которое, впрочем, способствует нарастанию физического и эмоционального истощения, циничному отношению к деятельности и чувству опустошенности.

Таким образом, проведенное исследование и результаты корреляционного анализа, во-первых, позволили подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что имеется взаимосвязь чувства юмора и синдрома эмоционального выгорания у педагогов дошкольного образования. Более того, было вскрыто, что такая связь имеет дифференцированный характер. Это свидетельствует о том, что различные стили юмора и отношение к смеху способствуют или повышению, или понижению эмоционального выгорания у педагогов.

Во-вторых, было установлено, что чем выше у педагогов проявление позитивного юмора (аффилиативный стиль и склонность к положительному высмеиванию других людей), тем меньше они подвержены риску эмоционального выгорания. Однако негативные



проявления юмора (агрессивный стиль и страх выглядеть смешным) в меньшей степени защищают от эмоционального выгорания, они не выступают защитным механизмом в педагогической профессии и не способствуют снижению профессиональных деформаций и эмоциональному выгоранию.

В-третьих, полученные результаты также частично подтвердили гипотезу смягчения эмоционального выгорания, поскольку было обнаружено, что affiliative юмор смягчает отношения стресс-деперсонализации в выборке педагогов дошкольного образования.

Представленные результаты показывают, что дошкольные учреждения могут разрабатывать программы непрерывного образования, основанные на использовании позитивного юмора, чтобы помочь учителям справиться с эмоциональным выгоранием.

Примечания

- ¹ См.: *Freudenberger H.* Staff Burnout // *Journal of Social Issues.* 1974. Vol. 30. P. 159–165.
- ² См.: *Maslach C., Jackson, S. E.* The measurement of experienced burnout // *Journal of Occupational Behavior.* 1981. Vol. 2. P. 99–113.
- ³ См.: *Shirom A.* Burnout in work organization // *International Review of Industrial and Organizational Psychology* / eds. C. L. Cooper, I. Robertson. N. Y., NY : Wiley, 1989. P. 25–48.
- ⁴ См.: *Поваренков Ю. П.* Соотношение конструктивных и деструктивных тенденций развития в процессе профессионального становления личности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности : сб. науч. тр. V Всероссийской научно-практической конференции (Ярославль, 23–24 ноября 2011 г.) / под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 2–12.

- ⁵ См.: *Бойко В. В.* Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб. : Питер, 1999.
- ⁶ См.: *Martin R. A., Lopez S. J., Snyder C. R.* Sense of humor // *Positive psychological assessment : A handbook of models and measures.* Washington, DC : American Psychological Association, 2003. P. 313–326.
- ⁷ См.: *Селигман. М.* Новая позитивная психология : Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М. : София, 2006.
- ⁸ См.: *Киришбаум Э. И., Еремеева А. И.* Психологическая защита. СПб. : Смысл ; Питер, 2005.
- ⁹ См.: *Артемова Т. В.* О методе исследования совладания (копинг) юмором и его возможностях // *Казанский педагогический журнал.* 2011. № 4 (88). С. 118–123.
- ¹⁰ См.: *Ruch W.* Fearing humor? Gelotophobia : The fear of being laughed at. Introduction and overview // *Humor : International Journal of Humor Research.* 2009. Vol. 22, iss. 1/2. P. 1–25.
- ¹¹ См.: *Mironova O. I., Polyakova O. B., Ushkov F. I.* Impact of compiled contacts on psychosomatic disorders of employees of organizations // *Economic and Social Development Book of Proceedings / Varazdin Development and Entrepreneurship Agency ; Russian State Social University.* М. : Russian State Social University, 2017. P. 878–885.
- ¹² См.: *Харченко А. Б.* Гелотофобия как аспект выявления эмоциональной уязвимости // *Современные проблемы науки и образования.* 2009. № 1. С. 143–144.
- ¹³ См.: *Тулина Е. Г.* Психолого-педагогические основы юмора как средства обучения и воспитания : дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 1999.
- ¹⁴ См.: *Falkenberg I., Jarmuzek J., Bartels M., Wild B.* Do depressed patients lose their sense of humor // *Psychopathology.* 2011. Vol. 44, iss. 1. P. 98–105.
- ¹⁵ См.: Харченко А. Б. Указ. соч.
- ¹⁶ См.: *Ho S. K.* The relationship between teacher stress and burnout in Hong Kong : Positive humour and gender as moderators // *Educational Psychology,* 2017. Vol. 37, iss. 3. P. 272–286.
- ¹⁷ Ibid.

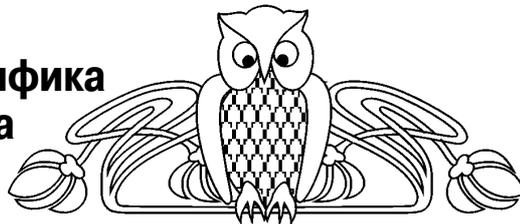
Поступила в редакцию 30.09.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 03.12.2020
Received 30.09.2020, revised 20.10.2020, accepted 03.12.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48–54
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 48–54

Научная статья
УДК 316.454.3
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-48-54>

Социально-демографическая специфика молодежного предпринимательства в г. Саратове



И. А. Бегина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бегина Ирина Александровна, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии регионов, begininaia@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3944-5237>

Аннотация. По результатам социологического исследования методом анкетирования, проведенного в 2020 г., доказано, что специфика молодежного предпринимательства в Саратове непосредственно связана с социально-демографическими характеристиками. Существуют преимущественно мужские сферы предпринимательской деятельности, такие как промышленность, строительство и транспорт. Возраст в значительной степени определяет сферу интересов личности, ее ценности, опыт, что оказывает влияние на выбор сферы предпринимательской деятельности. Для младшего возраста это торговля, для старшего поколения – сфера услуг, другие сферы. Мотивационное ядро молодых предпринимателей находится в зависимости от гендерной идентичности. У женщин это внутренние мотивы: желание заниматься любимым делом, независимость, у мужчин – внешние мотивы: повышение доходов, общественное признание. Мотивация определяется и общей направленностью личности, которая зависит от возраста и жизненных обстоятельств. В возрастной группе от 18 до 22 лет среди мотивов преобладает стремление к независимости, в группе от 23 до 26 лет основным мотивирующим фактором выступает желание заниматься тем, что нравится, в возрастной группе от 27 до 34 лет – повышение доходов. Популярность различных источников информации о предпринимательской деятельности также в значительной мере находится в зависимости от возраста. Доверие к различным курсам и тренингам проявляют, как правило, представители более молодых когорт. С возрастом их популярность спадает. Представители старших категорий предпринимателей больше доверяют Интернету и своим знакомым. Существует прямая зависимость между возрастом и использованием услуг банковского кредитования. Чем старше предприниматель, тем чаще он прибегает к использованию банковского кредитования, так как более стабилен в жизни, у него больше возможностей для использования данной услуги и дальнейшего погашения кредита. Проблемы молодых предпринимателей существенно коррелируют с возрастом или полом, хотя они и ведут свою деятельность в одних и тех же условиях существующей реальности, зависящих от экономического и политического состояния региона. Опыт молодых предпринимателей, который зависит от возраста, находит отражение в самооценке своего бизнеса. Чем старше индивид, тем более положительную оценку своему делу он дает.

Ключевые слова: мотивы предпринимательской активности молодежи, влияние пола, возраста на молодежное предпринимательство

Для цитирования: Бегина И. А. Социально-демографическая специфика молодежного предпринимательства в г. Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48–54. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-48-54>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-48-54>

Social and demographic specifics of youth entrepreneurship in Saratov

Irina A. Beginina, begininaia@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3944-5237>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The results of the sociological survey conducted in 2020 proved that the specifics of youth entrepreneurship in Saratov is directly related to socio-demographic characteristics. There are predominantly male-dominated business activities such as industry, construction and transport. The age largely determines the sphere of interests, values and experience of the individual, influencing the choice of business. For the younger age it is trade, for the older generation it is the service sector and other areas. The motivational core of the young entrepreneurs depends on their gender identity. For women, they are internal motives: the desire to do what they like, independence; for men, they are external motives: increased income and public recognition. Motivation is determined by the general orientation of the person, which depends on the age and life circumstances. In the age group from 18 to 22 the desire for independence prevails. In the group from 23 to 26 the main motivating factor is the desire to do what they like. In the 27–34 age group the income growth is the main motive. The popularity of various sources of business



information is also greatly based on the age. The confidence in the various courses and trainings is usually demonstrated by younger cohorts. As they grow older, their popularity declines. The representatives of older categories of entrepreneurs trust the Internet and their friends more. There is a direct correlation between the age and the use of bank lending services. The older the entrepreneur is, the more often he/she resorts to the use of bank lending, as he/she is more stable in life and has more opportunities to use this service and further repay the loan. The problems of young entrepreneurs are significantly correlated with the age or gender, although they operate in the same conditions of the existing reality, depending on the economic and political state of the region. The experience of young entrepreneurs which depends on the age is reflected in the self-assessment of their business. The older the individual is, the more positively he/she evaluates his work.

Keywords: motives of youth entrepreneurship, gender, age impact on youth entrepreneurship

For citation: Beginina I. A. Social and demographic specifics of youth entrepreneurship in Saratov. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 48–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-48-54>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В странах с рыночной экономикой предпринимательство необходимо для нормального функционирования экономики страны и развития регионов. Молодежное предпринимательство является важнейшим стратегическим ресурсом для развития малого и среднего бизнеса, для решения проблем занятости и безработицы. Молодежное предпринимательство по праву относится к наиболее перспективным направлениям развития предпринимательского сектора экономики России, поскольку молодежь является той социальной группой, которая отличается наибольшей мобильностью, креативностью, склонностью к инновациям и риску, а инновации, как известно, составляют базис предпринимательской деятельности¹.

Важность данного факта подчеркивает повышение государственной поддержки: создание площадки «Опора России», деятельность которой направлена на решение многих проблем, с которыми сталкиваются предприниматели². Но, несмотря на эти меры по стимулированию развития молодежного предпринимательства, проблема все еще остается не решенной. Сложившиеся экономические обстоятельства и институциональные условия выступают барьерами в становлении и развитии молодежного предпринимательства в России. Молодежь предпочитает более стабильную работу в госкомпаниях или в престижных крупных фирмах³.

Предпринимательство устойчиво входит в число наиболее активно развиваемых направлений как в зарубежной (М. Вебер, В. Зомбарт, А. Маршалл, А. Смит, Ж.-Б. Сэй, Й. Шумпетер), так и отечественной в социологии (Т. И. Заславская, В. В. Радаев, А. В. Бусыгин, А. В. Безгодов и др.). Молодежное предпринимательство довольно часто подвергается глубокому анализу с позиций особенностей молодежного предпринимательства в России⁴, перспектив его развития⁵, включая контекст молодежной политики⁶, его роли в становлении среднего класса⁷ и развития регионов⁸, роли системы образования в развитии молодежного предпринимательства как оплота инновационного предпринимательства⁹ и инновационного развития общества в целом¹⁰. Однако до сих пор молодежное предпринимательство сталкивается с целым рядом значимых барьеров, что накладывает отпечаток на структуру и харак-

тер их деятельности. Так как в основе выделения этой категории предпринимателей лежат возрастные критерии, то исследование социально-демографической специфики молодежного предпринимательской деятельности на сегодняшний день представляется особенно важным.

В 2020 г. было проведено социологическое исследование, в ходе которого методом анкетирования было опрошено 380 саратовских предпринимателей по квотной выборке. В опросе приняли участие 49% мужчин и 51% женщин. Возраст респондентов был ограничен 35 годами, которые формально служат индикаторами выделения молодых предпринимателей¹¹: 8% опрошенных относятся к возрастной группе до 19 лет; 27% – от 20 до 24 лет; 34% – от 25 до 29 лет; 31% от 30 до 34 лет.

Опрос показал, что 61,90% молодых бизнесменов, преимущественно девушки (62,7%), работают как индивидуальные предприниматели; 39%, преимущественно юноши (40,8%), – в формате общества с ограниченной ответственностью; 94,0% молодых предпринимателей трудятся в малом бизнесе, 6,0% – в среднем. В табл. 1 отражено гендерное распределение респондентов по различным сферам предпринимательской активности. Преимущественно мужскими областями являются оптовая и розничная торговля (28,6%), сельское хозяйство (6,1%), промышленность (2,0%), транспорт (4,1%), строительство (8,2%) и информационные технологии (2,0%), культура и досуг (4,1%). Направления, в которых превалирует доля женщин, – финансы, кредит, страхование (3,9%), образование и наука (17,6%), реклама, консалтинг, PR (15,7%), а также сфера услуг (33,3%).

Данные табл. 2 свидетельствуют, что сфера услуг, самая популярная среди предпринимателей, особенно значима в возрасте 23–34 лет. Это может быть обусловлено тем, что с взрослением, приобретением новых знаний, в том числе профессиональных, повышается экспертность. Как итог – таким людям проще предлагать свои услуги или организовывать их оказание в какой-либо сфере. Среди предпринимателей от 18 до 26 лет преимущественной сферой бизнеса является оптовая и розничная торговля. Но доля занятых в данной области снижается с возрастом. Образовательная сфера наиболее привлекательна в возрасте 23–26 лет. Реклама, особенно



Таблица 1

Влияние пола молодежи на сферы предпринимательской деятельности, % по полу

| Сфера предпринимательской деятельности респондентов | Пол | | Итого |
|---|---------|---------|-------|
| | мужской | женский | |
| Сфера услуг | 22,4 | 33,3 | 28,0 |
| Оптовая и розничная торговля | 28,6 | 23,5 | 26,0 |
| Образование и наука | 10,2 | 17,6 | 14,0 |
| Реклама, консалтинг, PR | 10,2 | 15,7 | 13,0 |
| Сельское хозяйство | 6,1 | 2,0 | 4,0 |
| Культура и досуг | 4,1 | 3,9 | 4,0 |
| Строительство | 8,2 | – | 4,0 |
| Финансы, кредит, страхование | 2,0 | 3,9 | 3,0 |
| Транспорт | 4,1 | – | 2,0 |
| Промышленность | 2,0 | – | 1,0 |
| IT | 2,0 | – | 1,0 |
| Итого | 100,0 | 100,0 | 100,0 |

Таблица 2

Влияние возраста на выбор сферы предпринимательской деятельности, % по возрасту

| Сфера предпринимательской деятельности респондентов | Возраст | | | | По выборке |
|---|---------|-------|-------|--------|------------|
| | 18–22 | 23–26 | 27–30 | 31–34 | |
| Сфера услуг | 9,5 | 32,1 | 30,8 | 36,00 | 28,0 |
| Оптовая и розничная торговля | 38,6 | 35,7 | 23,1 | 16,00 | 26,0 |
| Образование и наука | 14,3 | 21,4 | 15,4 | 4,00 | 14,0 |
| Реклама, консалтинг, PR | 28,1 | 10,7 | – | 8,00 | 13,0 |
| Сельское хозяйство | – | – | 7,7 | 8,00 | 4,0 |
| Культура и досуг | 9,5 | – | 7,7 | – | 4,0 |
| Строительство | – | – | 7,7 | 8,00 | 4,0 |
| Финансы, кредит, страхование | – | – | 7,7 | 4,00 | 3,0 |
| Транспорт | – | – | – | 8,00 | 2,0 |
| Промышленность | – | – | – | 4,00 | 1,0 |
| IT | – | – | – | 4,00 | 1,0 |
| Итого | 100,0 | 100,0 | 100,0 | 100,00 | 100,0 |

в социальных сетях, наиболее популярна среди молодежи от 18 до 22 лет, так как не требует значительных финансовых затрат. Молодые люди наиболее чувствительны к изменяющимся информационным реалиям, что обуславливает их высокую вовлеченность в сетевую рекламную деятельность (social media marketing). С возрастом популярность этой сферы падает. Такие сферы, как сельское хозяйство, строительство, финансы, кредит, страхование, оказываются в поле предпочтений начиная с 27 лет. Транспорт, промышленность IT-технологии становятся объектом молодого предпринимательства с 31 года и старше, что связано с необходимостью серьезных профессиональных знаний, опыта и навыков.

Анализ мотивационного ядра молодых предпринимателей (табл. 3) показал, что наиболее значимым мотивом к предпринимательской деятельности является желание заниматься тем,

что нравится (57%). Особенно это выражено у девушек (62,7%). Мотивирующим фактором также является стремление к повышению доходов (52%), которое может обеспечить бизнес. Эта позиция ярче проявилась среди юношей (59,2%). На третьем месте – стремление к независимости, что особенно свойственно девушкам (39,2% против 38% по выборке). Таким образом выявлены гендерные различия мотиваторов предпринимательской деятельности. Юноши более заинтересованы в повышении своих доходов, стремлении к общественному признанию, в родственных отношениях и личных интересах. Девушки руководствуются стремлением заниматься интересующим их делом, тягой к независимости, желанием повысить свой социальный статус и реализовать сугубо личные цели.

Рассматривая мотивацию молодых предпринимателей (табл. 4), можно заметить, что в



возрастной группе от 18 до 22 лет среди мотивов превалирует стремление к независимости, которое с возрастом снижается. На втором месте у этой категории молодых предпринимателей – стремление заниматься интересующих их делом и повышать свои доходы (по 57,1%). Зачастую молодежь данного возраста до сих пор находится на попечении родителей, из-за учебы не имеет возможности устроиться на высокооплачиваемую работу на полный рабочий день, соответственно, не имеет средств, чтобы жить самостоятельно. Отсюда желание стать независимыми, что и побуждает их начинать свой бизнес, чтобы обеспечить свою жизнь. Однако больше других к этому стремятся 27–30-летние молодые предприниматели (61,5%). Люди в этом возрасте активно развиваются, создают семьи, на это необходимы средства. Так что бизнес становится основным источником высокого дохода, который

не может обеспечить обычная работа со сравнительно невысокой заработной платой. В группе 23–26-летних еще более доминирует стремление заниматься делом, которое нравится (60,7%). Однако с возрастом этот мотив постепенно снижает свою актуальность. Повышение своего социального статуса как мотиватор к предпринимательской деятельности с возрастом повышает свою актуальность. С возрастом ослабевает такой мотив, как родственные связи. Чем человек моложе, тем сильнее он зависит от своей семьи, однако по мере взросления это утрачивается.

Молодые саратовцы активно используют различные источники информирования о том, как правильно вести бизнес (табл. 5). При этом наибольшую популярность среди респондентов всех возрастов имеют интернет-ресурсы (73%). Здесь они могут на бесплатной (чаще всего) основе получать необходимую информацию, связываться

Таблица 3

Влияние гендерной принадлежности молодежи на мотивы предпринимательской деятельности, % по положительным ответам, по полу

| Мотивы предпринимательской деятельности | Пол | | По выборке |
|---|---------|---------|------------|
| | мужской | женский | |
| Желание заниматься тем, что нравится | 51,0 | 62,7 | 57,0 |
| Повышение доходов | 59,2 | 45,0 | 52,0 |
| Стремление к независимости | 36,7 | 39,2 | 38,0 |
| Желание признания со стороны общества | 36,7 | 33,3 | 35,0 |
| Повышение социального статуса | 14,3 | 19,6 | 17,0 |
| Родственные связи | 12,2 | 7,8 | 10,0 |
| Личный интерес | 2,0 | – | 1,0 |
| Реализация других целей | – | 2,0 | 1,0 |

Таблица 4

Влияние возраста на мотивацию предпринимательской деятельности, % по возрасту

| Мотивы предпринимательской деятельности | Возраст | | | | По выборке |
|---|---------|-------|-------|-------|------------|
| | 18–22 | 23–26 | 27–30 | 31–34 | |
| Повышение доходов | 57,1 | 39,3 | 61,5 | 52,0 | 52,0 |
| Повышение социального статуса | 9,5 | 21,4 | 11,5 | 24,0 | 17,0 |
| Стремление к независимости | 71,4 | 28,6 | 34,6 | 24,0 | 38,0 |
| Желание заниматься тем, что нравится | 57,1 | 60,7 | 57,7 | 52,0 | 57,0 |
| Желание признания со стороны общества | 23,8 | 46,4 | 42,3 | 24,0 | 35,0 |
| Родственные связи | 14,3 | 10,7 | 11,5 | 4,0 | 10,0 |
| Личный интерес | – | – | – | 4,0 | 1,0 |
| Реализация других целей | – | – | – | 4,0 | 1,0 |

Таблица 5

Влияние возраста на способы получения информации о ведении бизнеса, % по возрасту

| Информационные источники | Возраст | | | | По выборке |
|--|---------|-------|-------|-------|------------|
| | 18–22 | 23–26 | 27–30 | 31–34 | |
| Курсы и тренинги | 76,2 | 46,4 | 38,5 | 32,0 | 47,0 |
| Обучающие книги | 14,3 | 28,6 | 19,2 | 20,0 | 21,0 |
| Интернет-ресурсы | 66,7 | 71,4 | 69,2 | 84,0 | 73,0 |
| Друзья/знакомые | 41,0 | 18,0 | 37,0 | 40,0 | 33,5 |
| Организации по поддержке предпринимательства | 14,3 | 7,1 | 30,8 | 12,0 | 16,0 |



с экспертами и по желанию фильтровать информацию. При этом нет ощущения навязывания, как это может происходить при личном контакте во время тренингов, что не вызывает у респондентов внутреннего конфликта. Такой источник, как курсы и тренинги, имеет наибольшую популярность у молодежи от 18 до 22 лет (76%), и его популярность снижается с повышением возраста респондентов. Это может быть обусловлено тем, что молодые люди наиболее открыты новому, с легкостью готовы платить за знания. В то время как более старшее поколение недоверчиво относится к подобным мероприятиям, воспринимает курсы и тренинги только как способ организаторов заработать.

В регионах России, в Саратовской области созданы государственные фонды по поддержке предпринимательства: «Фонд микрокредитования субъектов малого предпринимательства Саратовской области», образованное по распоряжению Правительства Саратовской области № 132-ПР от 10.06.2009 г.; «Центр поддержки предпринимательства», «Бизнес-инкубатор». В Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского также существует свой центр поддержки предпринимательства. Наряду с этим существует множество негосударственных коммерческих предприятий, оказывающих поддержку предпринимателям. В ходе исследования было выявлено, что только 30,0% молодых предпринимателей обращались за помощью в специализированные организации (девушки немного чаще – 31,4%), средняя оценка помощи от

этих организаций – 3,41 балла. Что касается банковского кредитования, четверть респондентов (24%) ответили, что прибегали к услугам банков при развитии своего дела. Однако средний балл кредитования малого и среднего бизнеса в г. Саратов в итоге составил 3 балла. В табл. 6 отражено, что чем старше респонденты, тем большая их доля прибегает к использованию банковского кредитования, когда появляется стабильное материальное положение, позволяющее использовать услуги банковского кредитования.

Высокая конкуренция, чрезмерное налогообложение и недостаток денежных средств на развитие являются самыми актуальными проблемами молодых предпринимателей в Саратове. О наличии данных проблем заявили 51, 48 и 46% респондентов соответственно. В табл. 7 отражены гендерные особенности проблем молодых предпринимателей и их распределение по полу. Существуют проблемы, практически одинаково характерные для предпринимателей мужчин и женщин: высокая конкуренция (по 51,0%), недостаток опытных и квалифицированных кадров (30,6% юношей и 29,4% среди девушек), лень (32,0% – по выборке, 32,7% – у юношей и 31,4% – у девушек). Среди мужчин немного чаще вызывают озабоченность высокие налоги (57,1%), недостаток денежных средств (53,1%), недостаток необходимой информации (18,4%), коррупция (20,4%, среди женщин – в 2,5 раза реже). Женщины больше озабочены бумажной волокитой (33,3%), проблемами с поставками (19,6%) и страхами (17,6%), видимо, в силу большей

Таблица 6

Влияние возраста на использование услуг банковского кредитования, % по возрасту

| Использование услуг банковского кредитования | Возраст | | | | По выборке |
|--|---------|-------|-------|-------|------------|
| | 18–22 | 23–26 | 27–30 | 31–34 | |
| Да | 9,5 | 10,7 | 30,8 | 44,0 | 24,0 |
| Нет | 90,5 | 89,3 | 69,2 | 56,0 | 76,0 |
| Итого | 100,0 | 100,0 | 100,0 | 100,0 | 100,0 |

Таблица 7

Влияние гендерной принадлежности на трудности при развитии своего дела, % по полу, по положительным ответам

| Трудности респондентов при развитии своего дела | Пол | | По выборке |
|---|---------|---------|------------|
| | мужской | женский | |
| Высокая конкуренция | 51,0 | 51,0 | 51,0 |
| Высокие налоги | 57,1 | 39,2 | 48,0 |
| Недостаток денежных средств | 53,1 | 39,2 | 46,0 |
| Лень | 32,7 | 31,4 | 32,0 |
| Недостаток опытных и квалифицированных кадров | 30,6 | 29,4 | 30,0 |
| Бумажная волокита | 22,4 | 33,3 | 28,0 |
| Недостаток необходимой информации | 18,4 | 15,7 | 17,0 |
| Проблемы с поставками /подрядчиками | 10,2 | 19,6 | 15,0 |
| Страхи | 12,2 | 17,6 | 15,0 |
| Коррупция | 20,4 | 8,0 | 14,1 |



эмоциональности. Несмотря на значительный интерес молодежи к предпринимательству, с которым связано ее стремление к самостоятельности, трудовой автономности (желание работать на себя), стабильному доходу, сама социально-экономическая реальность российского общества не способствует реализации желаний и стремлений молодежи заняться предпринимательской деятельностью. С ней у молодежи ассоциируются страх перед неудачей, последствия банкротства, высокая юридическая ответственность¹².

Из данных табл. 8 видно, что субъективная оценка результатов предпринимательской деятельности различается в зависимости от пола. Женщины чаще удовлетворены тем, что получают независимость и возможность заниматься любимым делом (по 60,8%), также это возможность выделиться и проявить себя (41,2%). Мужчины больше удовлетворены высоким доходом и признанием со стороны общества (по 36,7%), а также результатами своего саморазвития (2,0%). Данные результаты соотносятся с мотивами предпринимательской деятельности. Таким образом, можно сказать, что и юноши, и девушки получают от бизнеса то, на что больше направлены их интересы.

В ходе анализа зависимости результатов предпринимательской деятельности от возраста респондентов (табл. 9) было выявлено, что чем старше респонденты, тем чаще они удовлетворены высоким доходом как результатом своего бизнеса. В возрастной группе от 18 до 22 лет

это 4,8% в сравнении с 48,0% в группе от 31 до 34 лет. Данная корреляция может быть обусловлена тем, что с возрастом увеличивается экспертность в определенной сфере, опыт в бизнесе, что в свою очередь влияет на уровень доходов. Поэтому повышение с возрастом предпринимателя удовлетворенности доходом, возможностью выделиться, признанием общества растет. С возрастом снижается доля молодых предпринимателей, считающих результатом своего бизнеса независимость, статусность и возможность заниматься любимым делом. Это может быть связано с утратой значимости этих мотиваторов предпринимательства. Влияние на данный показатель может оказывать тот социальный пласт, в котором изначально находятся молодые люди.

Что касается оценки предпринимателями успешности своего бизнеса (табл. 10), можно сказать, что молодежь в возрасте от 23 до 34 лет оценивает свое дело как скорее успешное, чем неуспешное. Чего нельзя сказать о предпринимателях в возрасте от 18 до 22 лет, которые оценивают свой бизнес скорее как неуспешный, чем успешный. Это связано с тем, что молодые люди, которые находятся в возрастной группе от 18 до 22, скорее всего только начали свое дело и не достигли в нем тех высот, о которых мечтали. С повышением возраста респонденты чаще отмечают, что их бизнес успешен.

Таким образом, можно утверждать, что специфика молодежного предпринимательства

Таблица 8
Влияние гендерной принадлежности на мнение о результатах предпринимательской деятельности, % по полу, по положительным ответам

| Результат предпринимательской деятельности | Пол | | По выборке |
|--|---------|---------|------------|
| | мужской | женский | |
| Возможность заниматься любимым делом | 55,1 | 60,8 | 58,0 |
| Независимость | 40,8 | 60,8 | 51,0 |
| Возможность выделиться и проявить себя | 32,7 | 41,2 | 37,0 |
| Признание со стороны общества | 36,7 | 23,5 | 30,0 |
| Высокий доход | 36,7 | 19,6 | 28,0 |
| Высокий социальный статус | 20,4 | 25,5 | 23,0 |
| Саморазвитие | 2,0 | – | 1,0 |

Таблица 9

Влияние возраста на результаты предпринимательской деятельности, % по возрасту

| Результаты предпринимательской деятельности | Возраст | | | | По выборке |
|---|---------|-------|-------|-------|------------|
| | 18–22 | 23–26 | 27–30 | 31–34 | |
| Возможность заниматься любимым делом | 66,7 | 64,3 | 53,8 | 48,0 | 58,0 |
| Независимость | 61,9 | 57,1 | 34,6 | 52,0 | 51,0 |
| Возможность выделиться и проявить себя | 23,8 | 39,3 | 57,7 | 24,0 | 37,0 |
| Признание со стороны общества | 19,0 | 32,1 | 46,2 | 20,0 | 30,0 |
| Высокий доход | 4,8 | 14,3 | 42,3 | 48,0 | 28,0 |
| Высокий социальный статус | 38,1 | 21,4 | 19,2 | 16,0 | 23,0 |
| Саморазвитие | – | – | – | 4,0 | 1,0 |



Таблица 10

Влияние возраста на оценку бизнеса, % по возрасту

| Самооценка уровня успешности бизнеса | Возраст | | | | По выборке |
|--------------------------------------|---------|-------|-------|-------|------------|
| | 18–22 | 23–26 | 27–30 | 31–34 | |
| Не успешен | 4,8 | 3,6 | – | 12,0% | 5,0% |
| Скорее не успешен, чем успешен | 47,6 | 17,9 | 30,8 | 24,0 | 29,0 |
| Скорее успешен, чем не успешен | 33,3 | 50,0 | 42,3 | 32,0 | 40,0 |
| Успешен | 9,5 | 17,9 | 26,9 | 28,0 | 21,0 |
| Затрудняюсь ответить | 4,8 | 10,7 | – | 4,0 | 5,0 |
| Итого | 100,0 | 100,0 | 100,0 | 100,0 | 100,0 |

в Саратове напрямую связана с социально-демографическими характеристиками. Так, промышленность, строительство и транспорт оказались преимущественно в мужском пространстве предпринимательской активности. Гендерная идентичность в значительной мере определяет мотивацию молодых предпринимателей. Девушкам чаще свойственно стремление заниматься любимым делом, независимость, юношам – повышение доходов, общественное признание.

На выбор поля предпринимательской деятельности значительное влияние оказывает возраст. Для старшей возрастной когорты свойственны сфера услуг и другие сферы, для младших – торговля. Мотивационное ядро определяется и общей направленностью личности, которая зависит от возраста. В возрастной группе от 18 до 22 лет среди мотивов превалирует стремление к независимости, в группе от 23 до 26 лет основным мотивирующим фактором выступает желание заниматься тем, что нравится, в возрастной группе от 27 до 34 лет – повышение доходов. Доверие к различным курсам и тренингам проявляют, как правило, представители более молодых когорт. С возрастом их популярность спадает. Представители старших категорий предпринимателей больше доверяют Интернету и своим знакомым. Чем старше предприниматель, тем чаще он прибегает к использованию банковского кредитования, так как более стабилен в жизни, у него больше возможностей для использования данной услуги и дальнейшего погашения кредита. Опыт молодых предпринимателей, который зависит от возраста, находит отражение в самооценке своего бизнеса. Чем старше индивид, тем более высока его позитивная оценка своего бизнеса.

Примечание

- 1 См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. С. 159–170.
- 2 См.: Общероссийская общественная организация мало-

го и среднего предпринимательства: [сайт]. URL: <http://opora.ru/about/> (дата обращения: 12.12.2019).

- 3 См.: Итоги ПМЭФ-2018. URL: <https://tass.ru/pmef-2018/articles/5239347> (дата обращения: 14.12.2019).
- 4 См.: Боднар Э. Л., Долгих Д. А. Молодежное предпринимательство: определение, трудности и перспективы развития. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37887/1/bodnar-dolgikh_ptpu2015.pdf (дата обращения: 14.06.2020).
- 5 См.: Иванов Г. Г., Орлов, С. Л., Баженков Ю. К. Молодежное предпринимательство: современные реалии и взгляд в будущее // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 54–58.
- 6 См.: Соколов В. В. Молодежное предпринимательство в системе приоритетов государственной молодежной политики: состояние и механизмы поддержки // Среднерусский вестник общественных наук. Серия: Политология. 2017. Т. 12, № 4. С. 48–55. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-48-55
- 7 См.: Милославский В. Г. Молодежное предпринимательство как фундамент развития среднего класса в России // Молодой ученый. 2016. № 8 (112). С. 594–597.
- 8 См.: Шумик Е. Г., Сарычева М. А., Суворова С. К. Молодежное предпринимательство ключевой фактор развития региона // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 212–215.
- 9 См.: Слепенкова Е. В., Киреева Н. С., Строганов И. А. Студенческие проекты как поддержка малого предпринимательства // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18, № 3. С. 399–404. DOI: 10.18334/ф.18.3.37307
- 10 См.: Чернышева Т. Л. Развитие предпринимательского мышления как миссия опорного университета // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18, № 21. С. 3097–3112. DOI: 10.18334/гр.18.21.38588
- 11 См.: О государственной молодежной политике: модельный закон. Принят на тридцать восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление от 23 ноября 2012 г. № 38-10). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=64509 (дата обращения: 14.06.2020).
- 12 См.: Грибанов Г. А. Молодежное предпринимательство в России // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 134–140.

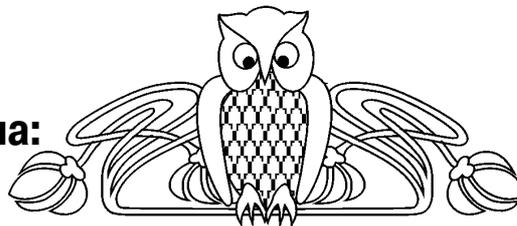
Поступила в редакцию 18.08.2020, после рецензирования 15.09.2020, принята к публикации 20.10.2020
Received 18.08.2020, revised 15.09.2020, accepted 20.10.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 55–63
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politics, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 55–63

Научная статья
УДК 316.334.52(470.67)
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-55-63>

Межнациональная коммуникация в городском пространстве Дагестана: состояние и тенденции



М. М. Шахбанова

Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Россия, 367030, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 75

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии, madina2405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Аннотация. Проблема межнационального взаимодействия приобретает особую значимость в полиэтничном социуме в силу ряда самых различных факторов, ибо межэтническая коммуникация является индикатором измерения состояния межнациональной сферы, потому что от ориентированности на поддержание межличностного контакта, ее характера и частотности зависят стабильность и позитивное развитие современного полинационального социума. Вопрос межнационального взаимодействия особенно актуален для городского пространства, в котором изначально сложилась мозаичная национальная и религиозная картина, характерная и для Дагестана. Эмпирические данные показывают наличие в массовом сознании городского населения Дагестана позитивного отношения к межнациональному взаимодействию, ориентацию на поддержание этноконтактов, хотя при этом четко очерчивают социальные сферы, в рамках которых горожане готовы вступать в межнациональный диалог. Кроме того, результаты исследования по шкале Богардуса констатируют существование в массовом сознании городского населения Дагестана позитивных установок в отношении представителей инонациональной принадлежности, готовность опрошенных принять их в самых различных социальных сферах, хотя имеются существенные отличия в отношении семейно-брачной сферы. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что уровень социально-экономического положения оказывает существенное влияние на характер межнациональной коммуникации: неудовлетворенность своим материальным положением может формировать межнациональную интолерантность, негативное отношение к более обеспеченной категории населения, что в конечном итоге способно дестабилизировать межэтническую ситуацию, особенно в полиэтничном и поликонфессиональном пространстве.

Ключевые слова: городское пространство, межнациональная коммуникация, межнациональная толерантность, социальная дистанция

Для цитирования: Шахбанова М. М. Межнациональная коммуникация в городском пространстве Дагестана: состояние и тенденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 55–63. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-55-63>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-55-63>

International communication in the city area of Daghestan: Conditions and tendencies

Madina M. Shahbanova, madina2405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the RAS, 75 Yaragskogo St., Makhachkala 367030, Russia

Abstract. The problem of international communication becomes important in multinational society because of the variety of different factors. The problem of international cooperation acquires special significance in polyethnic society due to various factors as this phenomenon indicates the state of international sphere measurement. Also, the stability and positive development of modern polyethnic society in the international spheres depends on the character of their stability and their communication frequency. The problem of international communication is an actual one for the city area due to its mosaic picture of nations and religions there. The empirical data reveal the positive attitude to multinational communication in the mass consciousness of the Daghestan city population. There is also an orientation to support ethnic contacts, though some social spheres are thoroughly defined for the multinational dialog activation in Daghestan. Moreover, the research results, according to Bogardus schedule, state that there are positive attitudes to other national groups in the mass consciousness among Daghestan city population. There is also readiness to accept the representatives of other national groups in different social spheres, though some differences are present in regard to marriage and family spheres. The empirical data point out that the level of socio-economic position influences the character of multinational communication: dissatisfaction of economic position can generate multinational intolerance and negative attitude to wealthy people.

Keywords: city area, multinational communication, multinational tolerance, social distances



For citation: Shahbanova M. M. International communication in the city area of Daghestan: Conditions and tendencies. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 55–63 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-55-63>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

При изучении любого социального явления, факта, процесса важным является используемая методология, на которую исследователь опирается, следовательно, и применяемые методы. Если обратиться к методологии исследования межнациональных взаимоотношений, то в ее рамках ключевыми были теория контакта и коммуникации. При этом процесс развития общества, его потребности, формирование межэтнической и межрелигиозной толерантности, межэтнического согласия и стабильности в полинациональном социуме требовал поиска механизма разрешения этноконфликтов между этническими группами и их противостояния.

Если обратиться к научным концепциям, то разработка теории контакта была осуществлена Г. Оллпортом в своем исследовании «Природа предрассудка». Впоследствии как самим Г. Оллпортом, так и его учениками была установлена существенность частотности и длительности контактов, а также количество поддерживающих личностный контакт. Также заслугой Г. Оллпорта и его последователей является обозначение такого индикатора, как статус социальной группы в социальной иерархии при формировании конкретного типа взаимоотношений. Если западные исследователи изучали понятие «контакт», его специфику, роль в социальной сфере, то в рамках российской этносоциологии огромное внимание уделялось теоретической вероятности межэтнических контактов именно на региональном уровне¹. В отечественной социологии в 1970–1980-е гг. особое внимание обращалось на статус взаимодействующих групп, поэтому, используя данные статистики и социологических исследований, выявлялись социальный состав и мобильность контактирующих групп в республиках. Такого рода исследования давали возможность проанализировать темпы роста квалифицированных групп, в прошлом отстававших в экономическом развитии народов, их развивающиеся социальные и политические запросы, что ярко проявилось в период перестройки. Новым в изучении межэтнических отношений в 1990-е и особенно в 2000-е гг. стало понимание статусных различий в их широком контексте, в том числе участие во власти, престиж профессий и положение в обществе, по М. Веберу².

Благодаря исследованию субъективных границ межнациональной коммуникации стало возможным установление механизма конструирования индивидом социокультурного пространства, причем ярко и интенсивно протекание данного процесса можно проследить в городской среде, которая чаще всего полиэтнична, соответственно, наполнена сложившимися в течение длительного времени правилами и стереотипами меж-

национального контактирования. Помимо этого, «субъективная реальность городского пространства образуется и упорядочивается субъектом посредством естественных установок, которые являются относительно стабильными социальными продуктами»³.

Прежде чем перейти к анализу межнационального взаимодействия и общения в городском пространстве Дагестана, частотности и характера этноконтактов, представляется необходимым изложить существующие в научной литературе концепции межличностного контактирования в городе. В ходе межличностного взаимодействия четко просвечивается граница «свой – чужой», поэтому «города принято называть местом, где встречаются незнакомцы, где они остаются вблизи друг друга и где они взаимодействуют друг с другом на протяжении долгого времени, не переставая при этом оставаться незнакомцами»⁴, более того, они – места «массовой индустрии незнакомцев».

Отечественные исследователи отмечают изначальную характерность социальным контактам толерантности, хотя недостаточность социальных связей способствует формированию социального одиночества и социальной пассивности, что проявляется через понижение социальной ответственности и активности местного сообщества. Если обратиться к теории З. Баумана, то «повсеместное присутствие незнакомцев в пределах видимости и досягаемости лишь увеличивает глубокую неопределенность всех жизненных устремлений горожан...»⁵.

По мнению Г. В. Лысенко, одним из средств налаживания межнациональной коммуникации и социальных контактов в городах выступают кондоминиумы, способствующие формированию общественных связей городских жителей, находящихся на одной ступени социального пространства, при этом обладающие довольно схожей системой ценностей и потребностей. Кроме того, в таком пространстве закономерно формирование безопасности и защищенности, а социальный контакт скорее обладает качеством солидарности, чем толерантностью. Вместе с тем «кондоминиумы с их огражденной территорией делят пространство города на “внутреннее” и “внешнее”. Кондоминиумы расчленяют городское пространство на сегменты, в одних социальные взаимодействия несут солидарный характер, с акторами других сегментов выстраиваются толерантные или конфликтные отношения. Таким образом, городское пространство не является открытым и равнодоступным для социальных взаимодействий»⁶.

По мнению исследователей, город и городское пространство при, во-первых, неизменном увеличении численности населения, во-вторых,



интеграции представителей различных этнических общностей, вероисповедания, профессии и деятельности, переселенцев из сельской местности в местное сообщество выступает основной формой существования социального, духовного, религиозного и т. д. разнообразия вследствие взаимовлияния, порой и соединения противоположных идей и культур. Поэтому городское пространство с высокой разнородностью рассматривается как место, по мнению Р. Флориды, «в которое люди различного происхождения могут с легкостью влиться..., проявляя высокую степень открытости»⁷. В рамках теории этнической стратификации Д. Ротшильд впервые предложил рассматривать этнические группы и государство как субъекты этнополитического конфликта, уделяя при этом серьезное внимание анализу как ресурсного потенциала сторон, так и возможностей политической мобилизации группы. По мнению Д. Ротшильда, успехи и активность этнополитических движений зависят от экономических, политических и идеологических ресурсов, которыми может оперировать группа. Кроме того, необходимо учитывать состав группы, ее социальные и культурные характеристики⁸.

Социологический опрос по изучению этнической идентичности городского населения Дагестана проведен методом случайного отбора в 2019 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт (N = 520).

Не вызывает сомнения, что только многонациональная среда не позволяет по объективным и субъективным причинам доминировать национальному фактору в современном дагестанском обществе, ибо имеются силы, способные ослабить проявление этнонационализма, а также стремление представителей одной этнической группы превалярироваться в той или иной социальной сфере. Кроме того, изначально сложившая полиэтничность, во-первых, самого региона, в данном кон-

тексте Дагестана, во-вторых, сама особенность городского пространства (многонациональность, поликонфессиональность и т. д.) и ряд других факторов закономерно требуют формирования позитивного межнационального диалога, способного сохранить стабильность в полиэтничном социуме. В рамках изучения этнической идентичности городского населения не менее важным является характеристика межнациональной сферы изнутри, т. е. оценка респондентов, которые, несмотря на субъективность суждений, знакомы с происходящими на территории их проживания этническими процессами (табл. 1).

Полученные результаты исследования показывают превалярирование в массовом сознании городского населения республики позиции, положительно оценивающей состояние межнациональной сферы на территории своего проживания. В плане этнической принадлежности данное суждение разделяют больше половины респондентов в даргинской, лезгинской и чеченской подгруппах, в остальных подмассивах их доля меньше (одна вторая часть), за исключением кумыков (каждый третий опрошенный). Если посмотреть результаты исследования по месту проживания респондентов, то ответы распределились следующим образом: положительно межнациональные взаимоотношения на территории своего проживания оценили 57,4% опрошенных в Дербенте, 50,7% в Хасавюрте, 49,7% в Махачкале и 49,2% в Каспийске. Второе ранговое место с существенным отрывом занимает суждение «положительно, в моем городе не происходят межнациональные столкновения» (одна треть по всему массиву). Данной позиции придерживается четверть опрошенного населения Хасавюрта, каждый третий из подгруппы дербентцев и махачкалинцев, половина каспийчан. Далее, 11,1% респондентов из Дербенту, 16,4% из Хасавюрту, 18,6% из Каспийску и 20,6% из Махачкале раз-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете межнациональную ситуацию в Вашем городе?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

| Национальности | Положительно, в моем городе благоприятные взаимоотношения между представителями разных народов | Положительно, в моем городе не происходят межнациональные столкновения | Отрицательно, в моем городе напряженные межнациональные отношения | Отрицательно, в моем городе нет открытых межнациональных конфликтов, но отношения между представителями разных народов плохие | В моем городе редко, но наблюдаются межнациональные столкновения, но мы их быстро регулируем |
|----------------|--|--|---|---|--|
| Аварцы | 48,1 | 31,9 | 5,2 | 8,1 | 28,9 |
| Даргинцы | 55,1 | 41,6 | 2,2 | 5,6 | 15,7 |
| Кумыки | 29,8 | 35,1 | 5,3 | 15,8 | 19,3 |
| Лезгины | 54,9 | 34,1 | 4,4 | 5,5 | 12,1 |
| Лакцы | 48,9 | 27,7 | 10,6 | 4,3 | 14,9 |
| Русские | 42,9 | 39,3 | 7,1 | 21,4 | 14,3 |
| Чеченцы | 54,5 | 27,3 | 18,2 | 0 | 9,1 |
| Другие | 64,4 | 25,4 | 1,7 | 10,2 | 16,9 |
| Всего | 50,6 | 33,5 | 5,0 | 8,5 | 18,8 |



деляют вариант ответа «в моем городе редко, но наблюдаются межнациональные столкновения, но мы их быстро регулируем». При этом суждение «отрицательно, в моем городе нет открытых межнациональных конфликтов, но отношения между представителями разных народов плохие» ближе 15,8% опрошенных кумыков и 21,4% русских. Если посмотреть по городам, то 11,6% лезгин, 21,2% кумыков и 31,6% русских, проживающих в Махачкале, 27,3% аварцев, 16,7% даргинцев, по 20,0% кумыков и лакцев, живущих в Каспийске, характеризуют состояние межнациональной сферы в этих населенных пунктах как негативное. По всему массиву опрошенных межнациональную сферу напряженной считает статистически небольшая доля респондентов, по национальной принадлежности выделяются чеченцы (одна пятая часть) и лакцы (каждый девятый опрошенный).

При изучении явления межнациональное общение, характера межэтнической коммуникации, предпочтительности того или иного этноса в ходе межличностного взаимодействия, частотности этноконтактов была использована теория контакта (авторы К. Эллисон, Д. Пауэрс, Н. Шелтон, Т. Петтигрю, Л. Тропп), согласно которой взаимодействие с представителями иноэтнической общности способствует смягчению имеющихся национальных предрассудков, этностереотипов, следовательно, и стабилизации межнационального климата в полиэтническом и поликонфессиональном социуме, гармонизации межэтнических отношений⁹.

В реальной жизни представители различных этнических общностей вступают в этноконтакты, обладая неравным статусом взаимодействия, что вынудило исследователей изучать условия, способные ослабить имеющиеся этнические стереотипы, предубеждения и предрассудки. По мнению Г. Оллпорта и его последователей, в качестве благоприятных условий выступают: 1) сотрудничество, а не конкуренция группы; 2) общие цели; 3) взаимодействие социума и властных институтов, направленное на поиск консолидирующего фактора. Т. Петтигрю, Г. Хадсон и М. Хьюстон выделили общественные и личные контакты, которые в научной среде обозначают как формальные или неформальные в зависимости от среды их поддержания и вступления – общественные места, личностная коммуникация, деловая сфера.

Если обратиться к сути теории контакта, то ее содержание заключается в том, что глубина и масштаб общения, его распространенность в неформальной среде являются индикаторами взаимоотношений (позитивных или негативных). Поэтому в этносоциологии измерение межнациональных установок проводится с применением социальной шкалы Богардуса, ибо она показывает существующие в массовом сознании людей установки на принятие человека

иной национальной принадлежности в разных социальных сферах. Если обратиться к результатам исследования по шкале Богардуса, то полученные на вопрос «Готовы ли Вы принять человека другой национальной принадлежности в качестве...?» эмпирические данные показывают, что больше половины опрошенных по всем позициям принимают представителей инонациональной общности в самых различных социальных сферах. Более того, результаты свидетельствуют, что заметно больше процентное соотношение ориентированных принять человека другой этнической принадлежности по позициям «житель республики» (78,1%) и «сосед по дому, квартире» (71,0%). Вместе с тем обращает на себя внимание, что в подгруппе чеченцев одна пятая часть демонстрирует социальную дистанцированность по позициям «житель республики» и «сосед по дому, квартире» (каждый четвертый опрошенный). Аналогично респондентам-чеченцам второе суждение разделяет каждый девятый из подмассива аварцев, русских и кумыков. Далее, по сравнению с другими подгруппами, интолерантность демонстрируют 10,5% опрошенных кумыков и 18,5% чеченцев в отношении принятия человека иноэтнической общности в качестве коллеги по работе. Неприятие в массовом сознании респондентов прослеживается также и в деловой сфере: если по всему массиву опрошенных больше половины позитивно настроены к работе под руководством представителя другой национальной принадлежности (66,0%), то, если конкретно по этническим подгруппам, чеченцы (27,3%), кумыки (17,5%), аварцы (14,8%) и лакцы (12,8%) придерживаются противоположной позиции. Кроме того, можно отметить, что респонденты демонстрируют негативное отношение к совместной партнерской деятельности.

Одной из самых сложных сфер взаимодействия этносов являются межэтнические браки – результаты исследования показывают, что, по сравнению с другими социальными сферами, наименьшую толерантность опрошенное городское население демонстрирует в отношении семейно-брачной. По национальной принадлежности негативно к смешанному браку своих детей относятся 40,0% аварцев и 45,5% чеченцев, треть даргинцев, в остальных подгруппах доля таковых существенно меньше. Отрицательное отношение к возможности своего вступления в межэтнический брак демонстрируют 40,7% аварцев, 45,5% чеченцев и 29,2% даргинцев. По сравнению с другими этническими группами, в большей степени толерантность по отношению к межнациональному браку своих детей демонстрируют кумыки (64,9%) и русские (71,4%): только одна шестая часть первых и каждый седьмой во второй подгруппе не готовы к смешанному браку. Таким образом, полученные данные показывают, что в целом массовому сознанию горожан характерно позитивное восприятие



представителя инонациональной принадлежности в различных социальных сферах, но при этом показатели заметно снижаются в семейно-брачной сфере, и здесь проявляется консерватизм, ориентация на самоизоляцию, которая имеет свои основания – возможно желание сохранить этнокультурную специфику своей национальной общности.

Наряду с благоприятными факторами исследователи выделяют и неблагоприятные, препятствующие формированию позитивного межнационального климата, в частности, «несоответствие статусных ожиданий, отсутствие реализации человеком его возможностей независимо от этнической, расовой, религиозной принадлежности (социальные лифты)»¹⁰. Среди зарубежных исследователей следует отметить М. Рокича, который довольно подробно анализировал аттракции, т. е. предрассудки, формирующиеся на основе имеющихся различий. Разумеется, процесс межнационального контактирования протекает легче при этнокультурной и конфессиональной близости взаимодействующих групп. Однако следует иметь в виду, что культурное и религиозное сходство еще не является условием и базой для формирования позитивного межнационального взаимодействия, более того, различия не всегда являются преградой для позитивного межэтнического диалога. Подтверждают данный вывод авторские социологические опросы, проведенные в различные периоды. Так, на вопрос **«Если бы Вам было суждено жить вдали от своего народа, то с каким народом Вы предпочли бы жить, кроме своего?»** опрошенные дагестанские народы предпочтения отдают русскому народу, который кардинально отличается от них по этнокультуре и вероисповеданию. Иными словами, можно утверждать, что эти данные являются наглядной констатацией имеющегося в этносоциологии положения о существовании «единства в различиях». Кроме того, при исследовании межнациональной сферы необходимо учесть понятие «эмпатии», которое предстает в виде позитивной связи субъекта с избранным для нее объектом, как условие, форма и способ существования человека и человечества. В сфере межличностных и межгрупповых отношений специфика такого движения сознания состоит в том, что «субъект произвольно или непроизвольно повторяет, возбуждает и воспроизводит в себе переживания других людей, тех, с кем он находится в прямом или косвенном контакте. В своих высших проявлениях эмпатия обнаруживает себя как *переживание переживаний другого человека*, когда в итоге достигается не только та или иная степень или глубина понимания субъектом состояний и действий объекта, но и определенное согласие с его мотивами, с внутренним оправданием таких состояний и действий»¹¹. Она поддерживает необходимое для этого сочувствие предназна-

нию и внутренней цели той реальности, которая доступна сознанию субъекта: сочувствие другим людям, самому себе, обществу и т. д.

Несомненно, этническая эмпатия обладает разными культурными формами своего проявления, хотя и остается присущим от природы человеку качеством. Она может возникнуть невольно и внезапно для самого актора, например, как выражение сострадания противнику, ибо «у человека есть инстинкт сочувствия»¹². Если эмпатические переживания блокируются или искажаются, то становится невозможным их адекватное подключение к Я-концепции и самосознанию субъекта, что ведет к дезадаптации, несоответствию между воображаемым и реальным бытием личности или социума. К примеру, когда в образе «Я» сильно акцентирована ценность любви, благодарности, уважения, заботы о других, но ситуация такова, что не располагает к таким чувствам и отношениям, возникает внутренний конфликт между идеальным и наличным бытием¹³. Чтобы преодолеть его, не теряя чувства самоуважения, люди каким-то образом оправдывают свои негативные реакции – например, страдания, которые они испытывают от действий представителей другой национальной принадлежности в отношении собственной этнической группы. А это способствует формированию преувеличенного, не соответствующего реальности чувства жалости и сострадания к самому себе, что позволяет демонстрировать в отношении иных людей агрессивное поведение, негативные эмоции при одновременной убежденности в отсутствии вины за собственной персоной. При этом важным является состояние внутриэтнической толерантности, на которую заметное влияние оказывает внутриэтническая эмпатия, что позволяет поддерживать в социуме необходимый уровень межнационального и межрелигиозного согласия и понимания. Исследователи придерживаются позиции, что эмпатичные люди, как правило, толерантны, поэтому им в меньшей степени, по сравнению с неэмпатичными людьми, характерно обвинять окружающих, настаивая на жестком наказании. Таким образом, можно утверждать, что толерантное сознание и поведение являются частью эмпатического сознания и поведения.

Рассматривая социально-психологическую теорию контактов, также следует обратить внимание на коммуникативную концепцию К. Дойча, по мнению которого единые ценности уравнивают национальную односторонность, рост объемов и многообразия контактов, обмен между группами, повышают консолидацию на межэтническом и межкультурном уровне. Г. Теджфел и Дж. Тернер выдвигали идеи об аутгрупповом негативизме, суть которого заключается в объединении сообществ на почве «общей нелюбови к своим соседям».

Т. Петтигрю и Л. Тропп на основе обобщения исследований переменных, объясняющих



этностереотипы, предрассудки и предрассудки в разных странах, этнокультурных и политических контекстах, которые могут препятствовать формированию позитивного межнационального диалога и межличностной коммуникации, выделили: а) переменные социального контекста (например, величина населенного пункта, численность населения, процент мигрантов, уровень образования населения, уровень безработицы); б) показатели, характеризующие социально-демографические, социальные позиции контактирующих групп; в) политические переменные (например, авторитаризм или ориентация на доминирование); г) персональные переменные; д) переменные, связанные с идентичностью; е) показатели, описывающие субъективно воспринимаемую угрозу; ж) переменные, связанные с персональным опытом¹⁴.

Можно сказать, проявлением определенно-го скепсиса в отношении теории Т. Петтигрю и Л. Тропп является позиция Л. М. Дробижевой: «...в последнее время придают значение неформальным контактам в спорте, общественных объединениях, волонтерских организациях. Опыт проведения сравнительных исследований в разных странах убеждал в возможности неодинаковой значимости тех или иных показателей в разных культурах. Обо всем этом важно сказать для понимания того, что нельзя на основе одного-двух показателей, пусть и важных, судить о состоянии межэтнических отношений, и тем более не эффективно их оценивать без анализа совокупности факторов, влияющих на эти показатели»¹⁵.

Если вернуться к нашему исследованию, то в его рамках важным является выявление ориентированности опрошенного городского населения Дагестана на поддержание или игнорирование межнациональной коммуникации, ибо ее интенсивность и плотность определяют состояние межнациональной сферы (табл. 2).

Полученные результаты исследования показывают доминирование в массовом сознании

опрошенных позиции, констатирующей наличие интенсивных этноконтактов в городской среде Дагестана. По национальному признаку выделяются даргинцы, кумыки, лезгины, русские и чеченцы при меньшей доле в подгруппе аварцев и лакцев. По социально-демографическим параметрам интенсивное межнациональное общение поддерживают респонденты с разным образовательным статусом, хотя можно отметить его рост с повышением образовательного уровня с 78,3% имеющих среднее образование до 87,9% с высшим образованием; картина по возрастному признаку выглядит следующим образом: 89,0% «до 20 лет», 83,1% «от 20 до 30 лет», 75,1% «от 30 до 40 лет», 80,3% «от 40 до 50 лет», 87,0% «от 50 до 60 лет» и 66,7% «от 60 лет и выше». Таким образом, наиболее коммуникативным представляется молодое поколение «до 20 лет», что и вполне оправданно – вначале многонациональная школа, в стенах которой они находятся, в последующем средние специальные и высшие учебные заведения, в которых обучаются студенты разной этнической, религиозной, гендерной, возрастной принадлежности. Кроме того, следует отметить активность молодежи в социальных сетях, что также интенсифицирует межличностный контакт. С большим отрывом вторую позицию занимает вариант ответа «контактирую редко» (каждый одиннадцатый опрошенный по всему массиву; по этнической принадлежности доля таковых, в сравнении с иными подгруппами, больше среди чеченцев (каждый пятый опрошенный), аварцев и лезгин (одна восьмая часть)). По сравнению с другими возрастными подгруппами, больше избегающих межнационального общения в трех подмассивах: «от 30 до 40 лет» (10,4%), «от 40 до 50 лет» (10,5%) и «от 60 лет и выше» (15,4%). По образовательному признаку выделяются респонденты, имеющие среднее специальное образование (16,5%) при почти одинаковой их доле в подгруппах со средним (7,0%) и высшим образованием (7,7%). Практически не вступают в межнациональную коммуникацию

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы контактируете с представителями других народов?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

| Национальности | Контактирую постоянно | Совсем не контактирую | Контактирую редко | Контактирую только в случае крайней необходимости |
|----------------|-----------------------|-----------------------|-------------------|---|
| Аварцы | 71,9 | 6,7 | 12,6 | 6,7 |
| Даргинцы | 82,0 | 1,1 | 9,0 | 6,7 |
| Кумыки | 84,2 | 1,8 | 8,8 | 1,8 |
| Лезгины | 81,3 | 3,3 | 13,2 | 1,1 |
| Лакцы | 78,7 | 6,4 | 4,3 | 0 |
| Русские | 89,3 | 7,1 | 0 | 0 |
| Чеченцы | 81,8 | 0 | 18,2 | 0 |
| Другие | 91,5 | 0 | 5,1 | 1,7 |
| Всего | 80,8 | 3,7 | 9,4 | 3,5 |



или же поддерживают ее только в «случае крайней необходимости» статистически небольшая часть опрошенных, хотя и в первом, и во втором случаях выделяются подмассивы аварцев (каждый пятнадцатый) и русских (каждый четырнадцатый). Совсем не вступают в межэтнический контакт респонденты со средним специальным образованием (8,7%), а также возрастная когорта «от 30 до 40 лет» (6,1%).

Существование тесных и плотных этноконтактов является основой формирования позитивного межнационального диалога, межэтнической и межрелигиозной толерантности. А это, в свою очередь, способствует, во-первых, мирному разрешению межнациональных конфликтов, во-вторых, урегулированию возникающих противоречий между дагестанскими народами. В данном процессе, разумеется, очень важна роль межнациональной коммуникации, причем ее позитивность является существенной для сохранения стабильности в многонациональном социуме. Следовательно, установление частотности этноконтактов предполагает выявление характера, эмоционального компонента межнациональной коммуникации (табл. 3).

Полученные результаты исследования показывают доминирование с большим отрывом позитивной оценки респондентами межличностного взаимодействия, причем превалируют подгруппы русских и чеченцев. При этом с повышением образовательного уровня увеличивается доля вступающих в межнациональное общение с позитивным настроем: 74,4 % со средним, 63,5% средним специальным и 80,1% с высшим образованием. Эмпирические данные по возрасту распределились следующим образом: 87,0% «до 20 лет», 78,5% «от 20 до 30 лет», 64,3% «от 30 до 40 лет», 75,0% «от 40 до 50 лет», 72,2% «от 50 до 60 лет», 71,8% «от 60 лет и выше». По городам республики на положительные эмоции от межличностного взаимодействия указывают 77,9% жителей Махачкалы, 77,8% Дербента, 68,7% Хасавюрта и 61,0% Каспийска.

С существенным отрывом второе ранговое место занимает обозначенная опрошенными ориентация на поддержание межнационального контакта только «в случае необходимости» (одна седьмая часть по всему массиву), и меньше всего отметивших данное суждение, в сравнении с другими подгруппами, в подмассиве лакцев и чеченцев. Доля таковых больше в возрастной когорте «от 30 до 40 лет» (19,1%) и «от 50 до 60 лет» (20,4%), а также в подгруппе имеющих среднее специальное образование (18,3%). Контактируют в случае необходимости 20,9% хасавюртовцев, 14,8% дербентцев, 12,4% махачкалинцев и 11,9% каспийчан.

Доля ориентированных на избегание этноконтактов статистически небольшая, и по национальной принадлежности выделяются лакцы (одна двенадцатая часть) и кумыки (каждый четырнадцатый). При выборе этого варианта ответа по городам можно заметить отличия: так, если данной позиции придерживаются 1,9% жителей Дербента, 3,5% Махачкалы, 6,0% Хасавюрта, то таковых заметно больше в подмассиве каспийчан (13,6%). По сравнению с другими подмассивами, в подгруппе лакцев и аварцев больше доля испытывающих дискомфорт в процессе межличностного взаимодействия. Здесь также выделяются жители Каспийска (6,8 %), почти в три раза меньше махачкалинцев, в то время как хасавюртовцы и дербентцы вообще не отметили этот вариант ответа.

В рамках данного исследования не менее существенным является роль социально-экономического компонента в сохранении позитивного межнационального взаимодействия. Так, полученные на вопрос «**Как Вы можете охарактеризовать свое и своей семьи материальное положение?**» результаты показывают превалирование в массовом сознании опрошенных позиции «денег в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает» (34,9%); по образовательному статусу больше разделяющих данное суждение в подгруппе име-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы описали бы характер этих контактов?» (по группам национальностей), % от общего количества опрошенных

| Национальности | Контактирую с удовольствием | Контактирую в случае необходимости | Стараюсь избежать таких контактов | При общении испытываю напряжение, дискомфорт |
|----------------|-----------------------------|------------------------------------|-----------------------------------|--|
| Аварцы | 70,4 | 14,8 | 6,7 | 3,0 |
| Даргинцы | 75,3 | 15,7 | 4,5 | 1,1 |
| Кумыки | 77,2 | 10,5 | 7,0 | 1,8 |
| Лезгины | 75,8 | 16,5 | 2,2 | 2,2 |
| Лакцы | 70,2 | 4,3 | 8,5 | 4,3 |
| Русские | 82,1 | 14,3 | 3,6 | 0 |
| Чеченцы | 90,9 | 9,1 | 0 | 0 |
| Другие | 78,0 | 13,6 | 1,7 | 1,7 |
| Всего | 74,8 | 13,7 | 4,8 | 2,1 |



ющих высшее образование (40,1%) и одна треть в подмассиве имеющих среднее и среднее специальное образование. С заметным отрывом от предыдущего суждения располагается противоположная позиция, констатирующая довольно бедственное положение респондентов – «живем от зарплаты до зарплаты, денег с трудом хватает на питание» (20,7%); в разрезе образования данной позиции придерживается одна четвертая часть со средним специальным, каждый пятый с высшим и одна шестая часть со средним образованием. Вариант ответа «на ежедневные расходы денег хватает, но покупка одежды вызывает трудности» разделяют 20,2% с высоким образовательным статусом, в остальных подгруппах доля таковых заметно меньше: 12,4% со средним и 14,8% со средним специальным образованием. Респонденты со средним специальным (12,2%) и высшим образованием (10,7%), с небольшой разницей, подчеркивают свои возможности приобретать товары длительного пользования, а среди имеющих среднее образование больше доля отметивших невозможность покупки транспортного средства (20,2%). Определенный скепсис вызывает позиция «ни в чем себе не отказываем», отмеченная респондентами с относительно невысоким уровнем образования (17,1%), в то время как доля таковых существенно меньше в подмассиве с высшим образованием (6,6%). Однако следует отметить, что работники частных структур зарабатывают существенно больше по сравнению с категорией населения, занятого на государственной работе.

Полученные на вопрос «Какие проблемы мешают повышению Вашей социально-экономической активности?» эмпирические данные показывают, что хотя в вопросе «Как Вы можете охарактеризовать свое и своей семьи материальное положение?» доминировало суждение «денег в основном достаточно, но на покупку дорогих вещей сбережений не хватает», иную картину: по мнению большей части респондентов, превалирует позиция «низкая оплата труда» (51,7%), которая является для них барьером при реализации своих целей. Обращает на себя внимание, что придерживающихся данной позиции существенно больше в подмассиве имеющих высокий образовательный статус (57,7%), в женской подгруппе (56,5%) и возрастном разрезе «от 30 до 40 лет» (59,1%) и «от 60 лет и выше» (61,5%). Половина респондентов подчеркивают суждение «низкий уровень дохода», и здесь выделяются подгруппы со средним специальным образованием и возрастной подмассив «от 60 лет и выше». Каждый четвертый опрошенный по всему массиву считает, что отсутствие развитой производительной и непроизводительной инфраструктуры является одним из препятствий на пути самореализации человека. С небольшой разницей респонденты указывают на низкий уровень и качество жизни – данный фактор зани-

мает четвертое ранговое место (22,1%). Вариант ответа «тяжелые условия труда на производстве» отмечен большей частью опрошенного мужского населения (8,1%) по сравнению с женщинами (3,8%) и имеющими среднее специальное образование (7,8%).

В ходе анализа полученной социологической информации внимание было уделено такому фактору, как «неэффективность социальных гарантий» – автор придерживался позиции, что данная причина может быть определена респондентами как ключевая, не позволяющая в полной мере самореализоваться. Однако эмпирические данные авторскую гипотезу не подтверждают, но относительно небольшие на фоне остальных результаты исследования (15,8%) показывают осознание респондентами несоблюдения гарантированных им государством социальных прав – на труд, получение качественного образования и медицинской помощи и т. д., а это является базой для проявления негативных тенденций и роста социального протеста в современном дагестанском обществе.

Разумеется, существующее различие по получаемым доходам обуславливает отсутствие у населения доступа к материальным благам, получению качественных услуг в сфере образования и здравоохранения. Более того, декларирование на государственном уровне существующих проблем в социальном обеспечении, признание страты, проживающей за чертой бедности, свидетельствуют об актуальности, следовательно, и значимости данной проблемы. Неоднократно обозначенное социальное расслоение российского общества является одним из деструктивных факторов в процессе формирования межнационального согласия и сохранения стабильности, а также констатирует снижение разных форм доверия (обобщенного, институционального и межличностного), что в конечном итоге приводит к повышению социальной отчужденности. А такая ситуация вполне способна, хотя и косвенно, отразиться на состоянии этнической идентичности, усилить ее деструктивные типы, что при неблагоприятной ситуации вполне может спровоцировать межнациональное противостояние и конфликт.

Снижение экономического неравенства населения является очень сложным процессом, его преодоление возможно только при существенном экономическом росте, достичь которого очень сложно, принимая во внимание проводимую в Российском государстве экономическую политику. Несмотря на заверения федеральной власти о снижении порога бедности, повышении уровня жизни и т. д., реальная картина выглядит довольно мрачной – безработица, особенно в молодежной среде, коррупция, низкий уровень жизни, некачественные медицина и образование, рост услуг ЖКХ, порой не очень качественных, и множество не менее значимых вопросов спо-



существуют социальной поляризации и, соответственно, росту социальной напряженности.

Таким образом, результаты исследования показывают доминирование в массовом сознании городского населения Дагестана позитивной оценки состояния межнациональной ситуации на территории своего проживания. Существование такой характеристики в установках горожан закономерно способствует формированию этнической эмпатии и толерантности в их общественном сознании и поведении, что является основой для позитивного настроя и ориентации на поддержание межличностного общения. Далее, опрошенные городские жители республики демонстрируют высокую интенсивность этноконтактов, причем превалирует позитивная оценка межличностной коммуникации, хотя статистически небольшая доля респондентов испытывает отрицательные эмоции и дискомфорт от вступления в межнациональный диалог. Более того, полученные данные являются основанием для утверждения, что современные города Дагестана демонстрируют высокий уровень межнациональной и межрелигиозной толерантности при плотной межличностной коммуникации, а это является одним из ключевых факторов сохранения стабильности и согласия в республике.

Изучение характера межнациональной коммуникации показывает, что межличностное контактирование в городской среде может иметь различный характер, в частности, солидарное, толерантное или конфликтное. При этом ровное развитие социального пространства города возможно только при наличии совершенствования взаимодействия во всех социальных сферах, и в этом направлении ключевую роль должны выполнить местные органы власти, образовательные учреждения, институт семьи и т. д., в частности, выделение финансов на реализацию необходимых для нормального функционирования города программ, воспитание в массовом сознании принципов толерантности, повышение качества образования, регулярное знакомство с инациональной этнокультурой и проч. Кроме того, опрошенным городским жителям характерна интенсивная межличностная коммуникация при одновременно ее позитивной оценке. Доля испытывающих дискомфорт от этноконтактов статистически небольшая, что является основанием для утверждения о

существовании в городском пространстве республики высокого уровня толерантности.

Примечания

- ¹ См.: Социально-культурный облик советских наций : По результатам этносоциологического исследования / отв. ред. : Ю. В. Арутюнян, Ю. В. Бромлей. М. : Наука, 1986.
- ² См.: Дробижеева Л. М. Межэтнические отношения на российском пространстве в 2000-е годы : основные тренды в методологии изучения и социальной практике // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 16. М. : Новый хронограф, 2018. С. 120–145.
- ³ Федосова Е. В. «Обычный» горожанин : конституирование этнической идентичности на примере г. Владикавказ (идеологический проект «советский человек») // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-24-2015> (дата обращения: 07.01.2019).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3 (66). С. 24.
- ⁶ Лысенко Г. В. Социальные взаимодействия в пространстве современного города // Социология города. 2011. № 2. С. 49.
- ⁷ Цит. по: Мирошникова О. В., Щекин Г. Ю., Рева И. Е. Толерантность в социальном пространстве города // Социология города. 2011. № 4. С. 29.
- ⁸ См.: Тема 5. Этнические и межнациональные конфликты // Персональный сайт Николая Баранова. URL: <http://nicbar.ru/politology/study/57-kurs-mezhdunarodnye-konflikty-v-xxi-veke/592-tema-5-etnicheskije-i-mezhnatsionalnye-konflikty> (дата обращения: 10.01.2019).
- ⁹ См.: Варшавер Е. А. Теория контакта : обзор // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183–214.
- ¹⁰ Дробижеева Л. М. Указ. соч. С. 127.
- ¹¹ Бгажноков Б. Х. Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 57.
- ¹² Юнг К. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. С. 113.
- ¹³ См.: Шибутани Т. Социальная психология. М. : Просвещение, 1969.
- ¹⁴ См.: Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л. М. Дробижеева. М. : Институт социологии РАН, 2016.
- ¹⁵ Дробижеева Л. М. Указ. соч. С. 129.

Поступила в редакцию 03.02.2020, после рецензирования 15.05.2020, принята к публикации 15.09.2020
 Received 03.02.2020, revised 15.05.2020, accepted 15.09.2020



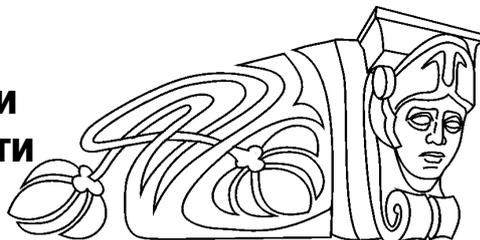
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 64–71
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 64–71

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71>

Дети и родители в информационном пространстве: взаимодействие, риски и стратегии обеспечения безопасности



А. Л. Янак

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, Н. Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Янак Алина Леонидовна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы, alinayanak91@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6823-7125>

Аннотация. Презентуются результаты авторского исследования, проведенного методами фокус-группы (с родителями детей-пользователей гаджетов с выходом в Интернет ($n = 6$)) и анкетных опросов (подростков ($n = 303$) и родителей ($n = 326$)) по поводу медиапотребления), анализ нормативных правовых документов в сфере обеспечения информационной безопасности. Целью проведенных исследований стало выявление основных и новых трендов, рисков в опосредованном информационными технологиями развитии современных детско-родительских отношений. Рассматриваются такие угрозы, способные нарушить интеракции «родитель – ребенок» и «ребенок – родитель», как гаджет- и интернет-зависимость, конфликты, альтернативные формы взаимодействия, снижение родительского контроля и авторитета, опасный контент и последствия его потребления. Задачами являются определение основных сфер и проблем взаимодействия родителей и детей с продуктами IT-технологий, зон и последствий медиавлияния на состояние детско-родительских отношений, классификация стратегий обеспечения безопасности детей в сети Интернет. В итоге типологизированы и представлены актуальные виды стратегий профилактики и борьбы с онлайн-угрозами, имеющие высокую научную и практическую значимость: внешние (институциональные) и внутренние (внутрисемейные или внутриличностные), ограничивающие, обучающие и замещающие.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, гаджеты, Интернет, медиапотребление, информационные риски, стратегии обеспечения информационной безопасности

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-311-00348 «Трансформация детско-родительских отношений в эпоху информатизации общества»).

Для цитирования: Янак А. Л. Дети и родители в информационном пространстве: взаимодействие, риски и стратегии обеспечения безопасности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 64–71. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71>

Children and parents in the information space: Interaction, risks and safety strategies

Alina L. Yanak, alinayanak91@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6823-7125>

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the author's research: focus groups with parents of children gadget users with access to the Internet ($n = 6$), the questionnaire survey among adolescents ($n = 303$) and parents ($n = 326$) about media consumption, and information security legislation. The new trends and risks in the development of modern child-parent relationships: gadget and Internet addiction, conflicts, decreasing parental control and authority, alternative interaction forms, dangerous content and the consequences of its consumption were identified. The research objectives are to identify the main areas and problems of interaction between parents and children with IT-technology products, zones and consequences of media influence on the parent-child relations and classification of strategies for the Internet safety of children. As a result, the main types of strategies for prevention and liquidation online risks: external (institutional) and internal (intrafamily, intrapersonal), restricting, training and replacing are typologized and presented.

Keywords: child-parent relationships, gadgets, Internet, media consumption, information risks, information security strategies

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-311-00348 "Transformation of parent-child relations in the era of informatization of society").



For citation: Yanak A. L. Children and parents in the information space: Interaction, risks and safety strategies. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 64–71 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Детско-родительские отношения являются основополагающим ядром семьи. Их содержание, качество и вертикаль существенно трансформируются под воздействием тенденций, свойственных информационному обществу. Несмотря на актуальность и наличие исследований по проблеме, влияние развития ИКТ, изобилия и доступности гаджетов и информации на современное детство, процесс социализации и детско-родительские, межпоколенные отношения пока остается малоизученным. Учитывая высокую динамику информатизации, исследования многих аспектов и специфики медиапользования (качество контента, частота, регулярность, расширение каналов потребления) требуют постоянной детализации.

С. И. Голод выделяет три модели семьи: патриархальная (традиционная), детоцентристская (современная) и супружеская (постсовременная)¹. Отмечается, что возникновение и развитие одной модели не влечет за собой отмирание другой/других, точно или в смешанном виде каждая из них присутствует в сегодняшней российской действительности. Детоцентристская семья основана на высокой ценности детей (нуклеарность, малодетность, нарушение горизонтальных связей ввиду ограничения или отсутствия сиблинговой подсистемы, откладывание родительства, эгалитарная вовлеченность родителей в заботу о детях), супружеская – на супружеско-партнерских отношениях и интимной жизни (конвертация ценностей в пользу самореализации, индивидуализации, свободы выбора и «чистоты» отношений, подход к родственному и семейному доверию как к объекту переговоров² и параметризации). Согласно У. Беку, именно обществу риска свойственно рождение «договорной семьи»³. В контексте потребления и многообразия рисков российская семья сегодня представляет собой симбиоз детоцентристского и супружеского типов. Особое значение в ней приобретают безопасность и копинг-стратегии, их каналы и формы. Доверие в детско-родительских отношениях призвано стать ключевым компонентом баланса взаимодействия детей с цифровым пространством.

Среди новейших угроз развитию детско-родительских отношений можно выделить:

- гаджет- и интернет-аддикция родителей/детей;
- нарушение вертикали (инфантилизация родителей и парентизация детей), психоэмоционального климата внутрисемейного взаимодействия и межпоколенной интеракции (самоэксклюзия);
- трансформация системы воспитательных практик, в том числе санкций;

- новое конфликтное поле между (пра)родителями и детьми;

- снижение или изменение родительского контроля, авторитета традиционных социализационных субъектов и институтов (родителей, прародителей, учителей);

- негативный информационный фон.

Большинство респондентов авторского опроса (71,2% родителей и 71,6% подростков) уверены в распространении новой социальной болезни – зависимости от Интернета. Гаджет- и интернет-зависимости квалифицируются как поведенческая аддикция, детерминированная влечением к взаимодействию с Сетью и/или электронными устройствами, обеспечивающими выход в нее. Подобное пристрастие может носить как периодический, так и постоянный, как отчетливый, так и неосознанный характер, быть непреодолимым, но снижаться в процессе непрерывной стимуляции или длительного отсутствия сетевой активности⁴.

Результаты исследования показывают, что 69,0% детей и 53,3% взрослых не упускают возможности воспользоваться гаджетом с выходом в Интернет для развлечения, чтобы скоротать время в очередях, поездках или в свободные вечера. В пользу такого досуга 31,7% детей и 23,3% родителей периодически игнорируют домашние обязанности, подготовку к урокам.

Наблюдаются различия в выявлении взрослыми и детьми рассматриваемой аддикции в собственном окружении (38,6% родителей против 18,4% детей). Разницу в оценках можно объяснить более низким (формирующимся) уровнем субъектности детей и их большей склонностью к зависимости. Часто или иногда испытывают беспокойство при отсутствии возможности проверить страницу в социальной сети 57,9% опрошенных детей, у взрослых этот показатель составляет 42,9%. Более того, 40,9% подростков и 30,7% родителей отметили, что порой окружающие жалуются на их длительное времяпрепровождение в телефоне или компьютере.

Тревожно, что виртуальная реальность становится для детей заменителем доверительного общения с родителями – 46,2% подростков отметили, что у них есть проблемы, которые им легче обсудить в Интернете, нежели с родителями. Многие рассматривают времяпрепровождение в Сети как средство абстрагирования или терапии стрессов после ссор, неприятных разговоров (11,9% – всегда, 20,5% – часто, 30,4% – иногда, 19,1% – редко). По данным исследования С. Н. Майоровой-Щегловой, уровень доверия является ключевым критерием оценки качества детско-родительского взаимодействия.



Низкая степень доверительности характеризует конфликтный и деструктивный стили отношений⁵, в анамнезе которых – снижение морально- и социального авторитета взрослых.

Дети наиболее уязвимы перед лицом различных рисков медиапотребления (клиповое мышление, формирование ошибочной/проблемной идентичности, кибербуллинг, суицидальные группы, СДВГ) как культуры восприятия и использования продуктов IT-технологий. В Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» закреплены основные виды опасного для младшего поколения контента. По данным опроса, взрослые и дети сталкиваются в Сети с негативными материалами, зафиксированными в Законе (табл. 1).

Очевидно, дети встречаются с опасным контентом чаще, чем взрослые. Во-первых, подростки особенно восприимчивы к агрессивному медиаконтенту, свободно циркулирующему в Интернете. Дети быстрее осваивают цифровые технологии, их внимание невольно притягивает яркая, «нестандартная» информация, они не всегда способны к ее самостоятельной фильтрации, адекватной оценке, искаженной любопыт-

ством, азартом, стремлением быть «своим» в среде «осведомленных» сверстников. Плюс просмотр материалов, содержащих сцены насилия, жестокости, курения, распития спиртных напитков, эротики приобретает кумулятивный эффект (снижается выраженность эмоции отвращения)⁶.

Во-вторых, дети в целом более активны в Сети, чем родители (рис. 1), поэтому удельный вес потребляемой ими информации выше.

Современные дети рано приобщаются к цифровым благам, чему способствуют родители: 25,2% разрешили своим детям играть с гаджетами до достижения ими возраста 3 лет, еще 30,7% – в 3–5 лет.

В-третьих, расширяются способы распространения информационного шума в форме всплывающей, контекстной рекламы, репостов, фейков, спама и девиантной коммуникации, типа флуд, троллинг, секстинг⁷.

Гаджеты и Интернет сегодня квалифицируются как дополнительные субъекты воспитания: помощники (позитивные практики) или помехи (зоны конфликта). По материалам фокус-группы выявлены сферы их участия⁸.

✓Способ занять ребенка: 77,9% родителей прибегают к Интернету, чтобы отвлечь ребенка,

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Сталкивались ли Вы с... в Интернете?», %

| Виды вредоносного контента | Сталкиваются часто или периодически | | Никогда не сталкивались | | Затруднились ответить | |
|---|-------------------------------------|----------|-------------------------|----------|-----------------------|----------|
| | дети | родители | дети | родители | дети | родители |
| Фото и видео порнографического характера | 59,1 | 55,8 | 25,1 | 31,3 | 15,8 | 12,9 |
| Травля в социальных сетях (оскорбления, угрозы, сообщение другим компрометирующих данных о вас) | 38,0 | 42,3 | 52,1 | 40,5 | 9,9 | 17,2 |
| Суицидальные группы в социальных сетях | 27,1 | 15,6 | 58,4 | 72,4 | 14,5 | 11,7 |
| Фото и видео, содержащие сцены насилия и жестокости | 53,1 | 49,7 | 36,3 | 36,2 | 10,6 | 14,1 |
| Реклама алкогольной и табачной продукции | 69,0 | 54,6 | 23,8 | 29,4 | 7,3 | 16,0 |
| Реклама психотропных веществ | 18,5 | 17,8 | 68,3 | 64,4 | 13,2 | 17,8 |
| Нецензурная речь и брань | 83,5 | 68,1 | 11,2 | 19,6 | 5,3 | 12,3 |
| Призывы к вооруженным конфликтам и агрессии | 16,5 | 38,0 | 72,3 | 41,7 | 11,2 | 20,2 |

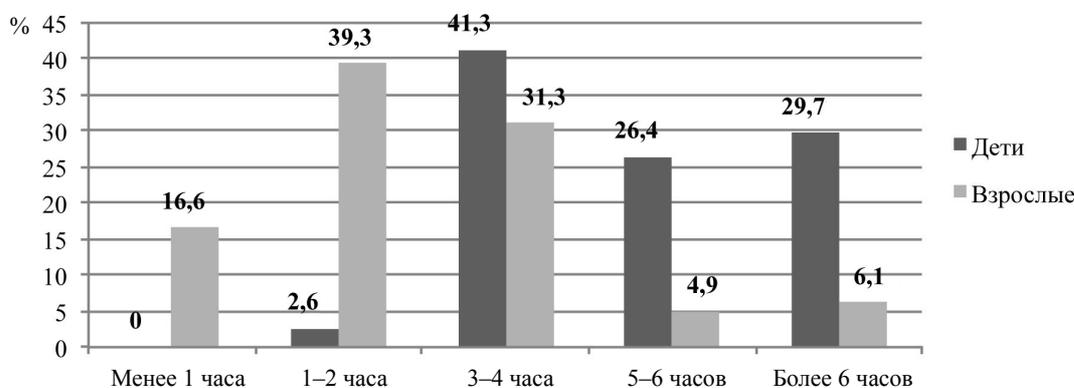


Рис. 1. Ответы на вопрос: «Сколько часов в день Вы проводите в Интернете?» (учитывается времяпрепровождение взрослых в Сети НЕ для работы)



пока занимаются домашними делами или работой. Это рассматривается как безопасное времяпрепровождение детей, снижающее их двигательную активность и риск травматизации.

✓ Вспомогательный источник педагогических знаний и активного обучения ребенка: 78,5% родителей используют возможности Интернета для собственного обучения и развития ребенка. Посещают специализированные сайты/форумы/группы по воспитанию детей 50,9% взрослых, еще 14,7% – не только расширяют знания, но и обмениваются родительским опытом (оставляют посты, комментарии, ведут блог/влог), 62,0% «прислушиваются» к лайфхакам с каналов YouTube в повседневной жизни.

✓ Новые формы семейного досуга. Так, 69,3% родителей отметили, что проводят время с детьми, используя гаджеты (просмотр (мульти)фильмов, прослушивание музыки/аудиосказок, поиск интересной информации) (рис. 2). К слову, о совместном «сетевом» времяпрепровождении заявили 56,4% опрошенных детей. Очевидно, по мере взросления, достижения детьми подросткового возраста досуг с родителями постепенно ограничивается.

✓ Меры поощрительных или пунитивных санкций. Отнимали у ребенка гаджет(ы) и лишали его Интернета в наказание за совершенные проступки, плохую успеваемость 47,9% родителей (против 41,1%, которые это не практикуют). Поскольку электронные «игрушки» и Сеть представляют собой мощный соблазн, нередко родители воспринимают их в качестве манипуляторов или союзников в воспитании. Если еще недавно действенным методом пресечения или реабилитации девиантных поступков детей был временный «домашний арест» (запрет прогулок, встреч с друзьями), то сегодня, когда общение со сверстниками (и не только) переместилось на страницы социальных сетей, это потеряло актуальность.

✓ Площадка для сертификации и обмена знаниями, опытом. Технологизация обладает недооцененным потенциалом для стабилизации и развития межпоколенных отношений, может служить их проводником и катализатором. Интернет-активность пожилых людей преимущественно связана именно с общением с родными и друзьями, проживающими в другом городе/регионе. 23,1% опрошенных школьников используют мессенджеры для поддержания повседневной связи со своими бабушками/дедушками, 14,5% – видеосвязь, 11,9% – социальные сети. Подавляющее большинство детей нередко помогают своим родителям (84,2%) и прародителям (77,2%) учиться работе с техникой, настраивать ее, устанавливать приложения. Это может быть формой проведения полезного для обеих сторон досуга, а также конструктивной альтернативой внешним структурам, содействующим цифровой инклюзии зрелого и пожилого населения.

С другой стороны, избегание или рационализация⁹ реальной коммуникации с близкими, демонстративные потребительские стратегии, прерогатива «медиапродвинутости» обуславливают нарушение привычного направления вертикали взаимодействия «родитель – ребенок». А. К. Полянина рассматривает последствия «информационного взрыва» («шумовая» перегрузка, многообразие смысловых иллюзий, ловушек и лакун, трансформация каналов и механизмов социального взаимодействия, тоталитаризм потребления и медиакультуры) в контексте теории аномии¹⁰. «Ненормированные» парентизация детей и инфантилизация родителей могут интерпретироваться как одни из продуктов информатизации и результат размывания возрастных границ: движение чайлдфри, стиль бэби-долл в одежде взрослых¹¹, участие детей в цифровом ликбезе старшего поколения; игризация взрослых, при которой популяризируются «детские» игры. Лишь 11,7% опрошенных роди-



Рис. 2. Виды совместной деятельности родителей и детей в Интернете (отражены ответы респондентов-родителей)



телей играют в онлайн-игры, 11,0% играют в них с детьми. Хотя в целом развлекательный сегмент занимает большую нишу среди онлайн-занятий как детей, так и взрослых (табл. 2).

Согласно концепции С. А. Кравченко, играция, наряду с макдональдизацией Дж. Ритцера, есть один из доменов рационализации, «реакция на жизненные новации», неопределенность, глобализацию, плюрализм жизненных стратегий, способ социальной адаптации к обществу риска и рискам общества. Одновременно она трансформирует, разделяет субъекты коммуникации во времени и пространстве (современный механизм отчуждения), освобождает межличностные связи от формальных факторов (родства, традиций, материального положения), воспроизводит регрессию, деструктивность, иррациональность. Развлекательность является ее главным инструментом и следствием, а развитие практик потребления – причиной¹².

✓Новое конфликтное пространство. Гаджеты и Интернет нередко оказываются средством манипуляции или мотивации, способствуют эскалации обыденных или провоцируют образование специфических детско-родительских, межпоколенных и межсиблинговых конфликтов: споры по поводу «нелегитимного» использования и покупки продуктов IT-технологий, вмешательства в личную виртуальную жизнь, несопоставимости вирт-статуса реальному, избыточного цифрового «эксгибиционизма».

По результатам анкетирования, у 20,5% подростков иногда возникают конфликты с родителями по поводу покупки гаджетов. Неудивительно, ведь у 54,8% в распоряжении от трех и более устройств с выходом в Интернет. Это свидетельствует о том, что взрослые часто идут на поводу у потребительских запросов своих детей, либо дети, отвечая на вопрос, учитывали все доступные им для пользования девайсы, в том чис-

ле родителей, братьев/сестер, близких друзей. В целом 57,7% родителей указали на возникновение ссор с детьми из-за гаджетов и Интернета. Материалы фокус-группы, проведенной автором, демонстрируют, что порой медиаконсумация провоцирует скандалы, шантаж, проявление агрессии:

...Если он <сын> разозлится, просто кидается игрушками... и губы дует. ...Иногда приходится его поманить мультиками, дать конфетку, игрушку, предложить погулять (жен., 27 лет, воспитывает сына 2,5 лет).

...Да, мультики ей <дочери> нравятся, тяжело ее отвлечь. <Она> может прямо во время просмотра поест, ...иногда она не хочет идти, например, гулять. ...Она залила супом iPad и разбила у него экран со словами: «Мне надоел этот мультик». ... С утра может на меня наорать, треснуть меня игрушкой (жен., 24 года, воспитывает дочь 3 лет).

В целом, по данным опроса, 30,7% родителей замечают утомляемость ребенка от длительного использования Интернета, 27,0% – возбудимость, 23,9% – истерики, 21,5% – перепады настроения, 18,4% – агрессивность, 12,9% – снижение концентрации внимания, 9,2% – рост конфликтности.

Уникальность конфликтов, опосредованных или переместившихся в информационное поле, обуславливает сложность их интерпретации, регулирования, остроту, связанную с отсутствием традиционных барьеров.

Рассмотрим стратегии обеспечения информационной безопасности и защиты от гаджет-зависимости детей.

Способы профилактики или преодоления киберугроз можно условно разделить на внешние (институциональные) и внутренние (внутри-семейные и внутриличностные), ограничивающие, обучающие и замещающие.

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Для чего Вы пользуетесь Интернетом?», %

| Виды онлайн-активности | Дети | Родители |
|--|------|----------|
| Работа/учеба | 92,7 | 69,3 |
| Чтение (статей, книг, блогов) | 65,7 | 57,7 |
| Общение в социальных сетях и мессенджерах | 94,7 | 78,5 |
| Онлайн-игры | 42,6 | 11,7 |
| Просмотр фильмов/прослушивание музыки | 92,1 | 59,5 |
| Поиск информации (новости, интересные факты) | 74,3 | 68,1 |
| Просмотр видеоуроков, лайфхаков, влогов | 62,4 | 38,0 |
| Покупки в интернет-магазинах | 64,7 | 56,9 |
| (Дополнительный) заработок | 13,9 | 12,9 |
| Ведение блога/влога | 15,2 | 9,2 |
| Выкладывание и обмен фото | 59,7 | 41,1 |
| Электронные почтовые сервисы | – | 56,4 |
| Банковские приложения | – | 70,6 |



К *внешним ограничивающим* относятся меры, предусмотренные нормативно-правовыми актами в области информационной политики, содержащими критерии вредоносного воздействия IT-технологий на индивидуальное здоровье и сознание, например, федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Согласно Доктрине информационной безопасности РФ, «обеспечение информационной безопасности – осуществление взаимоувязанных правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления»¹³.

В соответствии с Концепцией информационной безопасности детей на 2018–2020 гг., государственная политика в указанной области направлена на необходимость формирования у детей умения ориентироваться в информационной среде, навыков самостоятельного и критического мышления, обучение детей медиаграмотности. Указом Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 в России объявлено Десятилетие детства. Одними из пунктов плана мероприятий на период до 2020 г. являются рост числа просветительских программ, направленных на ознакомление родителей и преподавателей с новейшими методами и средствами защиты детей от негативной информации, проведение исследований по оценке эффективности политики по защите детей от информационных рисков.

В последнее время появляется множество соответствующих социальных программ и проектов на *федеральном, региональном, локальном уровнях*. Одно из направлений Национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» – «Информационная безопасность», нацеленная на создание системы практико-ориентированного обучения в области кибербезопасности.

На базе проекта «Безопасный Интернет для детей, находящихся в трудной жизненной ситуации», реализуемого министерством социальной политики Нижегородской области совместно с Нижегородским Фондом помощи детям-сиротам с 2014 г., разработана образовательная программа по профилактике и борьбе с рисками негативного влияния информации в Интернете. На базе учреждений социального обслуживания семьи и детей работают центры безопасного Интернета.

Фонд Развития Интернет с 2007 г. реализует исследования проблем использования детьми цифровых технологий, их социализации в информационном пространстве, публикует методические рекомендации для родителей и школ в

сфере медиашащиты детей. В структуре организации действует проект «Линия помощи “Дети онлайн”» – всероссийская служба телефонного и онлайн-консультирования для детей и взрослых по проблемам безопасного использования Интернета и мобильной связи.

Опираясь на классификацию Г. Солдатовой, Е. Рассказовой, Е. Зотовой¹⁴ и результаты авторских исследований, выделим внутренние (внутрисемейные) стратегии.

1) Мониторинг (контроль мобильной и онлайн-активности ребенка). Это распространенная стратегия поведения взрослых по обеспечению безопасного пребывания детей в Интернете: 55,8% родителей стараются контролировать время, проводимое их детьми в Интернете, еще 29,4% используют программы родительского контроля (например «Детский YouTube»), 80,3% родителей детей, зарегистрированных в социальных сетях, периодически просматривают их личные странички, 35,2% – читают их переписки, 14,1% – знают всех их «сетевых» друзей (35,2% знают большинство, 26,8% – лишь некоторых); 67,7% респондентов-подростков отметили, что «дружат» со своими родителями в социальных сетях.

Поддержание контакта с ребенком в течение дня при помощи электронных девайсов является уже привычным способом осуществления контроля и заботы взрослых. С детьми, имеющими собственные гаджеты, 16,4% родителей коммуницируют в течение дня 1 раз, 42,1% – 2–3 раза, 18,7% – 4–5 раз, 22,2% – более 5 раз. Наиболее предпочтительным способом назван мобильный созвон (57,7%), хотя мессенджеры и социальные сети тоже приобретают популярность (36,2 и 31,3%, соответственно) благодаря удобству, относительной дешевизне и возможности визуализации.

2) Медиация безопасного использования Интернета в процессе совместной онлайн-деятельности посредством личного присутствия родителя рядом с ребенком во время его взаимодействия с цифровыми технологиями (58,9% родителей) или объяснения правил поведения в Сети, советов.

Только 38,7% родителей объясняли/объясняют детям, с какими опасностями они могут столкнуться в Интернете. Большинство детей отметили, что сами учились пользоваться компьютерной техникой, мобильным телефоном и Интернетом; 42,3% респондентов-родителей отметили потребность в дополнительной подготовке/курсах о возможностях использования Интернета для себя и своих детей.

3) Медиация ограничения (родитель практикует ограничительные и запретительные методы регулирования пребывания детей в Интернете).

К жестким способам контроля относятся определение родителями паролей от гаджетов или



личных страниц ребенка в Интернете (лишь 17,2% подростков отметили, что родители знают пароли от их аккаунтов в социальных сетях и специализированных сайтах), установка приложений и программ-шпионов для телефонов, позволяющих отследить маршруты перемещений обладателя, поисковые запросы в браузере, прослушать разговоры и прочитанные и даже черновые сообщения, заметки. Одобряют подобные методы 30,7% родителей, 24,5% – теоретически относятся к ним положительно, но сами не применяют, 23,9% – думают, что «лучше доверительный разговор, чем жесткий контроль». Высказывались уточняющие суждения: «это может быть полезным в крайних случаях, когда ребёнок подрастёт, и не сможешь до него дозвониться/списаться с ним, или есть какая-то угроза. Но если это вскрыется, то ребёнок может замкнуться, потому что это нарушение его личных границ»; «...если он об этом узнает, начнутся конфликты, можно упустить доверие навсегда».

4) Медиация замещения: родители стремятся переключить внимание ребенка на другие, более полезные занятия.

Когда я была беременна, сказала: «Давайте сведем к минимуму». То есть, если однажды попал гаджет в руки... значит, он <сын> постоянно будет просить, и придется его как-то отвлекать. ...Занимается он этим 20 минут в день. Обманными путями приходится это прекращать, например, играть, бегать, веселиться. Когда я все дела заканчиваю, начинаются «танцы с бубнами». А вообще, когда он находится с обоими родителями, у него интереса к гаджетам нет... Бывает такое – я свои дела делаю, а он сидит с красками (жен., 28 лет, воспитывает сына 3 лет).

Когда она <дочь> влечется <в планшет> на 3 часа, ее нет просто. Но я стараюсь просто переключить... В последнее время начала музыку переключать, и мы вместе танцуем (жен., 24 года, воспитывает дочь 3 лет).

Применение рассматриваемых стратегий имеет возрастную специфику, например, мониторинг и медиация замещения могут быть в большей степени направлены на детей младшей возрастной группы, медиация безопасности и ограничения – на детей среднего школьного возраста и подростков.

Успешная выработка и реализация тех или иных средств зависит от многих факторов, в том числе от заинтересованности и вовлеченности родителей, качества детско-родительских отношений, уровня осведомленности об угрозах, осознания наличия рисков.

Развитие IT-технологий приводит к распространению новых форм коммуникации, потребностей, проблем и рисков во всех сферах жизнедеятельности общества и социальных институтах, в том числе семье, а именно в подсистеме детско-родительских отношений.

Активное потребление гаджетов субъектами взаимодействия приводит к его качественным изменениям, вмешиваясь в реализацию экономической, воспитательной, бытовой, досуговой, духовной, защитной, контролирующей и, косвенно, других основных семейных функций. Нередко такое включение имеет негативные последствия: формирование альтернативного манипулятивного и конфликтного пространства, неадекватных самоидентификации и восприятия действительности, новых форм наказаний, нарушение психоэмоциональной и доверительной взаимосвязи, ее традиционной вертикали. Они, в свою очередь, обуславливают потребность в выработке стратегий профилактики и/или ликвидации киберугроз для индивидуального детского/взрослого сознания или внутрисемейного климата. Стратегии информационной безопасности делятся на внутренние (родительские, личностные) и внешние (законодательные, социально-проектные, образовательные). Более или менее устоялись родительские рекомендации и медиации, направленные на стремление к поддержанию доверительных взаимоотношений посредством прямых контактов, принципа общения «на равных» с ребенком, уважения его личности, советов; ограничение гаджет- и интернет-активности при помощи средств контроля или замещения; обучение грамотному пользованию Интернетом, селекции медиаконтента; в целом обеспечение ребенку достойного уровня жизни, культуры, воспитания, образования, психологического комфорта. На наш взгляд, взрослым необходимо делать упор на информационное самообучение, самоконтроль. Дальнейших исследований требует выявление собственно детских стратегий обнаружения и избегания медиаугроз.

Примечания

- 1 См.: Голод С. Семья : прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 20–38.
- 2 См.: Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб. : Питер, 2004. С. 114.
- 3 Бек У. Общество риска : на пути к другому модерну. М. : Прогресс-традиция, 2000. С. 67.
- 4 См.: Пережогин Л. Осторожно : интернет-зависимость // Дети в информационном обществе. 2018. № 1 (29). С. 53–54.
- 5 См.: Майорова-Щеглова С. Социальные факторы, влияющие на деструктивность детско-родительских отношений в современных семьях с подростками // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 55–61.
- 6 См.: Раздел 2. Концепция информационной безопасности детей. URL: https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_2.pdf (дата обращения: 20.10.2020).
- 7 См.: Полудина В. Информационный шум в Интернете



- как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 15, № 5. С. 386–394.
- ⁸ См.: Янак А., Шорыгин Е. Траектории гаджетизации детско-родительских отношений : основные модели // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. 2019. № 3 (55). С. 141–148.
- ⁹ См.: Щекотуров А. «Макдональдизация» российского подростка : эффект социальных медиа // The Digital Scholar : Philosopher's Lab / Цифровой ученый : лаборатория философа. 2019. Т. 2, № 1. С. 159–172. DOI: 10.5840/dspl20192116
- ¹⁰ См.: Полянина А. Информационная безопасность детства в условиях новой медиареальности // Информационное общество. 2019. № 1–2. С. 108–115.
- ¹¹ См.: Понукалина О. Детско-родительские конфликты в контексте цифровизации повседневности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 18–22. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-18-22>
- ¹² См.: Кравченко С. Игровая социализация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.
- ¹³ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹⁴ См.: Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е. Зона безответственности // Дети в информационном обществе. 2014. № 16. С. 44–53.

Поступила в редакцию 02.11.2020, после рецензирования 20.11.2020, принята к публикации 03.12.2020
Received 02.11.2020, revised 20.11.2020, accepted 03.12.2020

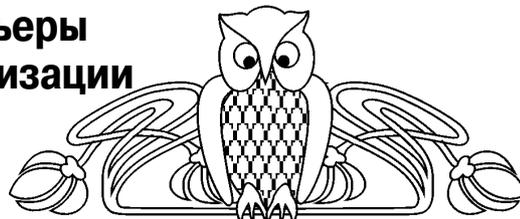


СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 72–77
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 72–77

Научная статья
УДК 316.423.2
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-72-77>

Эволюция женской спортивной карьеры в контексте экономической модернизации в России: факторы и тенденции



И. И. Рыкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рыкова Инна Игоревна, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, inni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0863-529X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности эволюции женской спортивной карьеры, начиная с идеологии спорта в СССР, заканчивая современными реалиями Российской Федерации. Прослеживается закономерность поддержки государства и мотивации населения заниматься спортом. Основное внимание уделяется факторам и условиям, детерминирующим переход от традиционного типа карьеры к ряду переходных форм, закрепляющихся в современных непростых условиях экономической модернизации российского общества.

Ключевые слова: спорт, спортивная карьера, карьера женщин в спорте, физическая культура, экономическая модернизация, федеральный бюджет

Для цитирования: Рыкова И. И. Эволюция женской спортивной карьеры в контексте экономической модернизации в России: факторы и тенденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 72–77. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-72-77>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-72-77>

The evolution of women's sports career in the context of economic modernization in Russia: Factors and trends

Inna I. Rykova, inni@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0863-529X>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article examines the features of the evolution of women's sports career from the ideology of sports in the USSR up to the modern realities of the Russian Federation. The pattern of the state support and motivation of the population to go in for sports were traced. The main attention was paid to the factors and conditions that determine the transition from the traditional type of career to a number of transitional forms that are taking hold in today's difficult conditions of economic modernization of Russian society.

Keywords: sports, sports career, women's career in sports, physical education, economic modernization, federal budget

For citation: Rykova I. I. The evolution of women's sports career in the context of economic modernization in Russia: Factors and trends. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 72–77* (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-72-77>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Культ здорового образа жизни, совпавший с массовой эмансипацией, появился с самого основания Советского государства. Миллионы девушек СССР начали заниматься спортом. Можно с уверенностью сказать, что никто не сделал больше для женского спорта, даже учитывая мировой опыт, чем страны СССР. Абсолютно все женские виды спорта эффективно функциони-

руют благодаря деятельности наших тренеров. Художественная гимнастика, женский теннис, фигурное катание – там властвуют наши женщины десятилетиями.

Однако при всем том, что спорту в СССР уделялось особое внимание, обнаруживается амбивалентное явление, суть которого заключалась в следующем. Де-факто, с точки зрения



спортивного мастерства, советские спортсмены, несомненно, были профессионалами. Но де-юре, с точки зрения правового и социального статуса, государством и обществом спорт не признавался как профессия. Спортом занимались лица, числившиеся в армии, работающие на предприятиях и в учреждениях, а затем в спортивных организациях инструкторами физической культуры¹.

К сожалению, в России до середины 1990-х гг. понятия карьеры в позитивном смысле этого слова практически не существовало. На то есть несколько объяснений. Во-первых, долгое время сохранялись запреты на изучение карьеры как таковой. Превалировала идеологическая доктрина: советский человек работает не ради карьеры, а ради общества. Во-вторых, иерархия должностей руководителей была прерогативой различных партийных комитетов. Именно они выполняли функции организационного и идеологического сопровождения карьеры. В таком случае понятие «карьерный опыт» отсутствовало вообще².

Однако, несмотря на отсутствие самого понимания карьеры в целом и спортивной карьеры в частности, в реальности закладывались нормативно-правовые основы самой спортивной деятельности, определялись основы статуса спортсменов, их роль, возможные карьерные траектории.

Основным законом являлась Конституция СССР³. Там мы можем увидеть, что за гражданами было закреплено право на объединение в спортивные организации (ст. 51). Кроме того, был образован Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР (ст. 131 п. 7).

Законами СССР определялись основополагающие нормы, юридические основы организации физической культуры и спорта в стране. К ним относятся Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении (ст. 49), Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (ст. 96 и 98), Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании (ст. 18, 19, 29 и др.), Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 22).

Что касается нормативно-правовых актов при Президиуме Верховного Совета СССР, можно выделить Указ об утверждении Положения о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза от 27 сентября 1971 г.⁴

Вот та нормативно-правовая база, регламентирующая направления развития физической культуры и спорта и дающая нам понимание того, что отношение к физическому воспитанию в СССР было серьезное уже с самого начала его образования, и именно поэтому наши спортсмены в конечном итоге показывали высокие результаты на международных соревнованиях. Любовь к спорту прививалась с самого детства, спортом занимались на площадках у дома, на производстве, в учебных заведениях, при этом все эти действия не отражены глобально в планировании бюджета СССР.

Существенным подспорьем для участия в спортивной деятельности, реализации карьеры как мужчинами, так и женщинами служила материально-финансовая база. Проанализировав имеющиеся данные, можно говорить, что расходы на физическую культуру появляются только в 1925 г., и то на местном уровне.

В то время как на здравоохранение планировалось 12,2% расходов, на просвещение – 11,7%, на социально-культурные мероприятия в целом было запланировано 31,3% расходов (что является самой большой строкой расхода на 1924–1928 гг.). При этом даже на государственное управление ушло в среднем 10,0% бюджета этих лет (табл. 1)⁵.

Далее, в 1933–1937 гг. расходы на физическую культуру увеличиваются, и связано это, безусловно, с образованием Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. Для того чтобы выполнить поставленные им задачи, необходимо было выделить немалые средства из бюджета. При этом расходы на здравоохранение составили 13,6%, а на просвещение – в среднем 12,0%⁶.

С 1938 по 1940 год расходы на физическую культуру сохраняются, так же как и на просвещение и здравоохранение.

В военные годы такая статья расходов, как физическая культура, исчезает из статьи расходов, здравоохранение тоже падает до 5,0% и только просвещение держится на своих 12,0%⁷.

А вот в послевоенные годы, 1945–1950, все вернулось на круги своя для поднятия духа огромной страны⁸.

Затем до 1987 г. расходы на физическую культуру были стабильно 0,1%, а потом и вовсе отсутствовали. Расходы на здравоохранение и просвещение также упали (табл. 2)⁹.

Таблица 1

Расходы на физическую культуру в СССР. 1925–1928 гг.

| Наименование расходов | Годы | Бюджеты | | | Итого по бюджету СССР |
|-----------------------|-----------|---------|-----------------|---------|-----------------------|
| | | союзный | республиканские | местные | |
| Физическая культура | 1925–1926 | – | – | 0,1 | – |
| | 1926–1927 | – | – | 0,1 | – |
| | 1927–1928 | – | – | 0,1 | – |



Таблица 2

**Структура расходов Государственного бюджета СССР по основным разделам.
1987–1988 гг., %**

| Наименование расходов | 1987 | 1988 |
|--|------|------|
| Всего расходов | 100 | 100 |
| в том числе по основным разделам на народное хозяйство | 52,7 | 52,8 |
| на социально-культурные мероприятия | 32,5 | 32,9 |
| из них: | | |
| на просвещение | 9,1 | 9,3 |
| на науку | 3,6 | 3,7 |
| на здравоохранение | 4,5 | 4,7 |
| на физическую культуру | – | – |
| на социальное обеспечение | 8,6 | 8,6 |

В целом, именно благодаря многим отмеченным выше факторам до начала перестройки середины 80-х гг. прошлого века в СССР как в мужских, так и в женских видах спорта постепенно, несмотря на снижение финансирования, реализовывался в основном традиционный тип карьеры. Согласимся с В. В. Травиным и В. А. Дятловым, что традиционная (линейная) карьера – это постепенное продвижение вверх, иногда с пропуском одной ступени, иногда с непродолжительным понижением в должности¹⁰. Справедливо замечание и Е. П. Ильина, что спортивная карьера – это многолетние занятия человека спортом, нацеленные на высокие достижения и связанные с постоянным самосовершенствованием спортсмена в избранном виде спорта¹¹. Данный вид карьеры напрямую зависит от физической подготовки, которую необходимо активно развивать с детства, если есть понимание, что человек готов посвятить большую часть жизни данному виду карьеры.

Существенные изменения в карьерном пути спортсменов стали происходить в условиях начавшихся в 90-е гг. XX в России социально-экономических преобразований. Они не являлись случайными и были обусловлены целым рядом факторов, среди которых на первый план выдвигались, прежде всего, факторы и условия социально-экономического и финансового плана.

Руководство страны полностью пересмотрело систему финансирования и нормативно-правовую базу для всех категорий. В правовом поле мы видим ст. 41 в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., в которой закрепляется право каждого гражданина России на охрану здоровья и медицинскую помощь, где также подчеркивается, что в Российской Федерации поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта (Гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина»)¹².

В 1991 г. значительно сокращаются расходы на социально-культурные мероприятия, которые составили 7% от государственного бюджета, из них 2% пошли на народное образование и про-

фессиональную подготовку кадров, а 1% – на здравоохранение и физическую культуру, при этом из постановления «О Союзном бюджете на 1991 год» от 11 января 1991 г. № 1892-I мы не увидим, сколько именно идет на физическую культуру. При этом основной статьёй расхода становятся расходы на оборону – они составят 35,0%, при этом даже в 1988 г. мы можем увидеть, что расходы на эти нужды составляли 4,4%¹³.

В 2000 г. предполагалось наиболее существенно увеличить расходы федерального бюджета по таким разделам, как государственное управление, международная деятельность, средства массовой информации. Так, объем расходов по разделу «Средства массовой информации» на 2000 г. был увеличен в 2,7 раза по сравнению с 1999 г.

Наибольший удельный вес федерального бюджета занимают расходы на обслуживание государственного долга (27,4% всех расходов, или 4,32% ВВП). По сравнению с бюджетом 1999 г., в 2000 г. произошло существенное изменение структуры этих расходов.

Без финансирования идея спортивной нации начала затухать.

В целом, в постсоветской трансформации экономической системы выделяются три очевидных периода:

1991–1998 гг. – характеризуются спадом экономического производства, снижением объемов ВВП на душу населения, увеличением доли бедного населения, ростом безработицы, высокими темпами инфляции;

1999–2007 гг. – наблюдался рост экономической активности, увеличение объемов ВВП на душу населения, снижение доли бедного населения, уровня безработицы и темпов инфляции;

2008–2010 гг. – развитие финансового кризиса вызвало новое снижение экономической активности и негативные тенденции на рынке труда. Однако негативные тенденции этого периода не носили столь серьезных последствий, как в первом периоде. Изменения в экономической системе определяют системные изменения в политической, социальной и культурной сферах¹⁴.



До 1998 г. новая держава переживает становление, основные силы брошены отнюдь не на здоровую прогрессивную нацию. В 2000 г. со сменой власти меняется политика. Удельный вес расходов на социально-культурную сферу в структуре расходов федерального бюджета на 2000 г. увеличился с 13,6% в 1999 г. до 14,9% в 2000 г., что направлено на стабилизацию ситуации в данной сфере. В абсолютных единицах указанные расходы увеличились на 41,3 млрд руб. по сравнению с утвержденным бюджетом на 1999 г. и на 62,3 млрд руб. – с отчетом об исполнении федерального бюджета за 1998 г. Однако с учетом запланированной инфляции в 2000 г. реальные расходы по данным отраслям намного ниже.

При общем увеличении на 39,6% расходов федерального бюджета в 2000 г. по сравнению с утвержденными в 1999 г. расходы на социально-культурную сферу возрастают на 52,9%, в том числе на образование – на 51,0%, на культуру, искусство, кинематографию – на 49,5%, на СМИ – на 174,4%, на здравоохранение, физическую культуру и спорт – на 51,3%, на социальную политику – на 48,5%¹⁵. Таким образом, нарастив за десятилетие мощности по военной тематике, освобождаются средства на социально-культурную среду, и расходы в этой области возрастают в 2 раза.

В 2007 г. принимается Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ. Тем самым на высоком государственном уровне подчеркивается важность спорта и спортивной карьеры.

Но в 2008 г., в связи с дефолтом, разоряются компании, увеличивается безработица. Многие вынуждены искать себе новое место, а многие перепрофилируются. До сих пор мы вынуждены вспоминать, как было в 2007 г., когда доллар был по 24 руб.

Российская Федерация все еще находится в состоянии кризиса, но, тем не менее, государство поддерживает спорт как на законодательном уровне, так и в финансовом плане.

Исходя из Сводных отчетов по форме 1-ФК по Российской Федерации 2008–2019 гг., мы можем увидеть, что вместе с ростом интереса государства к финансированию физической культуры растет и численность занимающихся спортом, и если в 2008 г. им заняты лишь 15,9% населения, из них 36,1% женщины, то к 2019 г. приверженность к спорту уверенно показывают 43,0% населения, но при этом процент женского населения незначительно сокращается до 32,7%, но растет относительно 2017 г., где он составлял 27,7% (табл. 3)¹⁶.

В период 2017–2020 гг. основные расходы Российской Федерации идут на социальную политику – в среднем 30%, на оборону – 17%, на образование расходуется 3% от госбюджета, на здравоохранение – 2%, а на спорт – 0,5%¹⁷.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что на данный момент государство заинтересовано в финансировании спорта, и это позволяет надеяться, что в ближайшие годы наши спортсмены вновь будут блистать на международных пьедесталах.

В целом, во многом под влиянием описанных выше факторов в России происходит отход от традиционного типа карьеры в спорте. Начинают формироваться новые, весьма нетипичные раньше формы и разновидности. Получают распространение так называемые последовательно-кризисные типы, характерные для периодов реформ, модернизаций и революционных преобразований, которые предполагают постоянную адаптацию к переменам, а также авантурные и суперавантурные типы, первые из которых определялись пропуском нескольких карьерных уровней при достаточно высокой скорости продвижения или существенным изменением сфе-

Таблица 3

Сводный отчет о физической культуре и спорте. 2008–2019 гг.

| Год | Кадры | Численность занимающихся | Из них женщины |
|------|---------|--------------------------|----------------|
| 2008 | 295 736 | 22 556 958 | 8 148 679 |
| 2009 | 302 487 | 24 579 889 | 8 930 339 |
| 2010 | 310 974 | 26 257 047 | 9 549 882 |
| 2011 | 319 339 | 29 439 154 | 10 726 220 |
| 2012 | 330 728 | 32 237 398 | 11 959 854 |
| 2013 | 337 097 | 35 314 928 | 13 140 546 |
| 2014 | 349 893 | 39 071 433 | 14 657 440 |
| 2015 | 361 741 | 43 499 232 | 16 669 568 |
| 2016 | 368 644 | 46 701 336 | 18 130 052 |
| 2017 | 375 369 | 50 109 214 | 20 041 816 |
| 2018 | 383 845 | 54 291 24 | 21 652 335 |
| 2019 | 402 406 | 58 539 988 | 23 625 984 |



ры деятельности, а вторые предполагали очень высокую скорость продвижения с пропуском значительного числа промежуточных ступеней, а иногда резкое изменение сферы деятельности. Как показывают опыт и статистические данные, суперавантурные карьеры часто заканчивались крахом.

В XXI в. женщины беспрепятственно могут соревноваться наравне с мужчинами в любых видах спорта. Формальные запреты преодолены, и теперь для выбора вида спорта пол не имеет значение. Теперь женщины профессионально и, что немаловажно, успешно занимаются и футболом, и боксом, и тяжелой атлетикой, и борьбой, хотя, казалось бы, еще недавно женщины были заметны только в художественной гимнастике. Разобраться в необходимости и пользе «мужского» спорта – для женщин достаточно сложный вопрос. Безусловно, есть разные точки зрения на эту ситуацию, в том числе и запреты, но, не разобравшись в вопросе и не попробовав на практике, ничего не решить. И если в период Второй мировой войны женский хоккей исчез, то в 1960-х он возродился, а в 1998 г. вошел в программу Зимних олимпийских игр.

Относительно женской спортивной карьеры мы можем наблюдать бесспорную эволюцию типа карьеры. Если в СССР женщина-спортсменка строила карьеру «по-накатанной», используя традиционный тип карьеры, где постепенно двигалась вверх – от девичьих тренировок до первых соревнований, успехов и первенств, завоевывала свои звания, ставила рекорды и либо уходила на покой, либо становилась тренером в своем же виде, то сейчас она может вполне использовать последовательно-кризисный тип карьеры в духе времени – постоянно адаптируясь к переменам в обществе, в государственных настроениях, в экономике страны и общественных вехах.

Например, до появления ресурсов, дающих возможность удаленной работы, женщина вообще не смогла бы продолжить спортивную карьеру сразу же после родов, поскольку, чтобы выйти на профессиональный уровень и начать снова свою физическую активность, ей нужно элементарно вернуть былую форму. Сейчас, в век технологий многие справляются и с этим: спортсменка имеет возможность перепрофилироваться – проводя онлайн-курсы по занятию спортом по скайпу, а также руководствуясь своим опытом и закончив дополнительные курсы. Женщины сегодня могут получить профессию нутрициолога, разработать спортивное приложение, и другие варианты работы удаленно дают нам современные тенденции и способы заработка.

Популярность удаленных видов работы, сервисов, приложений, а также здорового образа жизни и питания также требует специалистов, имеющих опыт в спорте, а для успешной продажи курсов немаловажно и какое-либо звание.

Современные социальные сети тиражируют образ здоровых людей даже активнее пропаганды в СССР, девочки с детства видят красивые подтянутые тела не только в СМИ, но и в популярных социальных сетях. В современных реалиях очень развито обучение плаванию с первого дня жизни, что также сильно пропагандируется в Интернете. Обучение здоровому образу жизни – не просто популярный, но и достаточно дорогой продукт, поэтому, имея спортивный опыт, можно получать доход, не только тренируясь и тренируя, но и давая рекомендации исходя из своего подтвержденного документально опыта.

Именно технологический прогресс можно смело назвать основным этапом эволюции спортивной карьеры женщины, так как сейчас можно пропагандировать спорт, зарабатывая тем самым, не выходя из дома, и не прерывая карьеру из-за травмы или беременности. Теперь карьеру можно перепрофилировать и, нарастив физический потенциал, затем вернуться в большой спорт при желании.

Безусловно, со времен СССР феномен женской спортивной карьеры переживал как взлеты, так и падения. Но мы с уверенностью можем сказать, что сейчас физическая культура переживает подъем. Это происходит благодаря как пропаганде и господдержке, так и всеобщей тенденции популярности спорта и здорового образа жизни. Из анализа трат государства на социально-культурные мероприятия, куда входит и физическая культура, можно сделать вывод, что чем больше финансируется этот вид, тем больше интереса к нему мы видим. То же самое с законодательной базой – чем больше поддержки от государства, тем лучше развивается спорт.

Таким образом, потеряв спортивные мощности в 1990-х гг., сейчас наша страна их снова наращивает. Появляется уверенность в том, что, как в случае с СССР, при активной государственной поддержке населения спорт снова входит в повседневную жизнь каждого человека.

Примечания

- 1 См.: Шевелева Л. А. Особенности спортивного профессионализма в Советском Союзе // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 36–45.
- 2 См.: Бадулина Ж. В. Осознание мотивов выбора трудовой деятельности как фактор построения плана профессиональной карьеры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2004. Вып 1 (3). С. 3–12.
- 3 См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.



- ⁴ См.: Уваров В. Н. Правовые основы физической культуры и спорта : учебное пособие для институтов физической культуры. М. : Физкультура и спорт, 1978. С. 35.
- ⁵ См.: Государственный бюджет СССР. Статистический сборник : в 2 ч. Ч. 1. 1918–1937. М. : Министерство финансов СССР, 1955. С. 79.
- ⁶ Там же. С. 190.
- ⁷ См.: Государственный бюджет СССР. Статистический сборник : в 2 ч. Ч. 2. 1938–1950. М. : Министерство финансов СССР, 1955. С. 106.
- ⁸ Там же. С. 176.
- ⁹ См.: Государственный бюджет СССР. 1988. Статистический сборник. М. : Финансы и статистика, 1988. С. 17.
- ¹⁰ См.: Травин В. В., Дятлов В. А. Менеджмент персонала предприятия. М. : Дело, 2002. С. 81.
- ¹¹ См.: Ильин Е. П. Психология спорта. СПб. : Питер, 2008. С. 56.
- ¹² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
- ¹³ См.: О Союзном бюджете на 1991 год : постановление Кабинета Министров СССР от 20.02.1991 № 45. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹⁴ См.: Перова М. Б., Перов Е. В. Социально-экономическая трансформация российского общества // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 59–74.
- ¹⁵ См.: Заключение от 23 сентября 1999 года на проект федерального закона «О Федеральном бюджете на 2000 год» // Федеральное собрание – парламент Российской Федерации. Комитет Государственной думы по бюджету, налогам, банкам и финансам. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹⁶ См.: Сводные отчеты по форме 1-ФК по Российской Федерации 2008–2019 гг. // Сведения о физической культуре и спорте. URL: <https://minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/> (дата обращения: 06.09.2020).
- ¹⁷ См.: О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов : федер. закон от 19.12.2016 № 415-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поступила в редакцию 23.10.2020, после рецензирования 20.11.2020, принята к публикации 04.12.2020
Received 23.10.2020, revised 20.11.2020, accepted 04.12.2020



ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 78–85
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–85

Научная статья
УДК 32+303
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-78-85>

«Жизнь» важнее «свободы»: актуальный тренд в мифологии либерально-демократического процесса

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. В статье анализируются причины и последствия перемен в мотивационной сфере современной либерально-демократической политики в нашей стране и других странах. Социально-мифологическое представление, базовое для либерально-демократической политики в прежнее время, что гражданские свободы обладают высшей ценностью и для их защиты любые жертвы со стороны человека и общества оправданы, постепенно вытесняется сегодня другой стереотипной и социально значимой установкой. Согласно ей ничто в политике, даже борьба за гражданскую свободу, не является для современного человека, живущего в «обществе потребления» либо мечтающего стать его частью, достаточным мотивом поступиться в интересах общества и государства своим материальным благополучием, а тем более жизнью. В статье отмечена тенденция к распространению сегодня этого нового тренда в мотивации либерально-демократического процесса на мотивационную сферу российской политики.

Ключевые слова: политический миф, мотивация политического участия, либерально-демократическая политика

Для цитирования: Шестов Н. И. «Жизнь» важнее «свободы»: актуальный тренд в мифологии либерально-демократического процесса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 78–85. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-78-85>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

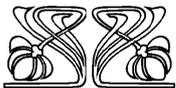
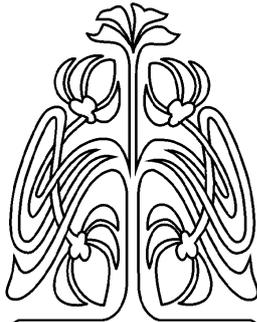
Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-78-85>

“Life” is more important than “freedom”: Currently central trend within mythology of liberal and democratic process

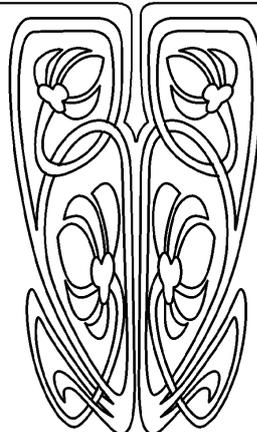
Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. Reasons and consequences of changes within motivational sphere of contemporary liberal and democratic politics in our country and abroad are analyzed in the article. Inherent in recent liberal and democratic politics, social and mythological concept that civil freedoms are the supreme value and any sacrifices (made by a man or society) to defend them are reasonable is gradually displaced with another stereotypical and socially valuable precept. According to it, nothing



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





in politics (nor even struggle for civil freedom) is a sufficient motive for a modern man living in (or dreaming of becoming a part of it) a consumerist society to compromise on material welfare, let alone life. The tendency of spreading this new trend in motivation of liberal and democratic process to motivational sphere of Russian politics is noted.

Keywords: political myth, motivation of political participation, liberal and democratic politics

For citation: Shestov N. I. "Life" is more important than "freedom": Currently central trend within mythology of liberal and democratic process. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–85 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-78-85>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В интернет-пространстве сегодня в изобилии представлена и пользуется вниманием политическая научная и публицистическая аналитика, содержащая прогнозы того, как будет устроен современный мир демократической политики по следам пандемии коронавируса. Прогнозы эти чаще всего пессимистичны и даже эсхатологичны. Основной их пафос определяет мысль, что наш мир вообще, и мир политики в особенности, никогда уже не будет таким, каким он был до пандемии. Иной облик примет и политическая жизнь в нашей стране.

С некоторыми вариациями идея эта повторяется от одного текста к другому. Изменяется, считают ее сторонники, базовые структурные и функциональные характеристики правового государства и гражданского общества. Причем не в лучшую сторону, с точки зрения интересов комфортного существования человека. Как следствие, другим, и тоже далеким от комфортности и безопасности, станет порядок взаимодействия граждан и институтов гражданского общества с институтами власти. Порядок этот, если верить предположениям прогнозистов, не будет уже соответствовать нашим сегодняшним представлениям о «правильной» демократической политике, да во многих случаях и о политике вообще. Потому что в дальнейшем главной функцией современных «социальных» и «правовых» государств будет не забота о духовном развитии и материальном благополучии своих граждан, даже не защита собственных национально-государственных интересов и суверенитета. Главной функцией институтов государственной власти и главным предметом их политической коммуникации с гражданским обществом будет обеспечение права граждан на жизнь.

Это будет государственный и социальный порядок, говорят критики этого тренда в политическом процессе, своей «тоталитарностью» и «античеловечностью» превосходящий все то, против чего еще в XX столетии предостерегали своих современников создатели литературных и научных политических антиутопий. И в чем особенно единодушны авторы таких пессимистических прогнозов, для России и других стран, даже при более-менее благоприятном исходе их нынешней борьбы с эпидемией, возврат к доэпидемическому состоянию демократических принципов, институтов и практик уже невозможен. Невозможен, прежде всего, по причине заинте-

ресованности нынешних властных элит в большинстве современных демократических стран, включая и Россию, в том, чтобы такой возврат состоялся. «Новая нормальность» (это понятие быстро прижилось в отечественном политическом дискурсе) выгодна властным элитам. Она предоставляет им реальные возможности перезаключить «общественный договор» с гражданскими обществами, массовое сознание которых эпидемия привела в состояние стресса, на максимально выгодных для себя условиях. К тому же у элит появляется возможность исключить из нового «договора» те пункты прежних договоренностей с гражданскими обществами, неисполнение элитами обязательств по которым сегодня провоцирует кризисные явления в либерально-демократической политике даже в наиболее развитых странах.

«Новая нормальность» со всеми ее отклонениями от прежде признанных либерально-демократических ценностей и процедур, утверждают сегодня ее критики, это цель, к которой демократические элиты по всему миру шли давно и осознанно. Это шанс придать новый импульс тем процессам глобализации, которые в последнее десятилетие стали заметно притормаживать в своем развитии по причине роста антиглобалистских, антилиберальных и националистических настроений в гражданских обществах во многих странах с либерально-демократическим устройством. Пандемия, начавшаяся в конце 2019 г., стала мощным стимулом к обновлению идеологии глобализации, к превращению ее из проекта либерального, выгодного лишь наиболее развитым странам и тем странам, которые с ними ассоциированы в порядке «демократического транзита», в «общецивилизационный» проект. Она спровоцировала в гражданских обществах панические настроения и расколы на «ковидиотов», «ковиддиссидентов», «ковидофобов» и т. д. На тех, иначе говоря, кто лоялен действиям властей по борьбе с распространением болезни, тех, кто стремится правдами и неправдами обойти различные карантинные меры, а также тех, кто пытается активно этим мерам противостоять.

В обстановке такого внутреннего раскола в гражданских обществах властные элиты могут легально и легитимно экспериментировать с правом, администрированием, информационными технологиями и даже экономическими регуляторами. При этом четко осознавая, что их



забота о жизни и здоровье граждан есть тот аргумент, который способен сегодня и в дальнейшем свести на нет все возможные претензии к ним со стороны гражданского общества. В первую очередь, претензии по поводу нарушения конституционных прав граждан, которые громко звучат в информационном пространстве уже сегодня.

Уверенность многих аналитиков в необратимости перемен в политических статусах и политических коммуникациях современных правовых государств и гражданских обществ основана по большей части на профессиональной интуиции. На, иначе говоря, понимании специалистами того, что в современной политике, пространство которой насыщено ресурсами и технологиями массовых коммуникаций, «новая нормальность» имеет все шансы легитимировать себя по принципу, который еще в 90-х гг. прошлого века сформулировал Джозеф Овертон («окно Овертона»). Массовые коммуникации создают условия быстрого перехода в массовом сознании от «недопустимого» к «возможному», а затем и «естественному».

На причину необратимости перемен, происходящих во взаимоотношениях властных элит с гражданским обществом в нашей стране и других странах, можно посмотреть в другом ракурсе, а именно с точки зрения предрасположенности массового сознания властных элит и гражданских обществ к тому, чтобы легитимировать «новую нормальность» даже в том случае, если политтехнологам и медиатехнологам не удастся придать ей полностью «естественный» облик.

В предположении, что у властных элит есть интерес к расширению в рамках демократической политики своих управленческих компетенций за счет прерогатив гражданского общества, есть доля правды. Властные элиты (и демократические, и не демократические) во все времена использовали фобии в религиозном и секулярном массовом сознании, обострившиеся по следам политических и экономических кризисов, для создания новой повестки политических коммуникаций с обществом, а также для расширения своих властно-распорядительных компетенций за счет ограничения возможностей общества к самоуправлению. Эту зависимость интереса элит к эксплуатации социальных фобий в период кризисов подробно охарактеризовал Э. Кассирер¹.

С началом XXI в. активность мыслей и действий элит в этом направлении заметно возросла. В интересах государственной политики и геополитики стали активно эксплуатироваться различные фобии, связанные с изменениями климата на планете, с загрязнением окружающей среды отходами промышленного и сельскохозяйственного производства, потреблением людьми генномодифицированных продуктов питания, использованием атомных электростанций и т. д.

Сегодня в эту повестку интегрированы социальные фобии, возникшие в ходе пандемии.

Стимулом для роста этой активности властных элит стали системные сбои в «классической» либерально-демократической политике. Такие сбои давали о себе знать и в прошлом. Механизмы либеральной демократии, электоральные и бюрократические (показательными примерами являются буржуазные революции в Европе в первой половине XIX столетия, гражданская война в США, рост популярности крайне правых политических сил в большинстве демократических стран в 20–40-е гг. XX в. и их приход к власти в Испании, Португалии, Германии и Италии), и прежде часто на практике не оправдывали надежд создателей либеральной доктрины. В последнее десятилетие они ярко обнаружили себя в связи с миграционным кризисом, массовыми протестными движениями и конфликтами вокруг результатов избирательных кампаний, доходящими до «цветных революций», усилением популярности правых политических идей и партий.

Дисфункция либерально-демократической политики сегодня усиливается даже в тех странах Старого и Нового света, которые всю вторую половину XX столетия, особенно в годы холодной войны, были мировым бастионом либерально-демократической внутренней и внешней политики. По поводу нынешней ситуации, например, во Франции авторитетный отечественный эксперт пишет: «Протестные настроения растут с каждым годом – наступает тотальное разочарование в правящей элите. Почти 80 процентов граждан не поддержит ее кандидатов на следующих президентских выборах – они или не пойдут голосовать, или опустят в избирательную урну пустой бюллетень, или же проголосуют за антисистемного кандидата. <...> Но недовольство элитой – это лишь следствие общего кризиса: большинство смотрит в будущее с растущей тревогой, опасаясь, что скоро их страна изменится до неузнаваемости»². Надо заметить, что это мнение отечественного аналитика вполне согласуется с оценками французских коллег³, а также данными статистических исследований в разных европейских странах⁴. Частным случаем этого общего для мира либеральной демократии кризисного тренда представляется устойчивый конфликт внутри властных элит и между элитами и гражданскими обществами во многих постсоветских государствах, время от времени выливающийся в массовые протестные движения или даже очередную «цветную революцию»⁵.

Такое постоянное балансирование на грани формальной либеральной демократии и реальной угрозы политического хаоса и последующей диктатуры неизбежно сказывается на самосознании властных элит. Оно побуждает их к поиску технологий решения политических задач за пределами возможностей, предоставляемых им



либеральной демократией в ее нынешнем состоянии. Пандемия в этом смысле – еще один стимул к таким поискам и к тому, чтобы в результате таких поисков «мир уже никогда не стал прежним», как на этом часто настаивают авторы политико-эсхатологических прогнозов.

Своих намерений и своей поисковой активности элиты не скрывают. Их следы отчетливо сегодня видны в быстро совершенствующемся в большинстве демократических стран «ковидном» законодательстве. При его сопровождении институты исполнительной власти имеют возможность вполне легитимно, сославшись на чрезвычайные обстоятельства пандемии и экономического кризиса, ею вызванного, становиться обладателями компетенций власти законодательной и даже судебной. Тогда, например, когда речь идет о введении в странах и регионах таких административных «режимов» для функционирования гражданских обществ, в условиях которых только и могут быть реализованы конституционные права граждан без видимого риска для их, граждан, жизни и здоровья.

Сегодня в некоторых странах гражданские общества довольно активно пытаются противостоять намерениям своих властных элит перетянуть на свою сторону «одеяло» либерально-демократической политики. Общественные лидеры и рядовые граждане устраивают различные протестные акции⁶, критикуют действия властей в социальных сетях. Они инициируют судебные разбирательства по поводу «карантинных» мер, вводимых порой в обход национально-государственного законодательства⁷. Все это выглядит обнадеживающе, особенно благодаря вниманию к таким событиям со стороны СМИ: вот он, либеральный идеал гражданственности, в действии!

Вместе с тем пока не заметно, чтобы эти разрозненные акции как-то существенно повлияли на настойчивость и организованность властных элит в деле конструирования ими «новой нормальности» посредством информационных, правовых и административных технологий. Главная причина недостаточной действенности гражданского протеста, вероятно, в том, что он недостаточно конструктивен по своему содержанию: это протест «против» существующего порядка вещей, а не протест «за» какой-либо новый порядок, который должен прийти ему на смену. В нынешнем протесте против «новой нормальности» недостает присутствия какого-либо, хотя бы минимально осмысленного проекта (или нескольких проектов) изменений в либерально-демократической политике, который был бы выдвинут со стороны гражданских обществ демократических стран и отражал бы их интересы и представления о своей будущей политической субъектности. Такого проекта, который мог бы в массовом сознании конкурировать с проектом «новой нормальности» и, таким образом, из-

менить повестку политических коммуникаций властных элит и гражданских обществ на тему их общего будущего.

Что мешает рождению такого проекта? Ведь для его появления есть, с формальной точки зрения, все необходимые ресурсы. Существуют и действуют политические партии и их лидеры, одна из первостепенных функций которых в том и состоит, чтобы разрабатывать политические проекты и сплачивать свой электорат для достижения той власти в государстве, которая даст им возможность этот проект реализовать. Пока, правда, партийные лидеры и партийный актив, как в России, так и в других странах, или нейтрально относятся к появлению на свет «новой нормальности», или, будучи интегрированы в структуры законодательной и исполнительной власти, содействуют продвижению этого проекта.

Есть сообщества интеллектуалов, готовых и способных популяризовать и аргументированно защищать интересы и инициативы граждан. Тем не менее, если говорить о ситуации в политической науке в нашей стране и в других демократических странах, пока эти сообщества больше, чем проектированию будущего на основе интересов граждан, уделяют внимание систематизации этих интересов и поиску точек их совпадения либо не совпадения с интересами властных элит⁸.

Есть классические и электронные СМИ (тоже выполняющие, хотя и не всегда последовательно, функцию институтов гражданского общества), нынешних технологий и нынешнего влияния которых на умы людей и текущую политическую жизнь вполне достаточно, чтобы в повестке демократических коммуникаций элиты и граждан у стратегии и тактики «новой нормальности» появился противовес. Есть, наконец, достаточно широкая и технически оснащенная система массовых сетевых коммуникаций, в рамках которой формируются и функционируют различные, в том числе политические, гражданские инициативы. Исследователи, с одной стороны, массовых протестных движений и «цветных» революций, а, с другой стороны, различных патриотических и прогосударственных гражданских инициатив постоянно подчеркивают ту большую роль, которую в современном мире социальные сети и сетевые коммуникации граждан играют в деле политической мобилизации масс.

Все эти ресурсы сегодня не находят применения в том масштабе, при котором можно было бы ожидать появления альтернативы проекту «новой нормальности». Сами гражданские общества в большинстве своем не проявляют сегодня заметного интереса к их использованию. На то есть много причин. Главная среди них – это подвиги, которые на протяжении последних десятилетий происходили в политической культуре гражданских обществ и властных элит в демократических странах, особенно раз-



витых. Подвижки произошли, прежде всего, в политико-мифологическом основании культуры гражданственности. Эпидемия, начавшаяся весной 2020 г. и затем охватившая большую часть цивилизованного мира, всего лишь ярко их высветила.

Эти подвижки делают гражданские общества восприимчивыми к усилиям властных элит убедить их в том, что «новая нормальность» – всего лишь следующий шаг в направлении прогресса демократии во всем мире и в отдельных странах. Велика вероятность того, что в «новой нормальности» не только властные элиты, но и гражданские общества (возможно, не целиком, а какая-то их достаточно активная и влиятельная часть, уверенная в своем праве говорить от имени большинства сограждан) найдут для себя некую «практическую выгоду» и «политическую целесообразность». Последние, при участии СМИ в их популяризации, вполне способны перевесить в сознании граждан негативные впечатления от активности властных элит в конструировании «новой нормальности».

В массовом сознании современных обществ в России и остальном мире за последние десятилетия принципиально изменился баланс парадигм, определяющих представление граждан о том, в чем смысл их участия/неучастия в политике, какие свои жизненно важные задачи они смогут решить посредством включенности/невключенности в политические процессы разного масштаба и уровня. Совместная борьба властных элит и институтов гражданского общества с эпидемией и ее последствиями в нашей стране и других демократических странах создала информационный и психологический фон для легитимации изменений в балансе.

С начала либерально-демократических времен и до середины прошлого столетия в мире демократической политики баланс складывался так, что доминировала та парадигма политического участия, суть которой наиболее точно передает формула «Свобода для гражданина важнее его жизни». Ей всегда противостояла, но до поры до времени уступала ей во влиянии на массовое сознание гражданских обществ не менее мифологичная по своему характеру установка на то, что «безопасность и жизнь для гражданина важнее свободы».

Во все времена членами гражданских обществ были люди, не считавшие себя по тем или иным причинам связанными с ними интересами и обязательствами настолько, чтобы жертвовать чем-то личным во имя блага сограждан. Тем не менее, баланс упомянутых парадигм в гражданской культуре складывался не в их пользу. А потому посредством демократических процедур и технологий гражданского воспитания этот баланс был закреплен в этике мышления и поведения гражданина-патриота, формированием которой последние два столетия целенаправ-

ленно занимались семья, школа, гуманитарные науки и СМИ. Он в абсолютном большинстве демократических государств был закреплен конституционно, в первую очередь, в перечне обязательств гражданина перед своим государством и своим гражданским обществом. В том, что принято называть «гражданским долгом», исполнение которого дает гражданину право называться «гражданином». Сегодня в массовом сознании гражданских обществ ценностные приоритеты поменялись, причем значительно.

Изменение это явилось совокупным результатом процессов, достаточно разных по своему характеру.

Начать следует с того, что после превращения двуполярного мира в однополярный либерально-демократической политике не с кем стало в прежнем глобальном масштабе конкурировать. Прежде всего, конкурировать за смысл ключевой политической ценности – «свободы». Конкуренция либеральных, консервативных и социалистических стратегий и тактик во внутреннем национально-государственном пространстве, а также конкуренция соответствующих политических дискурсов, конечно, остались. Но либеральный дискурс «свободы» (как дискурс «победителей» в холодной войне) оказался в наше время вне конкуренции. Точно так же вне конкуренции сегодня оказались либеральные ценности и практики в тех государствах на постсоветском пространстве, а также на Ближнем Востоке, в Африке, которые свои большие проблемы в экономике и межэтнических отношениях пытаются решить средствами демократической политики.

История национальных государств в Старом и Новом свете наглядно демонстрирует, как много в их развитии и взаимоотношениях зависело от того, как элиты и гражданские общества понимали смысл «свободы» и как они определяли для себя оптимальные способы приобщения к этой ценности. У сторонников либерального понимания демократии смыслом и мерой «свободы» была и остается активность гражданина в заявлении своих индивидуальных политических прав, а также в защите их от покушений со стороны государства, непосредственно в своих личных интересах и опосредованно в интересах «общественного блага». Покушением на «свободу» является все, что так или иначе ограничивает умственную и практическую активность гражданина. На такое понимание свободы нацеливает, например, «формула свободы», составленная еще в первой четверти XIX столетия Б. Констаном и остающаяся классической для современных сторонников либеральной демократии⁹. Для последователей теории и практики советской демократии, как прежде, так и сейчас, смысл и меру «свободы» гражданина тоже определяет его активность. Только это активность, проявляемая гражданином в ходе сотрудничества с институтами гражданского общества и государства и



направленная в первую очередь на общее благо, и лишь во вторую – на благо личное¹⁰.

Пока понимание «свободы» у приверженцев разных доктрин и практик демократии было разным, пока нациям с их разными стратегиями прогресса важно было настоять на своем смысле ценности «свободы» как одном из ключевых ресурсов внутренней мобилизации и борьбы за «жизненное пространство», востребована была «жертвенная» этика гражданственности. Важна была готовность гражданина «положить на алтарь Отечества» все свои ресурсы и самого себя.

Прекращение идеологической конкуренции современных демократических наций, торжество идеологии и политики, апеллирующих к мифологии «общечеловеческих ценностей» и «магистрального пути цивилизации», превратило «жертвенную» этику (а вместе с этим и необходимость в особых государственных механизмах и технологиях патриотического воспитания граждан) из аксиомы демократической культуры в фундаментальную (мировоззренческую) проблему. Проблему эту можно сформулировать так: следует ли гражданину чем-либо жертвовать во имя торжества «свободы», когда в мире современных демократий ей практически ничего не угрожает (кроме, пожалуй, международного терроризма, борьба с которым находится в компетенции правовых государств), когда никто не претендует на радикальный пересмотр ее содержания?

Оправдание своим сомнениям современный гражданин легко находит в самой доктрине либеральной политики, даже при очень поверхностном знакомстве с ней. Доктрина эта во все времена опиралась на постулат, что права гражданина естественны. Более того, они индивидуальны. Гражданин является гражданином лишь тогда, когда он пользуется своими правами. Правами его наделяет сама Природа, от рождения и до смерти. А, значит, обладает он ими лишь до тех пор, пока жив и здоров. Замечательно, с точки зрения интересов нации и национального государства, когда «свобода куплена кровью»¹¹. Тем самым ценность «свободы» материализуется в глазах граждан даже в последующих поколениях ее «наследников». Не так замечательно с точки зрения гражданина-доктринера. Принесение им себя в жертву общественному идеалу «свободы» означает для него только то, что лично он уже никогда благами «свободы» не воспользуется. Для такого гражданина, последовательного в своих суждениях о либеральной демократии, «жертвенная» этика гражданственности лишена теоретического и практического смысла, особенно если этот гражданин является частью «общества потребления».

Формирование «обществ потребления» в наиболее развитых либерально-демократических странах стало еще одним процессом, обусловившим доминирование мифологемы «Жизнь граж-

данина важнее его свободы». Эти «общества потребления» в последние десятилетия прошлого века стали ориентиром для других гражданских обществ и элит, в том числе для российских. С хрущевских времен мысль о возможности и необходимости сделать так, чтобы в нашей стране граждане жили «как на Западе» и даже богаче, вдохновляла элиты на экономические реформы, а в конце прошлого столетия вдохновила и на смену модели политической системы с советско-демократической на либерально-демократическую.

Привлекательность «обществ потребления» стала одной из причин, по которой глобализационные процессы в современном мире стали разворачиваться в направлении воспроизводства либерально-демократических «стандартов» экономики, права, политики и культуры даже там, где в таком воспроизводстве не было реальной необходимости. А вместе с этим по миру стала распространяться новая, «потребительская» этика гражданственности и вытеснять «жертвенную» этику. Высокий уровень потребления – это не только способ удовлетворения личных запросов. Это, в первую очередь, возможность для гражданина постоянно иметь в своем распоряжении некий избыточный и относительно легко восполнимый материальный и нематериальный (правовой, например) жизненный ресурс.

Это, образно выражаясь, та политическая, правовая и экономическая «рента», которую гражданин пожизненно получает на основании своего членства в «обществе потребления». В критический момент, когда потребуется чем-то пожертвовать ради национально-государственных интересов, гражданин может (не без давления со стороны государства, конечно, и не без конфликтов с ним) в полном смысле откупиться от возможных обвинений в непатриотичности и политической несознательности. Он просто может в нужный момент уступить государственным институтам часть своего ресурса гражданственности: некоторые свои права, часть доходов, статусные атрибуты (различные льготы, например). Он может поступиться в пользу государства даже своей приверженностью тем или иным политическим ценностям, если такая приверженность вдруг окажется «не к месту» в конкретной кризисной ситуации и может повлечь за собой ущерб благополучию самого гражданина.

В пользовании всеми перечисленными благами гражданин «общества потребления» может спокойно поделиться с государством в уплату своего, так сказать, «гражданского долга» и своей возможностью дальше беспрепятственно и без риска для жизни и здоровья пользоваться преимуществами жизни свободного человека в свободном обществе. Государственные институты, в свою очередь, тоже получают от такой сделки выгоду. Уже не институты гражданского общества, а они получают легитимную возможность быть в условиях либерально-демократической



политики главным борцом за «свободу» в своей стране и даже за ее пределами, там, где граждане других государств тоже мечтают стать субъектами «общества потребления».

«Общества потребления» дают, таким образом, гражданам в странах с либерально-демократическими политическими системами возможность пользоваться благами «свободы» даже при формальном отсутствии таковой. Главное – «хорошими», «справедливыми» и «достойными» должны быть политические, правовые и экономические условия, в которых гражданин существует¹². Если общество и государство таких условий не создают, то и гражданин им ничем не обязан.

Еще в 2015 г. на 111-й Ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки (APSA) один из ее участников, Майкл Гудхарт из университета г. Питсбурга, в докладе «Достоинство как политическое, а не метафизическое понятие» настаивал, что «именно политические требования, основанные на ощущении своего достоинства, сегодня более важны, чем рассуждения о правах человека как моральной субстанции»¹³.

Нынешние массовые протестные движения против карантинных мер во Франции, Германии, Чехии, Дании, США, а также реакция (чаще всего негативная) СМИ и общественных организаций на действия центральных и местных властей показывают, насколько быстро оправдывает себя этот прогноз политологов, неутешительный для будущего либерально-демократической политики. Мотивом таких гражданских протестов чаще всего выступает не идея борьбы их участников за политическую и тем более экономическую свободу. Того и другого у граждан развитых «западных» стран в достатке, и достаток этот имеет относительно прочные правовые гарантии. Участники этих движений заявляют себя борцами за «гражданское достоинство». Его, по их мнению, ущемляет государство уже самим фактом своего существования, а особенно тем, что требует от граждан поступиться свободами, не предоставляя им взамен гарантий жизни и здоровья.

Благоприятные условия для того, чтобы граждане сегодня ценили бы «жизнь» выше «свободы», создал процесс распространения новых информационных технологий. Технологии обеспечили невиданное прежде распространение такой информации, которая настраивает сознание большого числа людей на эсхатологический лад. А это сказывается и на их отношении к политике и участию в ней. Это информация о всевозможных реальных, предполагаемых и даже мнимых угрозах техногенного и природного характера. «Глобальное потепление/похолодание», «остывающее Солнце», «астероиды-убийцы», «генномодифицированные продукты», «глобальный дефицит пре-

сной воды», «запасы углеводородов, которые закончатся через 20–50 лет» и многое другое в том же духе – все это заставляет граждан (в большинстве своем далеких от научных экспертиз и дискуссий, а также от понимания интересов тех, кто занимается популяризацией такой информации) рассуждать примерно так: «Бог с ней, со свободой, выжить бы!».

В политической культуре гражданских обществ Запада изменение баланса в пользу мифологемы «Жизнь гражданина важнее его свободы» обнаружилось в последние десятилетия XX в. В России этот процесс начался позже, со времени радикальных либеральных реформ 90-х гг. прошлого века, и идет медленнее, чем в «западных» гражданских обществах. Тем не менее, он идет. Особенно его следы заметны в сознании нового поколения российских граждан. Об этом прямо свидетельствуют данные социологических исследований, характеризующих, например, отношение молодых людей к службе в Российской армии¹⁴. Иначе говоря, к тому способу отдания «гражданского долга», который, с одной стороны, расширяет свободу выбора молодым гражданином своего дальнейшего жизненного пути, так как дает ему определенные предпочтения перед не служившими согражданами при поступлении, например, на государственную службу. А с другой стороны, он в наибольшей степени сопряжен с риском для материального благополучия, комфорта и даже жизни гражданина. Соображения, связанные с этим риском, в последние годы устойчиво перевешивают в сознании российской молодежи стремление расширить свою «компетенцию свободы».

Все упомянутые процессы работают сегодня на необратимость перехода либерально-демократической политики из формата, привычного современным людям, в состояние «новой нормальности». Это так. Вместе с тем в этой норме, активно продвигаемой сегодня властными элитами по всему миру в сфере их коммуникаций с гражданскими обществами, не все так однозначно. «Новая нормальность» в том виде, в каком она сегодня формируется во многих странах, включая и Россию, пока что представляет собой конгломерат правовых, административных и экономических интересов и решений. А это означает, что для поддержания обществ и государств в относительно стабильном состоянии элитам придется приводить этот конгломерат в более-менее стройную систему. В силу требований системности эта «еще более новая нормальность» не может не иметь отличий от «нормальности нынешней». И нет противопоказаний для того, чтобы для решения этой проблемы элиты не вернулись к тем решениям (правовым, идеологическим и организационным), которые во многих странах долго и относительно успешно поддерживали системный характер либерально-демократической политики.



Примечания

- ¹ См.: *Кассирер Э.* Технологии современных политических мифов (Из книги «Миф о государстве»). URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppu_4/6.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
- ² *Акопов П.* Вышла из доверия : элита великой страны полностью дискредитирована. URL: https://ria.ru/20201029/frantsiya-1581974459.html?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 17.11.2020).
- ³ См.: Никакой власти народу. Рецензия на книгу французского ученика Хайдеггера Франсуа Федье. 6 мая 2020 (Франсуа Федье. «Мир спасет красота». В России. СПб. : Jaromir Hladik press, 2020. Пер. с фр. Петра Епифанова). URL: https://yandex.ru/turbo/s/gorky.media/reviews/nikakoj-vlasti-narodu/?promo=navbar&utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 05.05.2020) ; Le Figaro (Франция) : герилья в Дижоне – отнюдь не происшествие местного масштаба. URL: https://inosmi.ru/social/20200619/247634918.html?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 24.06.2020).
- ⁴ См.: Как менялась доля людей, верящих в работающее на их благо государство. URL: <https://zen.yandex.ru/media/pstat/kak-menialas-dolia-liudei-veriascih-v-rabotai-uscee-na-ih-bлаго-gosudarstvo-5e5d2bd0fc936829e-beed14d> (дата обращения: 27.04.2020).
- ⁵ См.: *Магун А.* Борьба за отжившие идеалы : Уличные протесты как язык современной демократии. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4449384?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 18.11.2020).
- ⁶ См.: В Берлине прошла вторая за неделю акция протеста против карантина. 22 ноября 2020. URL: https://russian.rt.com/world/news/805628-karantin-berlin-protest?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1606138172000 (дата обращения: 23.11.2020).
- ⁷ См.: Апелляционный суд Португалии признал ПЦР-тестирование фейком, а карантин незаконным. URL: https://zen.yandex.ru/media/po_sekretu_vsemu_svetu/appeliacionnyi-sud-portugalii-priznal-pcrtestirovanie-feikom-a-karantin-nezakonnym-5fb81fa8572b862575aa3200 (дата обращения: 22.11.2020) ; Коллегия адвокатов Германии начала расследование об организации пандемии ковида с целью возмещения убытков и выявления истины. URL: <https://zen.yandex.ru/media/smeklof/kollegiia-advokatov-germanii-nachala-rassledovanie-ob-organizacii-pandemii-kovida-s-celiu-vozmescheniia-ubytkov-i-vyivleniia-istiny-5fbb70f693538e30394ce203> (дата обращения: 23.11.2020).
- ⁸ См.: *Соловьев А. И.* Власть и политика. Poleмические заметки о «проклятых вопросах» политической науки // Политические исследования. 2020. Т. 20, № 6. С. 135–147. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.10
- ⁹ См.: *Констан Б.* О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/1993–2-Konstan-O_svbode.pdf (дата обращения: 10.11.2020) ; *Милевская Т. В., Басенко Н. А.* Идеологема «свобода» как универсалия политического дискурса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 3 (131). С. 26–28.
- ¹⁰ См.: *Иохим А. Н.* Особенности развития гуманитарного дискурса в советской политической практике // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. 2018. № 4. С. 26–39.
- ¹¹ См.: *Лорд Джордж Ноэл Гордон Байрон (Lord Byron)* Как за морем кровью свободу свою... (1816) // Байрон Д. Г. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2 / пер. Н. Холодковского. М. : Правда, 1981. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7992> (дата обращения: 25.11.2020).
- ¹² См.: *Гельман В. Я.* Политические основания «Недостойного правления» в постсоветской Евразии (Переосмысливая исследовательскую повестку дня) // Полития. 2016. № 3 (82) С. 90–115. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-82-3-90-115.
- ¹³ *Сунгуров А.* 111-я Ежегодная конференция Американской ассоциации политической науки. Заметки участника. URL: <https://spb.hse.ru/soc/politology/news/160606195.html> (дата обращения: 26.11.2020).
- ¹⁴ См.: *Максименко А. А., Шаповалова И. С.* Молодежь и российская армия : будет ли положительный вектор во взаимодействии? // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 2. С. 70–87. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-6

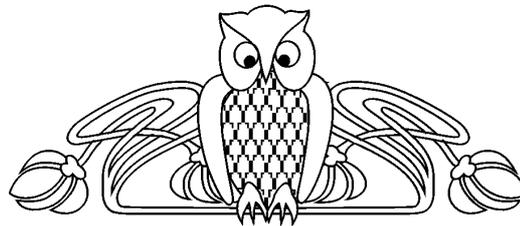
Поступила в редакцию 27.11.2020, после рецензирования 02.12.2020, принята к публикации 05.12.2020
 Received 27.11.2020, revised 02.12.2020, accepted 05.12.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 86–90
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 86–90

Научная статья
УДК 323+316.752+009
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-86-90>

Технологии формирования политической культуры молодежи в современной России



А. В. Богданов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Богданов Артем Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, selectedman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>

Аннотация. В статье анализируется сущностное содержание категории «технология», выделяются основные подходы к ее смысловому наполнению, а также обозначаются ее ключевые характеристики. В работе обосновывается возможность применения технологий для формирования политической культуры молодых людей. Выделены технологии, которые оказывают влияние на формирование как культуры молодежи в целом, так и политической в частности, а также рассмотрены технологии, проявляющие себя в рамках анализа молодежной политической культуры и соотносящиеся со структурой основных институтов, воздействующих на конструирования политической культуры.

Ключевые слова: содержание технологии, технология в политике, молодежная политическая культура

Для цитирования: Богданов А. В. Технологии формирования политической культуры молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 86–90. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-86-90>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-86-90>

Technologies of youth political culture formation in modern Russia

Artem V. Bogdanov, selectedman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article analyzes the essential content of the category “technology”, highlights the main approaches to its semantic content, and identifies its key characteristics. The paper substantiates possibility of using technologies to form political culture of young people. Technologies that influence both the formation of youth culture in general and political culture in particular are highlighted; technologies that manifest themselves within the analysis of youth political culture and correlate with the structure of the main institutions that influence the construction of political culture are also considered.

Keywords: content of technology, technology in politics, youth political culture

For citation: Bogdanov A. V. Technologies of youth political culture formation in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 86–90 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-86-90>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Продолжая цикл работ, посвященных выявлению специфики политической культуры российской молодежи, мы приблизились к анализу очередной проблемной точки ее формирования при помощи соответствующих технологий. Следует отметить, что рассмотрение конструирования политической культуры молодого поколения с точки зрения выделения основных технологий, оказывающих на нее влияние, является новым ракурсом исследования данной проблематики.

В большинстве работ политологического характера генерирование политической культуры показывается однозначно, и оно отталкивается от структуры политической культуры, которая состоит из культуры политического сознания, политического поведения и функционирования государственных и политических институтов¹.

Также в качестве основы анализа степени сформированности политической культуры, а также в рамках исследования генезиса ее исто-



рического развития в конкретной стране используются такие критерии, как политическое познание или понимание политической сферы, отношение к политике и политической системе и политическое участие индивидов в политических процессах².

Поэтому, на наш взгляд, представляется необходимым по-новому взглянуть на процесс формирования политической культуры, при этом мы не умаляем иные точки зрения относительно ее генерирования и выстраиваем свое исследование, основываясь на базовых принципах политологии и привнесенных предыдущими учеными и исследователями идеях, учениях и концепциях.

Важным также является и тот факт, что рассмотрение политической культуры с точки зрения технологического аспекта позволяет нам выявить одну из граней ее специфики, а также глубже понять процесс ее создания и возможную степень влияния на нее основных институтов социально-политического процесса. Причем, выявив данную взаимосвязь, мы сможем смоделировать ход генерирования политической культуры, а также определить конкретные шаги по формированию ее соответствующего типа, в первую очередь, с высокой степенью политической ответственности, осознанности и участия субъектов политического пространства. Существенным представляется и возможность увидеть дополнительные факторы, обуславливающие конструирование политической культуры в виде набора определенных технологий, оказывающих целенаправленное воздействие на акторов социально-политического поля.

Прежде чем переходить к более подробному анализу технологий формирования политической культуры, необходимо определить содержание категории «технология». В работах ученых, посвященных сущностному анализу понятия «технология», выделяются два основных подхода к ее смысловому наполнению³:

– техноцентристский – технология понимается как набор конкретных технических средств, позволяющих субъектам решать поставленные перед ними задачи. В этом смысле технология выступает как универсальная и базовая характеристика процесса достижения результата деятельности, и эффективность такой деятельности определяется в том числе умением выбрать наиболее подходящие технологии. Следует отметить, что данный подход вполне оправдан, когда деятельность субъекта обусловлена достаточно устойчивыми характеристиками его функционирования, т. е. процедура решения заданной проблемы имеет стандартные условия, ход развития ситуации вписывается в привычные рамки работы, набор правил универсален и т. д.

– социокультурный – технология рассматривается в качестве части социокультурной среды, понимается как ее функция, которая служит способом упорядочивания и систематизации про-

цесса познания окружающей действительности при учете экономических, социальных, политических, технологических, исторических, психологических и культурных аспектов деятельности человеческого сообщества. С этой точки зрения, на наш взгляд, технология выступает одним из способов воздействия на формирование политической культуры современного общества и, в частности, молодого поколения. Также раскрытие сущностного содержания технологического аспекта конструирования как культуры в целом, так и политической позволяет выявить конкретные формы действенного влияния на субъекты социально-политического процесса.

Исходя из вышеприведенных подходов к определению «технология», мы можем сделать вывод о том, что под ней понимается либо функционирование технологических, промышленных систем, либо целенаправленное, организованное упорядочивание человеческой деятельности. Как нам представляется, при понимании специфики сущностного содержания «технологии» должны учитываться следующие ее характеристики:

– она преобразует не только материальные субстанции (вещество), но и нематериальные (информация, поведение субъектов). Это особенно актуально с точки зрения изучения поведения акторов социально-политического пространства, а также информационно-коммуникативного воздействия на выработку конкретных моделей участия в политическом процессе;

– она может выступать в качестве научного постижения окружающей действительности, в том числе деятельности человеческого сообщества. Это важный аспект, так как дает возможность при помощи технологического подхода исследовать специфику формирования политической культуры подрастающего поколения, а также выработать рекомендации по совершенствованию государственной молодежной политики;

– она опирается в своей функциональной деятельности, с одной стороны, на научные знания, а с другой – на опыт и интуицию. Данный аспект позволяет учитывать не только рационально-научный подход к принятию решений субъектами социально-политической сцены, но и принять во внимание факт практико-ориентированного подхода при выстраивании стратегии акторами политического процесса, а также интуитивного – в рамках политико-культурной составляющей конкретных действий граждан страны;

– влияния технологии на общество столь же очевидно, как и обратное воздействие общества на технологию. Это обстоятельство необходимо брать во внимание, поскольку эффективность технологии зависит в том числе от качественной взаимосвязи технологии и общества. При этом качество данного взаимодействия возможно измерить при помощи реализации тех или иных государственных программ и проектов, форм по-



литического участия, специфики электоральной кампании и т. д.⁴

В целом перечисленные выше характеристики могут быть дополнены. На наш взгляд, это основные концептуальные черты технологии, позволяющие использовать их для формирования политической культуры молодежи. Также следует определиться со смысловым содержанием категории «технология», которого мы будем придерживаться в рамках своего исследования.

Ключевая черта технологии, по нашему мнению, – это эффективность в достижении поставленной задачи, т. е. в преобразовании, улучшении той или иной сферы человеческой деятельности. И здесь важным является управленческий аспект в рамках применения технологии – это позволяет осуществлять непосредственное, целенаправленное воздействие на конкретные субъекты социально-политической действительности. Однако принципиальна при таком воздействии его направленность на повышение эффективности и качества деятельности акторов политического пространства. Для этого зачастую и используются конкретные методы и инструменты достижения результата. Мы считаем, что суть применения технологии в рамках достижения конкретной цели – это соответствие результата использования технологии ожиданиям субъектов, а также задаче социально-политического роста, совершенствования системы.

Еще раз подчеркнем, что основным аспектом смыслового содержания категории «технология» является, по нашему мнению, процесс целенаправленного управленческого воздействия на деятельность субъектов социально-политического пространства с использованием конкретных инструментов и методов достижения результата. При этом вектор направленности применения технологии именно для совершенствования функционирования акторов социально-политического процесса не всегда представляется очевидным. Другими словами, в рамках анализа технологического воздействия на институты политической системы необходимым является исследование корреляции между декларируемыми принципами работы системы и практикой реализации соответствующих социально-политических программ и проектов. Выявление данной корреляции позволит обнаружить степень эффективности применяемых технологий, а также сопоставить целенаправленность технологии и инструменты и методы достижения результата.

Переходя к рассмотрению технологий формирования молодежной политической культуры в современной России, следует отметить, что существует определенное количество технологий, которые оказывают влияние на генерирование политической культуры молодых людей. На наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что выделение таких технологий может идти либо по принципу оказывающих наибольшее влия-

ние на формирование культуры подрастающего поколения в целом, либо исходя из принципа структурности субъектов политической культуры в частности.

Рассмотрим сначала технологии, которые оказывают влияние на формирование как культуры молодежи в целом, так и на политическую в частности:

– *управленческие технологии* – это, в первую очередь, управленческие практики воздействия на субъекты с целью осуществления ими конкретной задачи; взаимодействие строится по принципу соподчинения, хотя в рамках применения данных технологий на первое место, на наш взгляд, как раз и выходит способ управления – жесткая иерархия и единоначалие либо командная работа и паритет. В зависимости от выбранного стиля управления и выстраивается система технологического воздействия на деятельность субъектов социально-политического поля, т. е. подбираются инструменты и методы достижения результата. От этого зависит эффективность использования управленческих технологий, их качество и целесообразность;

– *правовые технологии* – это соответствующие правила поведения субъектов социально-политической действительности, закрепленные официально, несоблюдения которых влечет за собой наложение дисциплинарных мер, вплоть до уголовных. Важными здесь являются соблюдение данных норм всеми участниками социально-политического процесса независимо от материального статуса и положения, а также понимание меры ответственности акторами за принимаемые решения, что нередко указывает на эффективность применения правовых технологий. Также немаловажным аспектом представляется единое понимание норм права всеми членами сообщества, по крайней мере, большинством. Следует также указать на то, что ключевой характеристикой использования правовых технологий является соблюдение процедурности права, т. е. функционирование системы создания, реализации и защиты норм права, другими словами, это права и свободы человека и гражданина и их отстаивание;

– *образовательные технологии* – это система обучения субъектов социально-политического пространства основным знаниям, умениям и навыкам, способствующим формированию полноценной личности, состоявшейся как в профессиональном, так и в психолого-педагогическом плане. Важным аспектом использования данных технологий, на наш взгляд, является генерирование соответствующего мировоззренческого уровня, которое оказывает огромное влияние в том числе на создание системы морально-нравственных качеств индивида. Эффективность образовательного процесса во многом будет зависеть от отсутствия догматичности знания, чрезмерной субъективности в трактовке тех или



иных событий, а также от выработки конструктивного и критического подходов к анализу явлений и процессов;

– *игровые технологии* – это процесс создания, усвоения и применения знаний, умений и навыков в конкретной ситуации как на практике, так и в качестве моделирования такой ситуации, что способствует формированию соответствующих моделей поведения субъектов социально-политической действительности. Следует отметить, что при использовании игровых технологий важным представляется оценка их эффективности с точки зрения анализа возможностей игры влиять на ценностные основания поведения акторов социально-политического пространства.

Помимо отмеченных технологий, оказывающих влияние на генерирование культуры молодых людей в целом и политической в частности, мы можем выделить те, которые соотносятся с основными субъектами социально-политического процесса. В рамках данной классификации будут выделены технологии, которые, на наш взгляд, наиболее ярко проявляют себя именно в рамках анализа молодежной политической культуры и вполне соотносятся со структурой основных институтов, влияющих на конструирование политической культуры:

1) технологии органов государственной власти или административно-правовые (государство) – они непосредственно используются основными государственными политическими институтами для осуществления государственной политики и управления, где в качестве основных форм воздействия на политическую культуру могут выступать: программы и проекты социально-экономического развития регионов, способы и стиль управления, механизмы формирования органов власти и т. д. Ключевым аспектом применения административно-управленческих технологий государственными структурами в рамках формирования политической культуры, в том числе молодого поколения, является, на наш взгляд, анализ организационных особенностей взаимодействия общества и государственных институтов, а также корпоративная культура и роль этического кодекса в деятельности государственного служащего;

2) партийные, избирательные и электоральные технологии (партии) – они оказывают непосредственное влияние на граждан страны как во время электоральной кампании, так и в период подготовки к проведению выборов, в частности, такое воздействие осуществляется посредством политических партий. Следует подчеркнуть, что с точки зрения влияния партийных технологий на генерирование молодежной политической культуры, в том числе и особенности межпартийного диалога важным представляется реальный уровень доверия и поддержки партийной системы со стороны общественности, механизмы рекрутирования членов партии, роль партий-

ных структур в решении социально значимых проблем и т. д.;

3) медийные и информационные технологии (СМИ) – они оказывают непосредственное воздействие на просвещение граждан страны, служат целям эффективной коммуникации между субъектами социально-политического процесса, способствуют расширению мировоззренческого кругозора личности и призваны объективно освещать события мирового, государственного и регионального значения. Отметим, что деятельность СМИ напрямую затрагивает формирование политической культуры подрастающего поколения, обуславливает существование соответствующих моделей политического поведения, а также влияет на политический выбор граждан во время избирательных кампаний, при решении социально значимых проблем, разрешении социально-политических конфликтов;

4) психолого-педагогические и социальные технологии (общественные организации, образовательные учреждения, армия, церковь) – они способствуют адаптации граждан к существующей социально-политической системе за счет политической социализации и идентификации, а также помогают выработать собственную личностную систему ценностей и принципов, естественно влияющих на формирование молодежной политической культуры. К тому же данные технологии определяют возможности межкультурного взаимодействия и межпоколенческого сотрудничества, что оказывает влияние на создание устойчивой модели развития человеческого сообщества с точки зрения стабилизации социально-политической системы.

Указанные выше технологии воздействуют на граждан страны и формируют их ценности, ориентации, устремления и конкретные политические поведенческие привычки. Все это отражает специфику политической культуры общества в целом и молодых людей в частности. Конечно, можно выделить и другие технологии, которые влияют на конструирование политической культуры подрастающего поколения, но, на наш взгляд, вышеперечисленные являются основными, и их анализ позволяет выявить особенности поведенческих моделей молодежи в рамках функционирования социально-политической системы.

Таким образом, на формирование молодежной политической культуры влияют соответствующие технологии, анализ применения которых представляет неподдельный научный интерес. В рамках такого исследования мы сосредоточили свое внимание на игровых технологиях, так как их более тщательное изучение, думается, позволит приблизиться к ответу на вопрос о специфике политических поведенческих моделей молодых граждан страны в частности и российского общества в целом. Однако следует отметить, что при дальнейшем рассмотрении использования



игровых технологий конструирования политической культуры необходимо определиться с возможностями игры влиять на ценностные основания поведения субъектов социально-политического процесса.

Примечания

¹ См.: *Борисенков А. А.* О политической культуре как способе политического бытия // *Философская мысль*. 2012. № 1. С. 102–128. DOI: 10.7256/2306-0174.2012.1.69

² См.: *Тавладов Г. Т.* Политология : учебное пособие. М. : ФАИР–ПРЕСС, 2000.

³ См.: *Литова З. А.* Сущность понятия «технология» на современном этапе // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 2 (50). С. 164–172.

⁴ См.: *Горинский С. Г.* Концепция и модель технологического образования Всемирного Союза ОРТ // *Технология 2000 : Теория и практика преподавания технологии в школе (Т-2000) : материалы VI Международной конференции*. Самара : АНО «ОРТ», 2000. С. 13–27.

Поступила в редакцию 10.11.2020, после рецензирования 18.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 10.11.2020, revised 18.11.2020, accepted 20.11.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–94
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 91–94

Научная статья
УДК 321.022
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-91-94>

Политико-правовые основы функционирования института национально-культурной автономии в контексте стратегии национальной безопасности Российской Федерации



В. А. Труханов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Труханов Виктор Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, truhanov_viktor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-5953>

Аннотация. В статье раскрываются проблемы законодательства в сфере функционирования национально-культурных автономий, влияющих на политику как в регионе, так и на федеральном уровне. Отмечается необходимость реформирования правовых основ функционирования национально-культурных автономий в контексте Стратегии национальной безопасности России.

Ключевые слова: политический процесс, стратегия национальной безопасности, национально-культурная автономия, национально-культурная организация

Для цитирования: Труханов В. А. Политико-правовые основы функционирования института национально-культурной автономии в контексте стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–94. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-91-94>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-91-94>

Political and legal bases for the functioning of the institute of national-cultural autonomy in the context of the national security strategy of the Russian Federation

Victor A. Trukhanov, truhanov_viktor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-5953>

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Abstract. The article reveals the problems of legislation in the sphere of functioning of national and cultural autonomies that affect politics both on regional and federal levels. The author notes the need to reform the legal framework for the functioning of national and cultural autonomies in the context of the national security Strategy of Russia.

Keywords: political process, strategy of national security, national-cultural autonomy, national-cultural organization

For citation: Trukhanov V. A. Political and legal bases for the functioning of the institute of national-cultural autonomy in the context of the national security strategy of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 91–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-91-94>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В национально-этническом отношении Российская Федерация представляет собой уникальное явление. С одной стороны, ее можно считать мононациональной, поскольку более четыре пятых населения русские. С другой стороны, в России насчитывается более 100 этносов, проживающих в целом компактно на своих исторических землях и сохранивших, несмотря на мощное притяжение русского языка и культуры, сознание самобытности, свои языки, культуру, обычаи, традиции. Кроме того, как отмечается в докладе

отдела народонаселения департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, Россия занимает второе место среди стран мира по числу проживающих на ее территории мигрантов из других государств – 11 млн человек¹. Такая миграционная активность способствует в том числе и росту преступности, что следует из статистических данных, опубликованных МВД. Так, в январе–марте 2020 г. мигрантами совершено 9.5 тыс. преступлений, что на 2,2% больше, чем за тот же период 2019 г.². Таким образом, реалии



сегодняшнего дня требуют правового закрепления функционирования национально-культурных автономий не с точки зрения эфемерного советского интернационализма, а с точки зрения прагматизма, лежащего в основе взаимного уважения и безопасности проживающих на территории России национальностей.

В свою очередь, безопасность общества, институтом которого представлены национально-культурные автономии, является витальной потребностью всех субъектов и институтов общества. Поэтому возникает реальная потребность рефлексии соответствия правовых основ национально-культурной автономии как института гражданского общества в России целям и задачам Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия). В Стратегии четко определено, что национальную безопасность в России обеспечивает не только государство, но и гражданское общество. Как отмечают саратовские исследователи данной проблемы, «опыт Саратовской области в реализации государственной национальной политики наглядно подтверждает необходимость взаимодействия государственной власти, власти субъекта РФ и институтов гражданского общества, в том числе национально-культурных автономий. Такое взаимодействие способствует сохранению этнокультурного многообразия, взаимообогащению данных культур, распространению знаний о культуре и истории народов, населяющих Саратовскую область и Российскую Федерацию»³.

Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О национально-культурной автономии» (далее ФЗ «О национально-культурной автономии») ⁴ является основным законом, регулирующим правовые основы национально-культурных автономий в РФ и относится к нормативно-правовым актам России. В целом он соответствует национальным интересам и стратегическим национальным приоритетам Российской Федерации в области национальной безопасности, изложенным в Стратегии национальной безопасности. Однако данный Закон был принят в то время, когда региональная и национальная политика строилась по принципу «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»⁵, а в связи с этим в нем нет упоминаний о национальной безопасности, о взаимодействии национально-культурных автономий с федеральными органами власти в области обеспечения национальных интересов Российской Федерации и национальных приоритетов, об обязанностях и ответственности национально-культурных автономий.

В связи с этим есть необходимость корректировать ряд положений закона применительно к современным внешнеполитическим, внутриполитическим и геополитическим условиям.

В нашем многонациональном государстве, где единственным источником власти являет-

ся многонациональный народ, особое значение имеет состояние национальной безопасности, а также деятельность государства и гражданского общества в области ее обеспечения.

Стратегия национальной безопасности, принятая Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁶ (далее Стратегия), относится к группе нормативно-правовых актов РФ.

Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности РФ и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

В данном документе, начиная с общих положений, говорится о консолидации усилий государственных органов власти и муниципальных органов самоуправления с институтами гражданского общества, к каким относятся и национально-культурные организации, являющиеся организационно-правовой формой национально-культурной автономии.

Национально-культурные общественные организации как организационно-правовая форма национально-культурной автономии являются институтом гражданского общества со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. В соответствии со Стратегией, институты гражданского общества должны консолидировать усилия с федеральными органами власти, органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации (ст. 3). Данное положение имеет исключительно важное значение для успешного функционирования системы обеспечения национальной безопасности, в структуре которой должны занимать определенное место и национально-культурные организации, что должно быть закреплено в ФЗ «О национально-культурной автономии».

Далее, в ФЗ «О национально-культурной автономии» не находит отражения положение Стратегии национальной безопасности о консолидации гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм (ст. 11 Гл. II Стратегии). Это положение важно зафиксировать в разделе нового Федерального закона «О национально-культурной автономии» о воспитании и образовании в общеобразователь-



ных учреждениях на национальном (родном) языке.

Особенно актуальными для функционирования национально-культурных автономий на сегодняшний день становятся положения Стратегии об обострении угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности (ст. 22 Гл. II). Не секрет, что зачастую в преступлениях, связанных с данной проблематикой, участвуют этнические преступные группировки. В связи с этим как в Стратегии, так и в новом Федеральном законе «О национально-культурной автономии» должна быть отмечена озабоченность общества и государства дистанционированием от этих проблем лидеров и членов национально-культурных организаций. Думается, что сотрудничество с правоохранительными органами, как одна из форм взаимодействия института гражданского общества с государством, будет являться важным пунктом в новом Федеральном законе «О национально-культурных автономиях».

Также актуальными на сегодняшний день становятся положения Стратегии о деятельности радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленной на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей (ст. 43 Гл. IV). Данное положение Стратегии должно в обязательном порядке также найти свое отражение и быть закреплено в Законе «О национально-культурной автономии» как конкретная роль национально-культурных организаций в области противодействия радикальным религиозным и националистическим организациям.

Современное информационное пространство значительно отличается от того информационного пространства, которое существовало в XX в., как по своему контенту, так и по тем технологиям, которые используются для распространения информации. Значительно увеличились потоки и объем информации, в которой трудно ориентироваться не подготовленному человеку, что дает возможность субъектам распространения информации фальсифицировать ее, распространять так называемые фейки и тем самым манипулировать сознанием населения, и в частности этнических общин. Особенно болезненно это проявляется в сфере межнациональных взаимоотношений. В связи с этим необходимо закрепить в законодательных основах Российской Федерации положения о решительном противодействии в информационной

войне тем внутренним и внешним силам, которые пытаются раскачать политическую и социальную ситуацию с помощью фальсификации истории межнациональных отношений, выпячивания на первый план негативных моментов в истории России. В частности, в содержание Закона «О национально-культурных автономиях» необходимо внести главу о роли глобального информационного пространства и защите национального бытия.

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности в Российской Федерации национально-культурные автономии должны иметь право создавать механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов, а также противодействия участию российских граждан, членов национально-культурных организаций, в деятельности преступных и террористических группировок за рубежом. Данное положение также должно найти свое отражение в Законе «О национально-культурной автономии» как своевременное информирование органов правопорядка о членах своих организаций, совершающих противоправные действия, ведущих к межнациональным конфликтам и создающих террористическую угрозу.

Среди угроз, характерных для сегодняшнего дня в России, в Стратегии отмечаются угрозы, связанные с размыванием традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослаблением единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии, пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижением роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытками фальсификации российской и мировой истории, противоправными посягательствами на объекты культуры (ст. 79 Гл. IV). Внимание на данных угрозах также требуется акцентировать в Законе РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»⁷ в ст. 21 «Право на культурно-национальную автономию».

Несмотря на то что в Конституции Российской Федерации закреплено идеологическое многообразие и то, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (п. 1, 2 ст. 13), не отрицаются духовно-нравственные основы воспитания на основе патриотизма, подвига народа при защите Отечества, что также закреплено в Конституции РФ (п. 3 ст. 67.1)⁸. Поэтому с целью создания духовно-нравственных основ функционирования системы национальной безопасности в Российской Федерации необходимо зафиксировать в новом Федеральном законе «О национально-культурной автономии», а также в Законе РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» положения, изложенные в Стратегии, о признании первостепенной роли культуры в сохранении и



приумножении традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей, укреплении единства многонационального народа Российской Федерации (ст. 82 Гл. IV). Поэтому важнейшую роль играет грамотная и взвешенная политика властей, нацеленная не только на воспитание толерантности представителей всех этнических групп по отношению друг к другу, но и на решение проблемы социально-экономической и социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в единый полиэтничный социум⁹.

Таким образом, в заключение важно отметить, что хотя Федеральный закон № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» в целом соответствует национальным интересам и стратегическим национальным приоритетам Российской Федерации в области национальной безопасности, но в то же время во многом утратил свою актуальность в контексте Стратегии национальной безопасности. Принятие нового Федерального закона «О национально-культурных автономиях» должно стимулировать развитие национально-культурных автономий как института гражданского общества, способствовать укреплению межнациональных отношений, что окажет свое положительное влияние на укрепление национальной безопасности России, реализацию национальных интересов и стратегических национальных приоритетов.

Кроме того, в Стратегию национальной безопасности, в новый Закон «О национально-культурных автономиях» необходимо внести национально-культурные общественные организации, являющиеся организационно-правовой формой национально-культурной автономии, как субъект обеспечения национальной безопасности с вытекающими отсюда не только правами, но обязанностями и ответственностью перед государством и обществом в сфере обеспечения национальной безопасности.

Нужно также обратить внимание на то, что любое научное исследование проблем начинается с рассмотрения понятийно-категориального аппарата, так как исследование нуждается в выработке строгого понятийного аппарата и теоретическом обосновании, адекватно отражающем существо описываемых явлений. Не может быть исключением и область межнационального общения. На наш взгляд, существует проблема в терминах, связанная с различными трактовками одного и того же понятия. Это касается национально-культурной автономии. Дело в том, что в различных правовых документах по-разному называется данный институт гражданского общества. Так, в Законе РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской

Федерации о культуре» это культурно-национальная автономия и культурно-национальная организация (ст. 21, 24). В то же время есть Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», где закреплены такие названия, как «национально-культурная автономия» и «национально-культурная организация». По нашему мнению, постановка вопроса перед научным сообществом, а также перед субъектами законодательства о приведении к единой трактовке данного понятия повысит качество описываемого явления.

Примечания

- 1 См.: Опубликован доклад ООН о числе иностранных мигрантов – среди лидеров США и Россия. URL: <http://www.newsru.com/world/12sep2013/mirg.html> (дата обращения: 31.10.2020).
- 2 См.: Иностранцы в 2020 году стали чаще совершать преступления в России. URL: <https://ria.ru/20200423/1570458362.html> (дата обращения: 31.10.2020).
- 3 Вилков А. А., Толкунов Н. С. Этнокультурная политика в Саратовской области : проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 324. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-320-325
- 4 См.: О национально-культурной автономии : федер. закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9578> (дата обращения: 31.10.2020).
- 5 Борис Ельцин : «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/> (дата обращения: 31.10.2020).
- 6 См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 31.10.2020).
- 7 См.: Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 01.04.2020). URL: <https://fzrf.ru/zakon/o-kulture-n-3612-1/> (дата обращения: 31.10.2020).
- 8 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
- 9 См.: Вилков А. А. Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 55–62. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-55-62

Поступила в редакцию 16.11.2020, после рецензирования 22.11.2020, принята к публикации 27.11.2020

Received 16.11.2020, revised 22.11.2020, accepted 27.11.2020



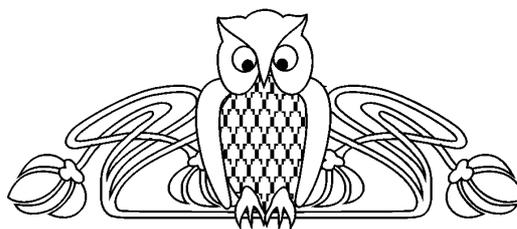
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 95–101
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 95–101

Научная статья

УДК 329.7

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-95-101>

Роль движения ХАМАС в создании палестинского государства: идеология и практика



А. А. Керимов[✉], Ф. М. Рабайя

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, kerimov68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>

Рабайя Фуад Махмуд Ахмад, аспирант кафедры политических наук, rabaia_f@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6206-5745>

Аннотация. Актуальность темы определяется значимостью борьбы палестинского народа за создание собственного государства. Несмотря на наличие огромного количества публикаций на данную тему, ее нельзя считать исчерпанной в связи с тем, что в этом процессе появляются новые акторы, которые по-своему реагируют на внутренние и внешние вызовы, возникающие вокруг проблемы палестинского государственного строительства. Статья посвящена выявлению роли и значения движения ХАМАС в создании палестинского государства. Основное внимание в исследовании уделяется вопросам идеологии этого движения, направлениям и механизмам его практической деятельности, отсутствию единства среди политической элиты Палестины, что негативно сказывается на процессе укрепления палестинского суверенитета и оставляет мало шансов на достижение цели создания палестинского государства. Авторы, проанализировав идеологические установки движения ХАМАС и его методы политической борьбы, приходят к выводу, что пока с этого движения не будет снят ярлык террористической организации, невозможно нивелировать существующие противоречия среди палестинской элиты для ее консолидации и добиться прогресса в урегулировании палестино-израильского конфликта без привлечения движения к переговорному процессу. Методологически данная статья опирается на теоретические разработки как российских, так и зарубежных исследователей. В основу статьи легли общефилософские и социогуманитарные методы. В работе использованы эмпирические данные, полученные из открытых источников.

Ключевые слова: Палестинская национальная автономия, ХАМАС, ФАТХ, ООП, Западный берег р. Иордан, сектор Газа, палестино-израильский конфликт

Для цитирования: Керимов А. А., Рабайя Ф. М. Роль движения ХАМАС в создании палестинского государства: идеология и практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 95–101. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-95-101>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-95-101>

The role of the Hamas movement in the foundation of a palestinian state: Ideology and practice

Alexander A. Kerimov[✉], kerimov68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>

Rabaya Fuad Mahmoud Ahmad, rabaia_f@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6206-5745>

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia

Abstract. The relevance of this topic is determined by the significance of the struggle of the Palestinian people for the foundation of their own state. Despite the huge number of publications on this topic, it cannot be considered exhausted due to the fact that new actors are emerging in this process, which respond in their own way to the internal and external challenges that arise around the problem of Palestinian state-building. The article is devoted to identifying the role and significance of the Hamas movement in the foundation of a Palestinian state. The study focuses on the ideology of this movement, the directions and mechanisms of its practical activities, the lack of unity among the political elite of Palestine, which negatively affects the process of strengthening Palestinian sovereignty and leaves little chance for achieving the goal of foundation of a Palestinian state. Having analyzed the ideological tenets of Hamas and its methods of political struggle, the authors come to conclusion that until the label of a terrorist organization is not removed from this organization, it would be impossible to neutralize the contradictions among the Palestinian elite in order to consolidate and make progress in resolving the Palestinian-Israeli conflict without the involvement of the movement in the negotiation process. Methodologically, this article is based on the theoretical approaches of both Russian and foreign researchers. The article is based on general philosophical and socio-humanitarian methods. The paper uses empirical data obtained from open sources.

Keywords: Palestinian national autonomy, Hamas, Fatah, PLO, West Bank, Gaza strip, the Palestinian-Israeli conflict



For citation: Kerimov A. A., Rabaya F. M. The role of the Hamas movement in the foundation of a palestinian state: Ideology and practice. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politologiy*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 95–101 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-95-101>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

После ФАТХ («Движение за национальное освобождение Палестины») второй крупной политической силой в палестинском обществе является движение ХАМАС («Исламское движение сопротивления»), которое как военно-политическая структура сформировалось в разгар первой палестинской интифады в декабре 1987 г.

Во время первой интифады ХАМАС не столько обозначал свою антиизраильскую ориентацию, сколько конфликтовал со сторонниками ООП (Организация освобождения Палестины) за лидерство, причем Израиль предпочитал не вмешиваться в стычки между палестинскими группировками.

В конце 1988 г. руководство ООП официально выступило с заявлением об отказе от террористической деятельности и согласилось участвовать в мирном процессе урегулирования палестино-израильского конфликта при международном посредничестве. В ответ на это ХАМАС демонстративно встал на путь непримиримой борьбы с Израилем вплоть до его полного уничтожения, а также с любыми проявлениями секуляризма на палестинских территориях, где, в соответствии с установками шейха А. Ясина, должно быть создано исламское государство.

18 августа 1988 г. была официально провозглашена хартия ХАМАС, которая до настоящего времени является программным документом организации. В преамбуле хартии на первое место выносятся строчки, авторство которых принадлежит Х. аль-Банна: «По воле Аллаха всемирного и великого, Израиль будет существовать, пока Ислам не уничтожит его, как и все, что было до него»¹. Далее подчеркивается, что «Движение исламского сопротивления» является одним из филиалов «аль-Ихван аль-муслимун», т. е. «Мусульманского братства», в Палестине. Каждый параграф хартии ХАМАС написан в духе любого документа, характерного для исламских фундаменталистов. Целью движения провозглашаются «борьба с ложью, победа над ней и ее уничтожение, чтобы восторжествовала справедливость, были возвращены родные земли, и из мечетей раздавался бы голос муэдзина, провозглашающий создание государства Ислама, чтобы люди вернулись каждый на свое место»².

Для достижения целей политической программы сторонники ХАМАС считают допустимыми любые средства, включая террор против израильских гражданских лиц. Например, действующее в подполье военное крыло ХАМАС, известное под названием «Бригады Иззадина аль-Кассам», совершило десятки терактов, в результате которых погибли несколько сотен израильтян³. ХАМАС выступает против мирных

переговоров с Израилем, отвергает все договоренности, достигнутые при международном посредничестве между Израилем и ООП, и допускает только заключение временного соглашения с враждебной стороной. В Израиле, США, Канаде, странах Европейского союза ХАМАС причислен к террористическим организациям; в некоторых странах, таких как Австралия и Великобритания, только военное крыло движения, бригада «Изадин аль-Кассам», объявлено террористической организацией. ХАМАС не считается террористической организацией в России, Китае, Иране, Норвегии, Швейцарии, Бразилии, Турции, Катаре, КСА, а также Организацией исламского сотрудничества.

Позиции ХАМАС за рубежом были наиболее прочными в Сирии. Однако после начала сирийского конфликта в 2011 г. ИГИЛ и ряд других исламистских группировок нанесли серьезный удар по силам ХАМАС и некоторым другим группировкам палестинского движения сопротивления и лагерям палестинских беженцев, поскольку они пользовались поддержкой правительства Сирии. После поражения в Сирии, опасаясь усиления активистов «Аль-Каиды» и «Исламского джихада» в секторе Газа, руководство ХАМАС формально прекратило вооруженную борьбу против ООП и Израиля и признало верховенство властей Палестинской национальной автономии (ПНА). Однако правительство Израиля по-прежнему считает ХАМАС «враждебным террористическим образованием» и отказывается от любых контактов с правительством ПНА, объединяющим исламистов из ХАМАС⁴.

ХАМАС завоевал популярность среди палестинцев своей бескомпромиссной позицией в отношении коррумпированных чиновников и коллаборационистов из партии ФАТХ. Большую часть своего бюджета «хамасовцы» тратят на социальные нужды. Еще в 80-е гг. XX в. шейх А. Ясин разработал в соответствии с установками идеологии «Братьев-мусульман» разветвленную систему благотворительности и социальной поддержки малоимущего населения. На финансирование социальных программ создания и поддержки бесплатных детских садов, школ, столовых, библиотек, спортивных секций и т. п. расходовалось 85% бюджета ХАМАС⁵. Между тем на Западном берегу реки Иордан процветали коррупция и хищение бюджетных средств, которые поступали в основном от международных донорских организаций.

После введения Израилем в 2005 г. тотального осадного режима в секторе Газа и проведения трех масштабных военных операций созданная ХАМАС модель социальной поддержки населе-



ния стала давать сбой, вследствие чего авторитет радикальных исламистов заметно снизился. Данные социологического опроса (февраль 2017 г.) показали, что если бы выборы на палестинских территориях были проведены сейчас, то за ФАТХ отдали бы свои голоса 35,4% избирателей, а за ХАМАС – 16,3%; создание исламского государства, основанного на законах шариата, поддерживают только 1,2% палестинцев, причем в секторе Газа – всего 0,2%⁶. Следует отметить, что все попытки ХАМАС навязать религиозные ценности салафизма и архаичные нормы и законы наталкивались на глухую стену неприятия со стороны палестинского общества не только на Западном берегу, но и в Газе. Единственное, чего удалось добиться исламистам, – это реформировать систему светского высшего и среднего образования, созданную в Газе Министерством образования ПНА, и ввести обязательное изучение всех видов исламских религиозных дисциплин во всех учебных заведениях. Однако даже организованная местными должностными лицами ХАМАС кампания по ношению хиджаба в общественных местах, который, кстати, никогда не был частью традиционной женской одежды в Палестине, не увенчалась успехом и даже вызвала возмущение, особенно среди молодежи. Официальные лица ХАМАС были вынуждены отступить и признать, что у них «не было никаких планов навязывать исламское право, а отдельные инциденты не были политикой, но мы верим в убеждение, и исламский закон станет желаемым стандартом»⁷.

Очевидно, что сейчас, в период бурного политизированного, в том числе радикального ислама в основной массе палестинского сообщества по-прежнему преобладают сторонники светской формы национализма. Доктрина радикального ислама не прижилась на Западном берегу даже тогда, когда арабский мир захлестнула волна «весенних» революций. Как показывает практика, действия палестинцев Западного берега приобретают религиозный характер только тогда, когда возникает угроза изменению статуса Храмовой горы или сохранению исламских мечетей, памятников и святынь, расположенных на «Харам аш-Шариф». Достаточно сказать, что посещение лидером националистического блока «Ликуд» А. Шароном Храмовой горы в сентябре 2000 г. спровоцировало вторую, фактически не прекращающуюся до сих пор «интифаду Аль-Акса»⁸.

Итак, если на Западном берегу ислам воспринимался большинством арабоязычного населения как важнейший фактор культурно-исторического развития, комплекс мер, определяющих этику, мораль, нравственность и т. п., но никогда не был средством воспитания дикого фанатизма и инструментом достижения политических целей, то в Газе ситуация была иной. С точки зрения географии сектор соприкасается с Египтом – родиной салафитской организации «Братьев-мусульман», основатели и идеологи которой Х. аль-Банна и С. аль-

Кутб проповедовали и стремились утвердить исламский правопорядок в первоизданном его виде во всех исламских государствах. С 1948 по 1967 г. сектор Газа находился под контролем Египта. Тысячи обездоленных и изгнанных со своих земель палестинцев становились здесь благодатным материалом, который быстро впитывал радикальные идеи мусульманского экстремизма. Именно из идеологии «Братьев-мусульман» происходят все исламистские организации Газы, включая ХАМАС.

Организация ХАМАС, как уже было отмечено, была создана в 1987 г. по инициативе шейха А. Ясина. В 1973 г. А. Ясин создал в Газе «Исламский центр по координированию социальных программ», который стал источником распространения салафитской идеологии «Братьев-мусульман» в Газе. Весьма примечательно, что «Исламский центр» и просветительская вначале деятельность А. Ясина поощрялись и даже финансировались израильским военным командованием в секторе, которое стремилось внести раскол и дезорганизацию в ряды ООП посредством поддержки альтернативной панарабизму концепции и сепаратистских настроений внутри палестинского движения сопротивления. В то же время деятельность ФАТХ и других группировок, входивших в состав ООП, жестко подавлялась в Газе израильскими военными. Известный аналитик ЦРУ Л. Джонсон доказывает, что ХАМАС – это продукт израильских спецслужб. В частности, он отмечает, что «израильяне напоминают того парня, который поджигает себе волосы, а затем пытается потушить огонь ударами молотка, и они делают больше для того, чтобы спровоцировать и поддержать терроризм, чем для того, чтобы сдержать его»⁹.

Как показывает хронология событий, ни ООП, ни ФАТХ, ни ХАМАС никогда последовательно не придерживались своих политических заявлений. В частности, несмотря на строгий доктринальный документ 1988 г., ХАМАС неоднократно заявлял о возможности сосуществования с Израилем. Например, еще в 1993 г. духовный лидер и основатель движения шейх А. Ясин объявил о возможности заключения долгого перемирия с Израилем. В последующие годы представители ХАМАС неоднократно упоминали эту инициативу. В январе 2004 г. один из лидеров движения, А. А. Арманти, выступил с реалистичной позицией, признав, что «на данном этапе трудно освободить всю нашу землю – историческую Палестину, поэтому мы принимаем поэтапное освобождение»¹⁰ с созданием палестинского государства в границах 1967 г. По мнению Г. И. Мирского, такой поворот в вопросе признания Израиля был предопределен пониманием очевидности существования Государства Израиль и невозможности успешной борьбы на данном этапе, а в дальнейшем же успешную борьбу по освобождению Палестины от израильского присутствия палестинская политическая элита связывала с двумя факторами: «...во-первых, демографическим, т. к. на земле



“исторической Палестины” проживает 5,4 млн евреев и примерно столько же арабов (2,4 млн на Западном берегу, 1,4 млн в Газе и 1,4 млн в Израиле), но коэффициент рождаемости у евреев – 2,69, а у арабов-мусульман – 4,03. Кроме того, палестинские политики полагают, что Израиль не сможет ни аннексировать Западный берег (тогда он будет уже не еврейским, а арабо-еврейским государством), ни бесконечно вторгаться в арабские города при возникновении беспорядков, неизбежных ввиду нежелания палестинцев жить в условиях хотя бы частичной оккупации; во-вторых, надежды возлагаются на то, что Израилю будет крайне трудно выдержать новый тип войны. Войны не против армий арабских государств, как это было в прошлом, когда израильская армия обычно побеждала, а против “народных вооруженных сил” типа “Хезболла”, весьма успешно показавшей себя в прошлогодней войне в Ливане, в сочетании с ракетными обстрелами израильских городов и акциями смертников – “шахидов”. Вероятно, рано либо поздно наиболее образованная, состоятельная и активная часть еврейского населения не выдержит всего этого и уедет в Америку»¹¹.

Однако если до 2006 г. заявления о поэтапном освобождении Палестины носили эпизодический характер и скорее напоминали намеки на новую тактику ХАМАС в отношении Израиля и международного сообщества, то со второй половины 2000-х гг. фраза «границы 1967 года» прочно вошла в политическую риторику лидеров движения. Даже после победы на парламентских выборах в 2006 г. лидеры ХАМАС сохранили относительно мягкий тон заявлений об Израиле и мирном процессе – это объясняется тем, что на тот момент необходимо было превратить свой электоральный успех в реальную власть не только в законодательном органе, который традиционно играет незначительную роль в политической системе палестинской автономии. Приоритетной задачей ХАМАС в то время было формирование коалиционного правительства с движением ФАТХ, которое по-прежнему пользовалось популярностью у значительного количества палестинцев, контролировало финансовые структуры и структуры безопасности ПНА и было признано членом ООП – единственного законного представителя палестинского народа со стороны международного сообщества и Израиля. Руководители ХАМАС стремились смягчить невыгодный имидж радикальных и непримиримых джихадистов на принципиальных, но гибких политиках, с которыми можно вести переговоры.

Начало 2006 г. выдалось продуктивным в звучании новых идей, касающихся решения палестинской проблемы. Движение ХАМАС ясно выразило намерение создать государство на части исторической Палестины, которое будет существовать бок о бок с Израилем. В то же время любые предварительные уступки со стороны ХАМАС (изменение устава, признание Израиля и

соглашений Осло, отказ от вооруженных методов борьбы) отвергались до тех пор, пока не были достигнуты реальные результаты мирного процесса. Движение не отказалось от своих притязаний на остальную палестинскую территорию, оккупированную Израилем, и по-прежнему привержено более отдаленной цели полной ликвидации еврейского государства, хотя этот последний этап палестинской борьбы обычно не упоминается в документах организации или в речах и публикациях ее лидеров. В этой связи, а также из-за нежелания ФАТХ делиться властью с представителями ХАМАС правительство И. Хани, созданное в конце марта 2006 г., не получило широкого международного признания и не было жизнеспособным¹². В то же время Запад, ведущие арабские государства, а также Израиль заявили о своей поддержке М. Аббаса и его администрации, которая имела власть только на Западном берегу. Режиму М. Аббаса была обещана помощь, разморожены финансовые средства, перечисляемые палестинцам. Фактически наиболее значимая часть мировой общественности солидаризировалась с М. Аббасом, который назвал хамасовцев путчистами, «кровавыми убийцами» и заявил, что «отныне не может быть никакого диалога с этими террористами»¹³.

В 2006 г. экономическое положение автономии значительно ухудшилось, и между боевыми бригадами ФАТХ и ХАМАС произошли вооруженные столкновения. Причинами внутripалестинского конфликта были не религиозные факторы и не тактические разногласия, между двумя силами остро стоял вопрос о власти. Вооруженная борьба закончилась тем, что сторонники ХАМАС были частично арестованы и частично выведены из всех структур органов управления на Западном берегу. В результате территория, находящаяся под властью ПНА, была разделена на две части: движение ХАМАС обосновалось в Газе, а ФАТХ установил свою власть на Западном берегу. Причем каждая из двух не признающих друг друга властей может считать себя легитимной, поскольку правительство И. Хани (ХАМАС) опирается на законное, демократическим образом избранное парламентское большинство, а М. Аббас (ФАТХ) является всенародно избранным главой ПНА.

После раскола палестинской автономии лидеры ХАМАС не отказались от попыток примириться с ФАТХ, получить международное признание, а также защитить себя от военной интервенции Израиля. Изоляция и строительство исламского государства в секторе Газа не были самоцелью для ХАМАС¹⁴. Движение позиционировало себя как антиамериканскую политическую организацию, а не как террористическую группу и хотело воспользоваться своим правом (полученным на законных парламентских выборах), чтобы сформировать правительство. Кроме того, обе стороны поняли, что палестинцы, как в Газе, так и на Западном берегу, требуют прекращения политических распрей. Это вынудило ХАМАС и ФАТХ предпринять по-



пытки примирения. 23 марта 2008 г. при посредничестве Йемена между ними была подписана «Санайская декларация», которая предусматривала возобновление диалога. Однако неоднократные взаимные предложения ХАМАС и ФАТХ о начале переговоров о восстановлении единства и аналогичных апелляциях Египта и Саудовской Аравии не привели к позитивным результатам. Противоречия между движениями оказались слишком глубокими, и США и Израиль продолжали выступать против их примирения и оказывали давление на М. Аббаса. Более того, после распада автономии палестинский президент возобновил переговоры в американском городе Аннаполис с Израилем о мире, они оказались безуспешными и закончились началом израильской операции «Литой свинец» против ХАМАС в секторе Газа в конце декабря 2008 г. – начале января 2009 г. Таким образом, сам факт переговоров в Аннаполисе еще более осложнил отношения между ФАТХ и ХАМАС¹⁵.

В период 2006–2010 гг. начинаются сдвиги в идеологии ХАМАС, и палестино-израильский мирный процесс зашел в тупик. Движение ФАТХ, которое изначально было более склонно к уступкам, чем ХАМАС, не смогло добиться результатов в ходе переговоров с израильским правительством Э. Ольмерта в 2007–2008 гг. и в ходе переговоров при посредничестве президента США в 2009–2010 гг. Отказ нынешнего (с апреля 2009 г.) премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху прекратить строительство еврейских поселений на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме не позволил сторонам обсудить параметры мирного урегулирования: пограничные вопросы, возвращение беженцев, пограничный контроль и т. д. По всей вероятности, М. Аббас рассчитывал на давление Вашингтона, но осенью 2010 г. США не смогли убедить Б. Нетаньяху прекратить строительство на оккупированных территориях, что с палестинской стороны стало основным условием возобновления переговоров. После неудачи в диалоге с Израилем М. Аббас устремился к одностороннему провозглашению независимости и вступлению Палестины в ООН, а также вернулся к популярной идее масс для восстановления палестинского единства. Представляется, что в случае примирения М. Аббаса с ХАМАС заявление в ООН о признании палестинского государства выглядело бы более серьезным в глазах мирового сообщества.

Впоследствии улучшению отношений между этими двумя движениями (ХАМАС и ФАТХ) способствовал резкий рост социальной и политической активности на Ближнем Востоке и в Северной Африке в начале 2011 г.

Президенты Туниса и Египта были свергнуты, выступления оппозиции в Иордании, Йемене, Ливии и Сирии закончились вооруженными конфликтами. В результате 4 мая 2011 г. ФАТХ и ХАМАС подписали в Каире соглашение о формировании единого правительства «независимых

технократов», а также согласились провести президентские и парламентские выборы в автономии в течение года. Документ был посвящен исключительно внутripалестинским проблемам. Лидеры ХАМАС немедленно сделали уже знакомые заявления о том, что они не собираются признавать Израиль, но готовы создать палестинское государство в границах 1967 г. без каких-либо территориальных уступок и сосуществования с израильским соседом. Комментируя соглашение с ФАТХ, они подчеркнули тот факт, что данное соглашение объединяет позиции двух движений. Интересно то, что в документе не упоминалось, что для ХАМАС создание государства на Западном берегу и в секторе Газа является лишь промежуточным этапом в разрешении палестинской проблемы.

Большим внешним риском для ФАТХ стало свержение президента Египта Х. Мубарака, который поддерживал движение и был главным региональным соучредителем мирного процесса, а также контролировал южную границу сектора Газа. Для ХАМАС же негативным стало ослабление президента Сирии Б. Асада, поскольку внешнее руководство движения базировалось в Дамаске, а сирийский режим облегчал отношения между палестинскими лидерами и Ираном, одним из самых важных союзников, поставщиком оружия и финансовым донором.

Будучи признанной террористической организацией, ХАМАС отрезан от официальной помощи, оказываемой Соединенными Штатами и Европейским союзом ООП на Западном берегу реки Иордан. Исторически сложилось так, что большая часть финансирования движения поступала от палестинских эмигрантов и частных доноров из стран Персидского залива. Кроме того, некоторые исламские благотворительные организации на Западе направили деньги группам социального обслуживания, поддерживаемым ХАМАС, что вызвало замораживание активов Казначейством США. В 2006–2007 гг. границы с сектором Газа были закрыты, что ограничило передвижение товаров и людей в этот район и из него. Израиль до сих пор продолжает морскую блокаду сектора¹⁶. До недавнего времени через территорию Египта проходила сложная сеть туннелей, что позволяло доставлять в сектор Газа товары первой необходимости, такие как продовольствие, медикаменты и дешевый газ, а также строительные материалы, наличные деньги и оружие. Такая контрабанда оказывала определенную материальную помощь жителям Газы, а движение ХАМАС взимало налог с таких операций, ставший его основным источником дохода. Изменение региональных условий не только изолировало ХАМАС политически, но и нанесло серьезный ущерб фиксированию движения¹⁷.

После известных египетских событий 2013–2014 гг. официальный Каир к движению ХАМАС относится враждебно, поскольку, по его мнению, данное движение является приверженцем идей



организации «Братьев-мусульман». Египетская армия закрыла большую часть туннелей, входящих на ее территорию, в ходе кампании по борьбе с повстанцами на своей стороне границы на Синайском полуострове.

Начиная с 2011 г. движение ХАМАС также дистанцировалось от Ирана, основного благотворителя, из-за поддержки Тегераном сирийского президента Б. Асада и репрессий против активистов оппозиции. По этому поводу СМИ сообщали, что Иран сократил финансирование ХАМАС и пытается укрепить свои связи с другими группами сопротивления в регионе, такими как «Исламский джихад»¹⁸. Также в значительной степени сократилась и финансовая поддержка движения со стороны Катара, поскольку связь с ХАМАС стала сопутствующим ущербом усилиям страны по установлению связей с соседями, которые дистанцировались от «Братьев-мусульман» в Египте.

Совокупный эффект от такого финансового давления стимулировал ХАМАС в апреле 2014 г. к достижению соглашения о примирении с ФАТХ. Однако, несмотря на сделку, Палестинская администрация не предоставила зарплаты более чем сорока тысячам государственных служащих сектора Газа, которые были наняты ХАМАС, что, по мнению многих аналитиков, является фактором, способствовавшим всплеску насилия в 2014 г. Движение ХАМАС в 2017 г. было вынуждено предпринять тактический шаг для спасения ситуации в секторе Газа и согласилось на заключение соглашения о примирении с ФАТХ, которое израильская сторона расценила как «всеобщую палестинскую капитуляцию»¹⁹.

Соглашение о примирении между давними политическими оппонентами было подписано в октябре 2017 г., в котором М. Аббас (глава палестинского правительства и председатель ФАТХ) передал свое наследие ХАМАС, и ХАМАС показало, что оно достаточно сильно, чтобы не прекращать вооруженную борьбу. На этот шаг лидера ФАТХ, по-видимому, подвигли высказывания новой администрации США Д. Трампа и полное игнорирование требований главы ООП по ключевым вопросам, в том числе по вопросу о размещении американского посольства и признании Иерусалима столицей Израиля.

Стремление к общенациональному лидерству также не чуждо нынешнему руководству ХАМАС. Именно этим обстоятельством можно объяснить появление у движения ХАМАС в мае 2017 г. новой программы. В соответствии с новыми руководящими принципами организация решила отказаться от призывов к немедленному уничтожению Израиля, а также от сотрудничества с движением «Братья-мусульмане». Тем не менее, ХАМАС по-прежнему не признает право Израиля на существование и продолжает поддерживать борьбу с ним, но уже готово пойти на признание границ Палестины, образовавшиеся в результате Шестидневной войны 1967 г. Хро-

нология событий показывает, что этот документ был принят до заключения соглашения о примирении с ФАТХ и никак не связан с поражением позиции ООП в вопросе о статусе Иерусалима.

Необходимо отметить, что данное изменение политики ХАМАС произошло впервые после официального основания организации и принятия рассмотренной выше Хартии 1988 г. Более того, в новом документе подчеркивается, что ХАМАС ведет борьбу не против иудаизма как религии и не против евреев, а именно против «оккупации сионистских агрессоров». Такой разворот можно считать попыткой достичь статуса стороны конфликта, снять с организации ярлык «террористической организации», который не позволяет лидерам ХАМАС участвовать в переговорном процессе. В то же время сам по себе факт начала таких переговоров (между ХАМАС и руководством Израиля) трудно себе представить в силу того, что в таком случае ХАМАС придется изменить своим принципам, изложенным в упомянутой Хартии – а именно принципу неучастия ни в каких «мирных инициативах».

Определенные сдвиги в подходе ХАМАС к палестинской проблеме и Израилю, проявляющиеся в его готовности создать государство на части территории исторической Палестины, очевидны. После того как движение ХАМАС (после смерти Я. Арафата) стало более весомым игроком на палестинской арене, стремящимся не ограничиваться оппозиционной деятельностью в отношении ФАТХ и вооруженной активностью в отношении Израиля, руководители исламистов заняли прагматичную позицию. Им понадобилось придать гибкость идеологической платформе. Однако значение миролюбивых заявлений о границах 1967 г. не следует преувеличивать, так как они не означают отказа от максималистских требований. Это не изменение идеологии движения – скорее демонстрация потенциального вектора его эволюции. Нидерландский исследователь Ф. Янсен указывает, что «позиция ХАМАС по вопросу об урегулировании конфликта основана на концепции частичного решения проблемы, в ней делается различие между тем, что возможно, и тем, что в существующих условиях нереалистично»²⁰.

Прагматизм ХАМАС не ограничивается его готовностью взаимодействовать с Израилем, он проявляется также в том, что движение не отказывается от вооруженной борьбы и продолжает не признавать Израиль, поскольку для ХАМАС важно поддерживать баланс между политическими и дипломатическими действиями и вооруженной деятельностью. Тем самым движение стремится сочетать имидж реалистичной и готовой к диалогу палестинской силы и военной организации, непреклонно сражающейся за независимость палестинского народа. В этой связи для ХАМАС оказываются «полезными» не только предложения построить отношения с Израилем по китайско-тайваньской модели, но и периоди-



ческие эскалации насилия. По сути, движению ХАМАС удалось в своей политике соединить идеологические обязательства и практические нужды. Для этого были предложены концепции худны и мукаввамы (сопротивления). Последняя означает ведение с Израилем длительной войны на истощение, которая может ненадолго прерываться для восстановления палестинских сил.

Однако после событий октября 2017 г., когда США недвусмысленно заявили о признании Иерусалима столицей Израиля, ХАМАС объявил третью интифаду. Инициативы Вашингтона в лице Д. Трампа перечеркнули многолетние попытки поиска мирного урегулирования конфликта, а движение ХАМАС стало последним боевым движением, не отказавшимся от военных методов борьбы за освобождение Палестины. Признание ХАМАС стороной конфликта возможно только в том случае, если движение откажется от террора как средства воздействия на Израиль. Однако история последних дипломатических шагов США в арабо-израильском конфликте показывает несостоятельность надежд на мирное урегулирование в ближайшем будущем именно в силу того, что Израиль и США игнорируют позицию палестинской стороны, выражаемую как ООП и ФАТХ, так и движением ХАМАС.

Таким образом, необходимо отметить, что в целом в политическом истеблишменте Палестины существуют разные подходы к арабо-израильской проблеме: ООП стремится к политике компромиссов с Западом, хотя и не результативным; ФАТХ фактически отказался от вооруженных методов борьбы, но признает религиозное значение Палестины, а ХАМАС идет на тактические уступки в своей идеологической платформе, но не признает государство Израиль, требует возвращения границ Палестины к состоянию на 1967 г., а также апеллирует к религиозным ценностям и догматам Корана. Несмотря на то что ХАМАС не признают США и другие представители Запада, рассматривая движение как террористическую организацию, именно данная структура демонстрирует наибольшую последовательность в своей политике и действиях в качестве национально-освободительного боевого движения.

Примечания

- ¹ Hamas Covenant 1988. The Covenant of the Islamic Resistance Movement. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/hamas.asp (дата обращения: 05.09.2020).
- ² Там же
- ³ См.: Федорченко А. В., Крылов А. В., Морозов В. М. Государство Палестина : право на будущее. М. : МГИМО-Университет, 2018. С. 158.

- ⁴ Там же. С. 160.
- ⁵ См.: Phillips D. L. From Bullets to Ballots : Violent Muslim Movements in Transition. Brunswick (USA), London : Transaction Publishers, 2008. P. 78.
- ⁶ См.: The Jerusalem Media & Communications Centre. Poll № 89. February 2017. Gender, Equality and Politics. P. 9–15. URL: <http://www.jmcc.org/documentsandmaps.aspx?id=874> (дата обращения: 05.09.2020).
- ⁷ Moran R. Hamas bans women dancers – and scooters too // American Thinker Blog. November 30, 2009. URL: https://www.americanthinker.com/blog/2009/11/hamas_bans_women_dancers_and_s.html (дата обращения: 05.09.2020).
- ⁸ Федорченко А. В., Крылов А. В., Морозов В. М. Указ. соч. С. 154.
- ⁹ Analysis : Hamas history tied to Israel // UPI International. 2002. 18 June. URL: <https://www.upi.com/Defense-News/2002/06/18/Analysis-Hamas-history-tied-to-Israel/82721024445587/> (дата обращения: 05.09.2020).
- ¹⁰ Khaled H. A «New Hamas» through Its New Documents // Journal of Palestine Studies. 2006. Vol 35, № 4. P. 6–27. <https://doi.org/10.1525/jps.2006.35.4.6>
- ¹¹ Мирский Г. И. Палестинский узел : ни развязать, ни разрубить // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5, № 4. С. 228.
- ¹² См.: The new Hamas government and its political platform // Intelligence and Terrorism Information Center at the Center for Special Studies. March 29, 2006. URL: http://www.terrorism-info.org.il/malam_multimedia/English/eng_n/pdf/hamas_gov_e.pdf (дата обращения: 05.09.2020).
- ¹³ Мирский Г. И. Указ. соч. С. 229.
- ¹⁴ См.: Hamas senior Mahmoud al-Zahar has recently given a vicious anti-Semitic speech. November 11, 2010. URL: http://www.terrorism-info.org.il/malam_multimedia/English/eng_n/html/ipc_e141.htm (дата обращения: 05.09.2020).
- ¹⁵ См.: Reuven E. Hamas is conducting a «smile spine» for the West, particularly the United. August 3, 2009. URL: <http://www.think-israel.org/erlich.hamassmilespin.html> (дата обращения: 05.09.2020).
- ¹⁶ См.: The Legality of the Israeli Naval Blockade of the Gaza Strip // European Journal of Current Legal Issues. URL: <http://webjcli.org/article/view/207/277> (дата обращения: 05.09.2020).
- ¹⁷ См.: Occupied Palestinian Territory and Israel. URL: <https://www.oxfam.org/en/countries/occupied-palestinian-territory-and-israel> (дата обращения: 05.09.2020).
- ¹⁸ См.: The Legality of the Israeli Naval Blockade of the Gaza Strip.
- ¹⁹ The Times of Israel : Соглашение о примирении между ФАТХ и ХАМАС является общей палестинской капитуляцией. URL: <http://ar.timesofisrael.com/> (дата обращения: 05.09.2020).
- ²⁰ Janssen F. Hamas and its Positions Towards Israel : Understanding the Islamic Resistance Organization through the concept of framing. The Hague : Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2009. P. 68.

Поступила в редакцию 15.09.2020, после рецензирования 27.09.2020, принята к публикации 10.10.2020
 Received 15.09.2020, revised 27.09.2020, accepted 10.10.2020



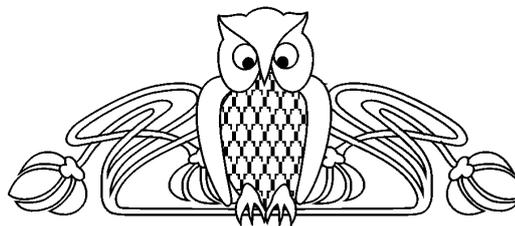
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 102–109
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 102–109

Научная статья

УДК 322

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-102-109>

Операция по поддержанию мира в Мали: от миротворчества к публичной дипломатии



К. Е. Макарова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Макарова Ксения Евгеньевна, преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, nilsy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3531-1397>

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных процессов в Мали. Автор рассматривает попытки малийского государства, Франции как бывшей метрополии и государства, которое включает Мали в свою традиционную сферу влияния, и международного сообщества в целом по урегулированию непрекращающегося кризиса в стране. Результаты данного исследования показали многослойность кризиса в Мали, а самостоятельные попытки Франции по урегулированию кризиса в совокупности с миротворческими миссиями ЕС и ООН позволили создать рамки для этого урегулирования путем подписания договора в Алжире в 2015 г., после чего основными задачами стали миростроительство и борьба с террористическими группировками. Особое внимание в статье уделяется миссии ООН в Мали.

Ключевые слова: Мали, МИНУСМА, Сервал, Бархан, гуманитарная интервенция

Для цитирования: Макарова К. Е. Операция по поддержанию мира в Мали: от миротворчества к публичной дипломатии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 102–109. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-102-109>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-102-109>

UN peacekeeping in Mali: From peacekeeping to public diplomacy

Kseniya E. Makarova, nilsy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3531-1397>

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Abstract. The article is dedicated to analysis of current processes in Mali. The author examine efforts of Malian state, France, as former metropole, and state that include Mali in its traditional zone of influence, and the whole international community to de-escalate the conflict. Results of this particular research showed multiple layers of the conflict.

Keywords: Mali, MINUSMA, Serval, Barkhane, humanitarian intervention

For citation: Makarova K. E. UN peacekeeping in Mali: From peacekeeping to public diplomacy. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 102–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-102-109>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

После холодной войны характер конфликтов значительно изменился, как следствие, появились предпосылки для развития миротворчества. Первоначально это представляло собой деятельность по обеспечению прекращения огня между конфликтующими сторонами. Однако тенденцией последних десятилетий стало превращения миротворческих миссий в деятельность по стабилизации постконфликтного общества и защите гражданского населения.

На данный момент ООН ведет 13 операций по поддержанию мира (ОПМ). Под ОПМ

мы понимаем совокупность военных и невоенных действий, осуществляемых на основании резолюции СБ ООН или военно-политического руководства коалиции стран (ОБСЕ, НАТО, СНГ и др.) особыми группировками различных войск, сил и средств для предупреждения, локализации и ликвидации последствий военных конфликтов, появляющихся между суверенными государствами или внутри них на почве политических, экономических, территориальных, националистических и религиозных противоречий¹.



Миротворческая миссия предполагает, в первую очередь, переброску сил в район конфликта, их размещение, создание буферных зон, проведение военных и невоенных акций по подавлению и разоружению комбатантов. Невоенные функции такой миссии включают: оказание помощи жертвам боевых действий, обеспечение мирного процесса, ведущего к переговорам между сторонами конфликта, установление контроля над выполнением достигнутых соглашений, принятия необходимых мер по постконфликтному урегулированию².

Главной задачей является создание условий для политического диалога, политических решений, устранения глубинных причин конфликтов и, как результат, национального примирения³.

Целью данной статьи является определение результатов оказанного на ситуацию влияния военного присутствия международного сообщества на территории Мали. Для достижения поставленной автором цели были использованы следующие методы: общенаучные методы (синтез, анализ), частнонаучные методы (хронологический метод).

Тема, выбранная автором, является мало разработанной в российской литературе (А. А. Быстров, Ф. О. Трунов, Л. Л. Фитуни, А. Ю. Чихачев, Ю. С. Бирон), что предопределяет новизну данного исследования. Особенно можно выделить работы В. Р. Филиппова («Мали: битва за уран»⁴, «Приоритеты африканской политики Э. Макрона: операция “Бархан”»⁵), направленные на изучение природы малийского кризиса, и С. В. Мезенцева, исследовавшего французскую контртеррористическую операцию «Сервал» в Мали.

Внутренние аспекты кризиса в Мали

В 2012 – начале 2013 гг. обнаружилась настоящая угроза полного обрушения государственной власти в Мали, появились все предпосылки для того, чтобы территория превратилась в «рассадник» терроризма. На севере Мали борьба туарегов за независимость перешла в открытую фазу, чему способствовало прибытие в страну бойцов-туарегов, служивших до этого в элитных частях армии М. Каддафи⁶. 6 апреля 2012 г. сепаратисты объявили о создании непризнанного независимого государства Азавад. Весной-летом 2012 г. большая часть северных территорий оказалась под властью террористических группировок: «Ансар-Ад-Дин» и «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКСИМ). Таким образом, ситуация в Мали пошла по следующему сценарию: радикализация лагеря антиправительственных сил и утрата «умеренными» группировками своего влияния по мере затягивания боевых действий⁷. После смены руководства (государственный переворот в марте 2012 г. под началом капитана А. Саного, затем под давлением мирового

сообщества временным президентом стал бывший глава Национального собрания Д. Траоре) ситуация не улучшилась: власти оказались неспособны противостоять натиску террористических структур, к которым присоединились отряды радикальных туарегов. Как следствие, власти обратились за военной помощью к Франции.

Основным документом по разрешению кризиса на севере Мали является Соглашение по примирению, которое было подписано в Алжире в 2015 г. между Правительством Мали и группировками мятежников, в частности «Координацией движений Азавад» и «Платформой». Первая включает «Национальное движение за свободу Азавада», «Высший совет единства Азавада», «Арабское движение Азавада», «Коалицию народа Азавада» и «Координацию движение и патриотических фронтов сопротивления». «Платформа» включает отделившуюся часть «Координации движения и патриотических фронтов сопротивления», «Группу самообороны Имгхада туарегов»⁸. Предметом переговоров стала ситуация в Мали, при которой на севере страны мятежниками были образованы самопровозглашенное государство туарегов Азавад и «Национальное движение за освобождение Азавада»⁹. Договор обязывает стороны уважать суверенитет Мали и настаивает на территориальной целостности страны. Особо подчеркивается приверженность сторон борьбе с терроризмом и транснациональной международной преступностью, в том числе и с наркотрафиком. Соглашение направлено на создание благоприятных условий для долговечного мира на территории Мали, способствованию его региональной стабильности и международной безопасности, в нем описываются меры, направленные на улучшение управления в различных сферах. Одним из пунктов нормализации ситуации является приглашение сторонами гуманитарных агентств и организаций, которые бы обеспечивали репатриацию, реинтеграцию и реабилитацию для всех беженцев.

Вторым эпицентром нестабильности Мали являются неблагоприятные процессы, происходящие в центре страны: в регионах Мопти и Сегу. Насилие распространяется на юго-западе и вдоль границ с Нигером и Буркина-Фасо. Здесь можно выделить два драйвера этих процессов: межэтническое насилие и джихадистское насилие против государства и его сторонников¹⁰.

Межэтническое насилие направлено против гражданского населения, межобщинное насилие происходит из-за конфликтов за землю и местные ресурсы.

Джихадистское насилие связано, прежде всего, с джихадистской группой «Катиба Масина», частью группы поддержки ислама и мусульман (Groupe de soutien a l'islam et aux musulmans – GSIM). Их деятельность характеризуется прямым насилием против малийских сил безопасности и против МИНУСМА (United Nations



Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali – MINUSMA) (ОПМ ООН в Мали), оно также выражается в нападениях на представителей власти (работников администраций, учителей и т. д.). Говоря о джихадистах, следует отметить, что они пытаются использовать местные межэтнические конфликты, чтобы рекрутировать население. Так, превращение внутренних конфликтов в этнические усилило восприятие Пелов как террористов.

Основным документом по урегулированию процессов в центре является План по обеспечению безопасности центральных регионов Сегу и Мопти (Plan de sécurisation intégrée des régions du centre – PSIRC). Основная цель плана – значительное сокращение причин нестабильности региона, особенно террористической угрозы, предпринимая для этого действия в сферах безопасности, управления, местного развития и коммуникации. Задачи этого плана включают: во-первых, восстановление порядка, а также усиление местных сил безопасности в центральном регионе; во-вторых, улучшение госуправления; в-третьих, деятельность по социально-экономическому развитию; в-четвертых, информирование, разъяснение угроз безопасности населению, а также участие гражданского общества в этой работе¹¹. План, созданный в 2017 г., до сих пор не принес практических результатов, поэтому работа продолжилась уже в новой структуре, созданной с июня 2019 г. (согласование с Мопти) по июнь 2020 г. (согласование с Сегу), – комитете Политического плана урегулирования кризиса в центре (Cadre politique de gestion de la crise au centre), интегрировавшего План по обеспечению безопасности центральных регионов¹². Деятельность комитета сконцентрирована на «координации на политическом и стратегическом уровнях всех усилий по стабилизации центральных регионов»¹³.

Неразрешенные противоречия, а также внешний фактор привели к революционным событиям в Мали. 18 августа 2020 г. малийские военные совершили переворот, который привел к свержению президента И. Б. Кейты. На данный момент бывший президент вместе с членами правительства после ареста содержится в военном лагере путчистов в предместье Бамако Кати. Представители ООН навещали его и утверждают, что условия его содержания «приемлемые». Следует отметить, что, несмотря на хрупкость ситуации во время пандемии и особенно переворота, террористические попытки больше дестабилизировать ситуацию не имели место¹⁴.

Спустя два дня после переворота Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) наложило санкции на Мали, которые будут сняты лишь в случае назначения премьер-министра из гражданского населения.

Ба Н'До, глава военной хунты, захватившей власть в августе, готов дать присягу в ка-

честве президента переходного правительства в Мали. Он заявил, что власть, согласно Хартии переходного периода, принятой в сентябре, будет передана гражданскому правительству в течение 18 месяцев. По словам генерального прокурора Верховного суда Б. Дембеле, во время переходного периода, составляющего максимум 18 месяцев, должны быть проведены всеобщие выборы, к власти должны будут прийти гражданские лица. Таким образом, сегодня можно говорить о высокой степени нестабильности ситуации в Мали, учитывая, что переходный период, согласно Хартии, продлится 18 месяцев, а также множество внутренних и внешних факторов, что делает ситуацию трудной прогнозируемой.

Внешние аспекты кризиса в Мали

Сегодня по всей Африке можно отметить стратегическое соперничество за фундаментальные ресурсы развития¹⁵, в котором особо сейчас выделяется американо-китайское соперничество, что также справедливо и для Мали. Экономические интересы стран обеспечены жесткой силой: оба соперника располагают военными базами в регионе¹⁶ (Китай открыл базу в Джибути, США создало Африканское командование Военных сил США, или АФРИКОМ). Прогнозные ресурсы урана в Мали оцениваются в 100 тыс. т¹⁷. Мали также занимает третье место по объему золота в Африке, что привлекает внимание международных игроков. Вопрос ресурсов является одним из ключевых в сотрудничестве Мали с международными партнерами.

Следует отметить, что для Китая выгодным было сотрудничество с Мали во время президентства А. Т. Туре, который склонялся к Пекину¹⁸. Смена власти после военного мятежа А. Саного, проходившего обучение в США по программе контртеррористической подготовки в рамках Пан-Сахельской инициативы, на Д. Траоре была удобна западным странам, в том числе и США, а также Франции¹⁹. Франция воспринимает обе страны (США, КНР) как конкурентов, учитывая, что Мали – бывшая французская колония и входит в ее традиционную сферу влияния. Восстание туарегов 2012 г. и новые волнения после путча А. Саного, которым воспользовались исламисты и эмиссары «Аль-Каиды», заключившие договор с вождями туарегов, в контексте ослабления позиций Парижа перед лицом конкурентов (США, КНР) стало основной причиной военного вмешательства Франции. Согласно «Белой книге по обороне и национальной безопасности» 2013 г., Сахель остается приоритетной зоной интересов Франции²⁰. Стратегический обзор обороны и национальной безопасности Франции 2017 г. определяет сахаро-сахельский регион как один из приоритетных районов для борьбы с терроризмом и наркотрафиком²¹.



Следует отметить, что Франция заключила со своими бывшими колониями соглашения об обороне, в соответствии с которыми африканцы предоставляли бывшей метрополии приоритетные права на разведку и эксплуатацию полезных ископаемых²².

Французское вмешательство в конфликт в Мали

В сентябре 2012 г. была принята резолюция Совета Безопасности (СБ) ООН о создании миротворческой миссии для разрешения кризиса в Мали. В декабре 2012 г. согласовали резолюцию № 2085, предлагающую властям Мали провести президентские выборы до апреля 2013 г. Согласно данной резолюции, международная военная операция должна проводиться силами миротворцев ЭКОВАС, вопрос о вмешательстве других иностранных держав в тот момент не стоял. В начале января 2013 г. и.о. президента Мали после активных консультаций с французскими представителями на месте официально обратился к Парижу и странам ЭКОВАС с просьбой оказать военную помощь в отражении наступления отрядов исламистов. Таким образом, «Сервал», запущенная 11 января 2013 г. французская контртеррористическая военная операция, – пример широкого толкования резолюций СБ. Следует отметить, что Франция многократно демонстрировала традиционную «ответственность» за ситуацию в границах своих бывших колоний. Постоянная военно-политическая напряженность в сахаро-сахельской зоне служит предлогом для сохранения французского военного присутствия в Мали на долгосрочную перспективу.

Среди целей операции «Сервал» С. В. Мезенцев выделяет военные, экономические и политические цели Франции. Военные цели включают получение опыта французскими войсками; развитие концепции многонациональной интервенции и др. Экономические цели включают обеспечение физической защиты французских граждан и их недвижимости; отстаивание экономических интересов Франции в сахаро-сахельской зоне; освобождение северных районов от исламистов для сохранения территориальной целостности Мали; уменьшение влияния экономических конкурентов Парижа, прежде всего китайских горнодобывающих компаний. Таким образом, учитывая экономические цели Парижа в стране, жесткая сила помогает сохранить французское экономическое присутствие в странах Сахеля. Так, компания «Ogano» использует в Нигере месторождения урана, в Нигере французские компании инвестируют в развитие транспортных сетей, в частности, компания «Bolloré», и производство питьевой воды – «Veolia»²³. Политические цели включают подтверждение способности Парижа самостоятельно решать задачи в традиционных для себя сферах влияния без привлечения сил своих союзников, а также на-

поминание, что Франция сохраняет за собой необходимые инструменты воздействия, включая силовые, в этом регионе²⁴.

Через три месяца после начала операции «Сервал» французские силы нанесли поражение силам «Ансар Ад-Дин» и АКСИМ в центральной и северной частях Мали. «Сервал» предотвратила распространение влияния террористических группировок вне пределов северной части Мали. Однако риски были таковы, что для предотвращения возвращения террористов и стабилизации ситуации в Мали Франция должна была продолжить свое военное присутствие в стране²⁵.

Преемницей операции «Сервал» стала французская контртеррористическая операция «Бархан», начатая в июле 2014 г. и действующая, кроме Мали, также на территории Чада, Буркина-Фасо, Мавритании и Нигера. Центральной базой операции является база в г. Гао в Мали. В отношении «Бархан» Э. Макрон применяет подход «трех D»:

- военная составляющая (Défense) – победа над противником в зоне конфликта. Провозглашаемая цель «Бархана» – борьба с АКСИМ, однако практические действия все-таки направлены на усмирение сепаратистского движения туарегов на севере. Следует отметить, что за время вооруженной борьбы туарегская элита перешла от лозунгов образования независимого государства к требованиям широкой административно-хозяйственной автономии²⁶;

- развитие местных государств (Développement) – обучение местных армий, восстановление государственных институтов, усиление экономики, образования и системы здравоохранения и т. п. Другими словами, действия Парижа направлены на превращение «сахарской пятерки» в полноценную коалицию;

- дипломатическое сопровождение действий Франции (Diplomatie) с опорой на существующие альянсы и временные объединения²⁷.

Вмешательство Франции в малийский кризис позволило остановить скатывание ситуации в сторону дальнейшего обострения конфликта, к неуправляемому хаосу через уничтожение малийского государства (путч). Контингенту французских ВС во взаимодействии с африканскими миротворческими силами и при разноплановой разведывательно-логистической поддержке НАТО удалось успокоить ситуацию ровно настолько, чтобы в 2015 г. состоялись Алжирские переговоры. Продолжение до сих пор операции «Бархан» говорит о неспособности французского контингента справиться с заявленными целями, это происходит также из-за недостатка финансирования и дефицита боевого потенциала у партнерских армий стран ЭКОВАС.

Международное вмешательство в конфликт в Мали

В апреле 2013 г. при активном лоббировании Франции ЕС запустил Международную



миссию поддержки в Мали (European Union Training Mission Mali – EUTM Mali), в это время там уже начала действовать AFISMA (African-led International Support Mission to Mali), запущенная резолюцией № 2085 СБ ООН. Первоначально позиционировавшись как африканская, она, вновь при активном участии Франции, на основе резолюции № 2100 СБ ООН от 25 апреля 2013 г. была реорганизована в Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации Мали (United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali – MINUSMA), которая снова была продлена до июня 2021 г. резолюцией № 2531 СБ ООН²⁸.

Официальная основная цель МИНУСМА – поддержка политических процессов в этой стране и обеспечение безопасности. В практическом плане миссия направлена на восстановление государственной власти в Северном Мали, установление новой институциональной архитектуры Малийского государства, реформы в секторе безопасности, демобилизацию комбатантов и национальное примирение. Другие цели также включают защиту гражданского населения и способствование национальному и местному диалогам. Борьба с терроризмом не входит в мандат. Тем не менее, террористические атаки на МИНУСМА не позволяют ей эффективно достигать поставленных целей. Мандат 2019 г., согласно резолюции СБ ООН № 2480 (2019), включает также защиту гражданского населения, сокращение межобщинного насилия, восстановление государственной власти, присутствие государства и основных социальных услуг в Центральном Мали²⁹. В первую очередь, это выражается в следующих основных задачах: поддержка в реализации Алжирских договоренностей 2015 г.; поддержка в стабилизации и восстановлении государственной власти в центре; защита гражданского населения, добрые услуги, защита прав человека, гуманитарная помощь. Резолюция № 2531 (2020) СБ ООН продляет мандат МИНУСМА еще на один год и включает поддержку присутствия государства в центре Мали, социально-экономическое развитие страны, поддержку в реализации Алжирских договоренностей, добрые услуги, продвижение прав человека, защиту персонала МИНУСМА³⁰, т. е. МИНУСМА остается в пределах тех же функций.

Анализ документов по МИНУСМА позволяет сказать, что приоритетом стратегии миссии является реализация Алжирского мирного договора о Мали 2015 г. (The Agreement for Peace and Reconciliation in Mali), связывающего Малийское правительство и лидеров движения «Азавад». Можно выделить несколько препятствий на пути реализации Алжирского договора. Во-первых, недостаточная поддержка подписантами положений договора и символический прогресс в его осуществлении. Подписанты имеют разные ожидания и приоритеты. Малийское правительство считает

обеспечение безопасности основным приоритетом, поэтому стремится как можно быстрее восстановить контроль над территориями на севере Мали. Другие подписанты настаивают на быстрейшей реализации децентрализации, перераспределения национальных ресурсов. Во-вторых, исключение некоторых игроков из переговоров. Например, общину Фулани из центра Мали исключили из мирного договора, после чего она попросила защиты и доступа к ресурсам у экстремистов³¹.

Одним из основных пунктов в списке задач МИНУСМА является подготовка к проведению мирных выборов и эффективному формированию государственных органов Мали для поддержания политического диалога. Так, 29 июля и 12 августа 2018 г. были успешно проведены два тура президентских выборов. А в марте–апреле 2020 были проведены законодательные выборы, несмотря на пандемию, прошедшие успешно³².

Для реализации задачи обеспечения стабильности Мали МИНУСМА активно сотрудничает с третьим сектором. Миссии обычно прибегают к так называемым проектам с быстрой отдачей (Quick Impact Project) для того, чтобы помочь стабилизировать общины и продемонстрировать, что миссия восприимчива к нуждам населения. Это проекты в сфере образования, медицинской поддержки, доступа к питьевой воде, защиты окружающей среды, доступа к электричеству и др.³³. Такие проекты задумываются, чтобы установить доверительные отношения между миротворцами и местным населением, повысить доверие к мандатам. МИНУСМА является лидером по расходованию средств на такие проекты среди прочих миссий ООН³⁴.

Так, для запуска проекта сокращения межобщинного насилия (Réduction de la Violence Communautaire (CVR)) в ноябре 2019 г., который является частью национального плана развития Мали (Plan National de Développement pour le Mali), МИНУСМА привлекла к работе 26 местных НКО³⁵.

Но основным в работе МИНУСМА с НКО является гуманитарная помощь, оказываемая по разным направлениям. В первую очередь, можно говорить о гуманитарной помощи перемещенным внутри страны лицам, бегущим от боевых действий. Речь идет о сотрудничестве во благо 3,2 млн чел., нуждающихся в гуманитарной помощи, из 19,4 млн населения страны, из которых 199 385 чел. в 2019 г. были перемещены из-за возобновившихся боевых действий. (Здесь следует отметить, что число перемещенных лиц в 2017 г. составило 35 000 чел.)³⁶

Однако большая часть усилий на текущий момент направлена на обеспечение безопасности собственной инфраструктуры³⁷. В лучшем случае МИНУСМА обеспечивает безопасность районов, в которых она находится (Гао, Кидал, Тимбукту). Места постоянного базирования техники в МИНУСМА расположены на базах «Ка-



стро» в г. Гао и «Геко» около г. Куликоро. Эти базы подвергаются нападениям со стороны террористов. Так, 24 февраля 2019 г. группа неизвестных (АКСИМ) совершила огневой налет на базу «Геко», сопровождавшийся выпуском ракет из ПЗРК. Есть погибшие. Факт нападения на хорошо охраняемую военную базу в центральной части Мали весьма показателен. За неделю до этого на севере страны германские военнослужащие, охранявшие конвой, были обстреляны из стрелкового оружия подразделением правительственной армии Мали. Эти инциденты – свидетельство недостаточной успешности миссии МИНУСМА³⁸.

Гражданское население как на севере, так и в центре страны по-прежнему становится жертвой многочисленных нападений со стороны террористов – группировок, связанных с «Аль-Каидой» и ИГИЛ. Многочисленные нападения террористов на МИНУСМА также до сих пор имеют место³⁹. На сегодняшний день потери МИНУСМА составляют 209 чел.

При урегулировании кризиса в Мали международное сообщество использует традиционную формулировку – разоружение, демобилизация и реинтеграция (Desarmement, Demobilization, reintegration – DDR), под которой понимается полноценное возвращение бывших комбатантов к хозяйственной деятельности, принятие их на службу в Мали. При этом решение первых двух задач (разоружение и демобилизация) возлагается на МИНУСМА, третьей (реинтеграция) – на EUTM Mali.

После переворота МИНУСМА заявила, что ее деятельность будет продолжена, несмотря на события⁴⁰.

В таком многослойном контексте МИНУСМА в составе 15 тыс. чел. продолжает свою работу. Сегодня основной задачей, как и раньше, является национальное примирение в форме осуществления Алжирских договоренностей 2015 г. Однако как внутренние, так и внешние факторы не позволяют благополучно разрешить малийский кризис, отчасти потому что этот кризис является частью процессов, происходящих во всем регионе. Следует отметить, что толчком для малийского кризиса послужило крушение режима М. Каддафи, который выступал определенным центром по сдерживанию и минимизации противоречий между туарегами и исламистами⁴¹. Многочисленные операции Франции, «сахельской пятерки», ЕС и, наконец, МИНУСМА направлены на недопущение возвращения террористов в этот регион и лишение их возможности перегруппироваться. Однако основная роль в достижении этих целей должна принадлежать малийским силам безопасности и миротворцам. Несмотря на активное присутствие различных войск в Мали, ситуация продолжает оставаться нестабильной. В 2019 г. Россия заключила договор о военном сотрудничестве с Мали и соглаше-

ние о военном взаимодействии в сфере борьбы с терроризмом.

Суммируя все вышесказанное, хотелось бы сделать несколько выводов. В целом, МИНУСМА является собой пример миротворческой операции «нового поколения», направленной не только на прекращение огня, но и также на создание государственных институтов, восстановление систем образования и здравоохранения, мирной жизни.

Малийский кризис представляет собой затянувшийся конфликт между народностями страны, который возможно разрешить, только придя к национальному примирению. Внутренние факторы, спровоцировавшие конфликт (восстание туарегов, разлад между этническими группами в центре), усугубляются присутствием внешних игроков, преследующих собственные интересы. Следует, однако, отметить что террористическая угроза, пустившая свои корни в Мали, затрагивает интересы мирового сообщества в целом, поэтому присутствие здесь нерегиональных игроков также вынужденно.

Французская интервенция, положившая начало международным операциям, объясняется как заявленными причинами (военная помощь Мали в отражении отрядов исламистов, т. е. и борьба с международным терроризмом), так и политическими и экономическими мотивами. Эффективная реализация операции «Сервал» позволила довести процесс до Алжирских договоренностей 2015 г. Однако операция «Бархан», имеющая расплывчатое целеполагание, позволила втянуть Францию в процесс, проявляющийся в форме спорадических актов насилия и, соответственно, спорадических ответов на него со стороны французских сил.

Присутствие международного сообщества в форме МИНУСМА, прежде всего, направлено на восстановление национального диалога, национальное примирение с помощью создания благоприятных условий для осуществления Алжирских договоренностей. В этой своей миссии МИНУСМА идет дальше, действуя таким образом, чтобы усилить присутствие государства во всех частях страны.

Следует отметить, что МИНУСМА несет наибольшую ответственность за урегулирование кризиса в стране. Так что в случае неудачи операции «Бархан» или формальной победы над исламистами вместо реальной вся ответственность за нестабильность в стране, неразрешение кризиса останется на ООН. Для того чтобы обеспечить доверие у местного населения и создать благоприятные условия для деятельности МИНУСМА, реализуются проекты с быстрой отдачей, направленные на выстраивание отношений с гражданским обществом Мали. Эти связи позволяют сделать действия МИНУСМА более «легитимными» в глазах местного гражданского общества, что в текущей хрупкой ситуации правления хунты является особенно важным.



Переворот в Мали делает ситуацию также плохо прогнозируемой и для международного сообщества, пытающегося урегулировать многолетний многосторонний кризис и свести на нет террористическую угрозу. Действия ЭКОВАС по блокировке границ с Мали и наложению санкций могут быть поддержаны другими странами.

Примечания

- 1 См.: *Рогозин Д. О.* Война и мир в терминах и определениях. М.: Вече, 2017.
- 2 См.: *Зиновский Ю. Г.* Миротворческая практика в современных условиях: механизмы и проблемы реализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 2. С. 54–67.
- 3 См.: *Гильмутдинова Д., Ромадан Л.* Новые тенденции и технологии в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций в XXI веке // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 113–124.
- 4 См.: *Филиппов В. П.* Мали: битва за уран // Мировая политика. 2013. № 2. С. 1–47. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=773 (дата обращения: 25.09.2020). DOI: 10.7256/2306-4226.2013.2.773
- 5 См.: *Филиппов В. П.* Приоритеты африканской политики Э. Макрона: операция «Бархан» // Международные отношения. 2018. № 3. С. 80–92. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.3.27012
- 6 См.: *Максимов А.* Интервенция против джихада // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1911453> (дата обращения: 25.09.2020).
- 7 См.: *Трунов Ф. О.* Особенности участия Германии в урегулировании вооруженного конфликта в Мали // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 160–183. DOI: 10.31249/ape/2020.02.08
- 8 См.: *Nyirabikali G.* Mali Peace Accord: Actors, issues and their representation // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/node/385> (дата обращения: 25.09.2020).
- 9 См.: Accord pour la paix et la reconciliation au Mali // UN Peacemaker. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/accord%20pour%20la%20Paix%20et%20la%20Rconciliation%20au%20Mali%20-%20Issu%20du%20Processus%20d%27Alger_0.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
- 10 См.: *Tull D. M.* UN Peacekeeping in Mali // Stiftung Wissenschaft und Politik. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2019C23_tll.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
- 11 См.: Plan de securisation integree des regions du centre // HD: Center for humanitarian dialogue. URL: <https://www.hdcentre.org/wp-content/uploads/2019/07/PLAN-DE-SECURISATION-INTEGREE-DES-REGIONS-DU-CENTRE.pdf> (дата обращения: 25.09.2020).
- 12 См.: *Traoré M. A.* Ségou: Le comité régional du cadre politique de gestion de la crise au centre mis sur orbite // Malicouramedia. URL: <https://www.malicouramedia.com/2020/07/01/segou-le-comite-regional-du-cadre-politique-de-gestion-de-la-crise-au-centre-mis-sur-orbite/> (дата обращения: 25.09.2020).
- 13 A Ségou, le comité régional du cadre politique de Gestion de la Crise au Centre du Mali a été lancé // Programme des Nations Unies pour le Développement. URL: <https://www.ml.undp.org/content/mali/fr/home/presscenter/articles/asegou-le-comite-regional-du-cadre-politique-de-gestion-de-la-.html> (дата обращения: 25.09.2020).
- 14 См.: Distrust of public institutions, health inequities could push more countries into conflict, UN political affairs chief warns // United Nations. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/un-news/distrust-of-public-institutions-health-inequities-could-push-more-countries-conflict-un> (дата обращения: 25.09.2020).
- 15 См.: *Фитуни Л. Л.* Военно-стратегическое значение Африки в постмонополярном мире // Национальная оборона. URL: <https://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2017/0227/210520646/detail.shtml> (дата обращения: 25.09.2020).
- 16 См.: *Най Дж. С.* Будущее власти. М.: АТС, 2014.
- 17 См.: Сырьевой комплекс зарубежных стран: Мали // Информационно-аналитический центр Минерал. URL: <http://www.mineral.ru/Facts/world/116/143/index.html> (дата обращения: 25.09.2020).
- 18 См.: Президент Мали: Китай – надежный партнер по сотрудничеству // Жэньминь Жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7019507.html> (дата обращения: 25.09.2020).
- 19 См.: *Максимов А.* Указ. соч.
- 20 См.: Livre blanc defence et securite nationale 2013 // Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale. URL: <http://www.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr> (дата обращения: 25.09.2020).
- 21 См.: Revue strategique defense et de securite nationale 2017 // Ministère des Armées. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> (дата обращения: 25.09.2020).
- 22 См.: *Корендясов Е.* Битва за уран в Сахаре и Сахеле // Индекс безопасности. 2017. Т. 19, № 4 (107). С. 61–70.
- 23 См.: *Чихачев А. Ю., Бирон Ю. С.* Французская операция «Бархан»: Pro et Contra // Мировая политика. 2018. № 4. С. 56–66. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28394 (дата обращения: 25.09.2020). DOI: 10.25136/2409-8671.2018.4.28394
- 24 См.: *Мезенцев С. В.* Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3–28.
- 25 См.: *Koepf T.* France and the Fight against Terrorism in the Sahel The History of a Difficult Leadership Role // Ifri. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/notedelifriafriquetkoepf.pdf> (дата обращения: 25.09.2020).
- 26 См.: *Быстров А. А.* О причинах неудачи операции «Бархан» в зоне Сахеля // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=35817> (дата обращения: 25.09.2020).
- 27 См.: *Чихачев А. Ю.* Военная политика Франции при Эммануэле Макроне: основные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 82–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-82-90



- ²⁸ См.: Le Conseil de sécurité proroge le mandat de la Mission de l'ONU au Mali jusqu'au 30 juin 2021 et assigne quatre mesures prioritaires aux parties maliennes // Nations Unies. URL: <https://www.un.org/press/fr/2020/sc14235.doc.htm> (дата обращения: 25.09.2020).
- ²⁹ См.: Résolution 2480 (2019) P 6-10 // MINUSMA. URL: https://minusma.unmissions.org/sites/default/files/s_res_24802019_e.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
- ³⁰ См.: Résolution 2531 (2020) // MINUSMA. URL: https://minusma.unmissions.org/sites/default/files/unscr_2531_2020_f.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
- ³¹ См.: Prioritizing and Sequencing Peacekeeping Mandates : The Case of MINUSMA // International Peace Institute. URL: <https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2018/05/180531The-Case-of-MINUSMA.pdf> (дата обращения: 25.09.2020).
- ³² См.: La situation au Mali. Rapport du Secrétaire général // MINUSMA. URL: https://minusma.unmissions.org/sites/default/files/s_2020_476_f.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
- ³³ См.: Aperçu des Projets à Impact Rapide – Mali // MINUSMA. URL: <https://minusma.unmissions.org/projets-a-impact-rapide-qips> (дата обращения: 25.09.2020).
- ³⁴ См.: Проекты с быстрой отдачей в интересах общин // ООН. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/quick-impact-projects-communities> (дата обращения: 25.09.2020).
- ³⁵ См.: La MINUSMA forme les ONG partenaires sur les techniques de suivi-évaluation des projets CVR à Kidal // Reliefweb. URL: <https://m.reliefweb.int/report/3398768/mali/la-minusma-forme-les-ong-partenaires-sur-les-techniques-de-suivi-valuation-des-projets?lang=ru> (дата обращения: 25.09.2020).
- ³⁶ См.: *Lamarche A.* Report. Crise humanitaire au Mali : surmilitarisée et occultée // Refugee international. URL: <https://www.refugeesinternational.org/reports/2019/12/17/crise-humanitaire-au-mali-surmilitarise-et-occulte> (дата обращения: 25.09.2020).
- ³⁷ См.: *Tull D. M.* Op. cit.
- ³⁸ См.: *Трунов Ф. О.* Указ. соч.
- ³⁹ Мали – нападение на МИНУСМА (10 мая 2020 г.) // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. URL: <https://ru.ambafrance.org/Mali-napadenie-na-MINUSMA-10-maya-2020-g> (дата обращения: 25.09.2020) ; Очередное нападение в Мали, ранены 18 миротворцев ООН // ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1370341> (дата обращения: 25.09.2020).
- ⁴⁰ См.: Mali coup : UN peacekeeping mission 'must and will continue' operations // United Nations. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/un-news/mali-coup-un-peacekeeping-mission-must-and-will-continue-operations> (дата обращения: 25.09.2020).
- ⁴¹ См.: Конфликт в Мали – следствие кризиса в Ливии, считает посол РФ // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20130208/921980181.html> (дата обращения: 25.09.2020).

Поступила в редакцию 15.10.2020, после рецензирования 25.10.2020, принята к публикации 10.11.2020
Received 15.10.2020, revised 25.10.2020, accepted 10.11.2020



СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

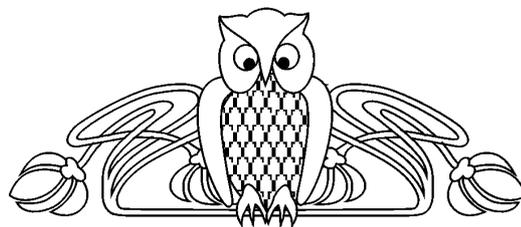
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 110–117
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 110–117

Научная статья

УДК 323

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>

Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая)



А. И. Ухорская[✉], Е. Ю. Кирилина, К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

Ухорская Анастасия Игоревна, магистрант 2-го курса (направление «Политология»), an_ukhorskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8474-5402>

Кирилина Елизавета Юрьевна, магистрант 2-го курса (направление «Политология»), liz.kirilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9205-2961>

Кожухова Кира Евгеньевна, преподаватель кафедры политологии, kira.kozhuhova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1725-3042>

Аннотация. Долгое время стратегической культуре как феномену и концепции не придавали большого значения. В настоящее время западные исследователи понимают, что стратегическая культура имеет непосредственное влияние на принятие политических решений в сфере внешней политики. Изучение стратегической культуры Франции, ФРГ и Китая может способствовать оптимизации политического курса России на мировой арене

Ключевые слова: безопасность, внешняя политика, Германия, Китай, Франция, концепция, оборона, Российская Федерация, стратегическая культура

Для цитирования: Ухорская А. И., Кирилина Е. Ю., Кожухова К. Е. Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 110–117. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>

Antinomies of the strategic cultures of the West and the East (On the example of Germany, France, and China)

Anastasia I. Ukhorskaya[✉], an_ukhorskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8474-5402>

Elizaveta Yu. Kirilina, liz.kirilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9205-2961>

Kira E. Kozhukhova, kira.kozhuhova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1725-3042>

Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Abstract. Strategic culture, as a phenomenon and a concept, was not taken seriously for a long time. Today, western researchers understand that strategic culture has a direct impact on political decision-making process in foreign policy. The study of the strategic culture of France, Germany, and China can help to optimize the Russian policy on the world stage.

Keywords: security, foreign policy, Germany, China, France, concept, defense, Russian Federation, strategic culture

For citation: Ukhorskaya A. I., Kirilina E. Yu., Kozhukhova K. E. Antinomies of the strategic cultures of the West and the East (On the example of Germany, France, and China). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 110–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В мире, который характеризуется размыванием ценностных ориентиров, государственных границ и национальных экономик, все большее значение начинает приобретать вопрос о страте-

гическом мышлении в политике¹. Одновременно тенденция государств защитить и сохранить свою национальную и культурную идентичность становится все более очевидной. В XXI в. в обла-



сти государственного управления и обеспечения национальной безопасности все большее распространение приобретает понятие «стратегия», которое прежде использовалось преимущественно в военной сфере.

Авторы ставят своей целью выявить основы стратегической культуры (далее – СК) стран Западной Европы (Франции и Германии), а также Китая посредством сравнительного и ретроспективного анализа истории государств и обществ, анализа их официальных документов в области обороны, безопасности и государственного управления. Зарубежные и российские исследователи сходятся во мнении относительно феномена СК, считая его центральным в цепочке самоидентификация – стратегическая культура – внешняя политика.

Понимание же содержания СК позволяет ставить долгосрочные внешнеполитические цели и задачи и с их учетом обеспечивать устойчивое развитие и безопасность. Изучение СК Французской Республики, ФРГ и Китая будет способствовать налаживанию диалога России с указанными игроками, выстраиванию отношений на международной арене. И, наоборот, игнорирование СК крупных игроков будет иметь отрицательные последствия.

Стратегическая культура в научном дискурсе

СК является «совокупностью динамичных историко-культурных, лингвистических, социально-политических и этнических характеристик»², которые представляют собой основу для постановки долгосрочных целей развития страны, а также определяют действия государств в области внешней политики и политики безопасности. Некоторые ученые связывают понятия «военная культура» и «стратегическая культура», где первая выступает как составная часть второй.

Концепция СК часто вызывала споры в научных кругах, особое значение она приобрела в рамках развития конструктивизма, для которого важны отношения между субъектами, придающие смысл материальному миру. Сюда входят нормы, культура, исторические особенности, конкретные модели поведения государства в сфере внешней политики³. Данный подход направлен на поиск индивидуальных признаков государств, которые определены его политической системой, политическими институтами, историей, традициями, нормами, устоявшимися в обществе.

Исследователи концепции СК схожи во мнении о том, что последняя может коренным образом повлиять на принятие политических решений и на поведение государства на международной арене. Так, Кен Буз в труде «Стратегическая культура: достоверность и ее определение» приходит к выводу, что именно СК формирует подходы определенной страны к решениям, свя-

занными с войной и миром⁴. Г. Экштейн, в свою очередь, полагает, что понимание и реализация особенностей, о которых говорилось выше (ценности, нормы, культура, верования) образуются в течение длительного времени⁵. По мнению Д. Шнайдера, К. Грея, СК оказывает непосредственное влияние на политику безопасности и обороны отдельно взятой страны⁶. При этом невозможно отрицать своеобразие СК Германии, Франции, Китая, России и англосаксонского мира.

Франция: демонстрация самостоятельности и великодержавности

Относительно феномена СК Франции уместно говорить о влиянии военной культуры, где существенную роль играет ядерный потенциал страны. Более того, изучение французской политической теории и практики показывает, что определение СК может быть расширено за счет признания особой роли личностного фактора, равноценного другим компонентам.

Историко-культурные характеристики СК Франции уходят корнями в XVI в., когда французы осознали себя как нация⁷. Важную роль сыграли и годы правления Людовика XIV, когда складывалась идея величия и могущества как часть национальной политической культуры⁸. В итоге Франция стала стремиться играть особую роль не только в Европе, но и в мире. В период бонапартистских империй французское общество и государство стали воспринимать себя исключительными и избранными, «великой нацией». Культурная политика государства в этой связи направлялась на «обеспечение “блистания/сияния” (rayonnement) Франции в мире»⁹: распространение французского языка и культуры, транслирование универсальных ценностей гуманизма и просвещения. Кроме того, для Франции характерно развитое гражданское общество, которое действительно принимает участие в решении государственных задач со времен Великой французской революции с ее идеями свободы, равенства и братства.

Вместе с тем, как замечает Р. Арон, понятие «могущество» (puissance), расцениваемое французскими политологами как «способность одной политической единицы навязать свою волю другим и не дать другим навязать ей свою волю»¹⁰, наглядно характеризует участие Франции в международных делах в XX в. После падения империи Бонапарта в 1814 г., поражения во франко-прусской войне в 1870 г., военного провала в 1940 г. Франция все же сумела сохранить статус державы и вошла в число стран-победительниц во Второй мировой войне. Во многом это удалось благодаря участию страны в военно-политических союзах. Тем не менее компонентом исторической памяти, национального менталитета и,



следовательно, СК стали опасения перед мощью, организованностью и интеллектом «военной машины» Германии¹¹. Их удалось преодолеть во многом благодаря позиции Шарля де Голля.

В годы противостояния США и СССР Ш. де Голль артикулировал национальные стратегические максимы. В этот период Франция, обладая ограниченными экономическими ресурсами, сумела обеспечить военно-политическую независимость за счет создания собственных ядерных сил. Она отстаивала и право на самостоятельную внешнюю политику и активно вела разработку собственной концепции национальной обороны и внешней политики. Идея голлизма проходит красной нитью в стратегических программных документах Французской Республики XXI в.

В XX столетии дуализм французской нации и государства сменился на переплетение трех векторов – национального, европейского и атлантического. Франция «балансирует» между ними, что проявляется: 1) в силе национального духа, свободе, стремлении быть мировой державой; 2) в интеграционных процессах в Европе, цели выступать лидером в Европе, если не впереди, то наравне с Германией; 3) в «умных» отношениях с США в решении мировых вопросов, а также особой политико-стратегической точке зрения в отношении НАТО.

Де Голль в 1960-х гг. сформировал курс страны на долгосрочную перспективу, заложив основы концепции внешней политики и политики безопасности для будущих президентов страны независимо от их политических предпочтений. «Концепция национальной идентичности и независимости» – именно так можно охарактеризовать сложившийся голлистский курс Пятой республики, опирающийся на ряд принципов.

1. Основным элементом стратегии де Голль считал нацию, поскольку именно она, по его мнению, обеспечивает выживание государства в мире¹². Поэтому национальная стратегия Франции должна быть независимой и абсолютно самостоятельной.

2. Союзы необходимы, но они не вечны. В 1966 г. Франция вышла из военной организации НАТО. Де Голль выступил противником этой организации, заявив, что Франции следует рассчитывать на собственный военный потенциал и избегать зависимости извне¹³.

3. Ядерное оружие – фактор обеспечения статуса великой державы.

4. Стратегия обороны «по всем азимутам» – идея глобального сдерживания во имя мира.

Преемники голлистского наследия, последующие руководители страны негласно следовали заложенной де Голлем концепции развития, поскольку голлизм стал основой французского стратегического мышления¹⁴.

Неотъемлемым компонентом французской СК является нахождение страны в «ядерном клубе». Обладание ядерным оружием особым обра-

зом концептуализирует политику национальной безопасности. Ядерная политика отличалась новизной: магистральные линии развития обороны были обсуждены и одобрены французским гражданским обществом, что получило законодательное закрепление¹⁵. Де Голль поставил на первое место вопросы оборонной политики, в итоге ядерная концепция поныне лежит в основе стратегической мощи Франции: оборонная деятельность «является самой достойной среди всех видов деятельности»¹⁶ и «требует прежде всего определенного состояния духа нации и властей»¹⁷. В «Белой книге» Франции 1972 г. ядерный арсенал Республики стал расцениваться в качестве средства оборонной политики для достижения стратегической независимости и обеспечения политики сдерживания¹⁸.

В геополитическом плане французская СК имеет континентальную природу¹⁹. Вместе с тем ценность земли в качестве составляющей СК Франции претерпела ряд изменений в связи с появлением ядерного оружия, которое способно уничтожить планету. Развитие военно-морских сил также стало приоритетным направлением во внешней политике, поскольку флот является основным держателем ядерных ресурсов Франции²⁰. В настоящее время отмечается разрыв между континентальной СК и новой ролью военно-морских сил, которые обладают основными средствами ядерного сдерживания.

В оценке перспектив интегрирования французской обороны с европейской или атлантической де Голль исходил из того, что «оборона Франции должна быть французской»²¹. Руководство страны не рассматривало слияния ядерных сил с какой-либо другой страной или блоком стран, так как это «прямо противоречит традициям великого государства»²². Именно поэтому де Голль отказался от идеи Европейского оборонного сообщества в 1954 г. и вывел страну из НАТО в 1966 г. По его мнению, «Европейская оборона должна опираться на Францию и под руководством француза»²³. Построить же единую Европу с едиными вооруженными силами возможно, но только начиная с нации, французской нации. Особые отношения Франция имеет с Североатлантическим альянсом. Отличительной чертой французской СК является неприятие диктата со стороны союзников и сохранение статуса союзника «сложного и требовательного».

В Белой книге 2013 г. указаны приоритеты военной стратегии: защита, сдерживание (ядерное) и вмешательство²⁴. Вместе с тем уточняется, что ядерное сдерживание является высшей гарантией суверенитета Французской Республики. В Стратегическом обзоре 2017 г. такой подход развивается и дополняется: «...стратегия ядерного сдерживания ... является высшей гарантией наших жизненно важных интересов, нашей независимости и в более широком плане нашей свободы принятия решений»²⁵. Считается,



что силы ядерного сдерживания играют основополагающую роль в существовании государства, в ощущении Францией себя в мировой политике при принятии решений в области стратегии, обороны и безопасности.

Согласно Белой книге 2013 г.²⁶, НАТО рассматривается в качестве института, существование которого не противоречит национальной автономии и свободе выбора и принятия решений, а ядерный потенциал Франции вносит свой вклад в развитие оборонных, ядерных и других возможностей союзников Альянса. В Стратегическом же обзоре 2017 г. НАТО оценивается как ключевой элемент европейской безопасности. При этом противоречивым представляется утверждение, что европейскому сообществу следует стремиться к построению общей (совместной) стратегической автономии в области обороны.

Таким образом, СК Франции присущи демонстрация самостоятельности и великодержавности, глобальные претензии, ее смысловыми единицами выступают территория, нация, армия, ядерное оружие. Вместе с тем позиция Франции на мировой арене характеризуется дуализмом: Пятая республика стремится сохранить роль лидера европейского сообщества, артикулируя идеи создания совместного стратегического поля, лидером которого видит себя. При этом французское руководство понимает необходимость диалога с НАТО и Россией, поскольку исторически территория государства расположена «между двух огней», и позиция «лабиринта» между ними сохранится.

Стратегическая культура Германии между традициями и политическими реалиями

В ФРГ исследованиями СК начали заниматься только в 80–90-е гг. XX в.²⁷. СК в Германии воспринимается как символическая система, которая обеспечивает четкую основу для так называемого стратегического сообщества при принятии крупных стратегических решений, особенно в отношении использования военной силы в международной политике²⁸.

Исследуя СК Германии, нужно учитывать особенности исторического развития страны. Германия на протяжении длительного периода не была единым государством. Разделение на множество монархий в Средние века и в Новое время, на два государства (после краха Третьего рейха) в идеологическом, экономическом и социальном плане в полной мере до сих пор не удалось преодолеть. После поражения ФРГ пришлось подстраиваться под западных соседей и восточных одновременно. Одним из проявлений своего рода «синдрома побежденной нации» на долгое время стали неприятие использования военных средств в политике, утрата части суверенитета и предпочтение многостороннего пове-

дения для интеграции Германии в западный мир, не оскорбляя восточный блок. Страны-победительницы существенно повлияли на политику послевоенной Германии. По мнению редактора немецкого журнала «Internationale Politik», выпускаемого Германским обществом по внешней политике, П. Хокеноса, «параметры взаимоотношений Германии с остальным миром были в существенной степени определены ее западными союзниками, уроками нацистского прошлого, геополитическими обстоятельствами холодной войны и реалиями разделенной Германии»²⁹.

Важным фактором СК стала необходимость преодоления последствий тоталитарного прошлого, что до сих пор влияет на внешнюю политику страны. Тем не менее, несмотря на «историческую тягостность», специалисты вполне обоснованно усматривают признаки экспансии в политическом курсе и Западной Германии в период существования двух немецких государств после Второй мировой войны³⁰. Сегодня Германия заявляет о проведении оборонной политики, сочетающейся с планом избежать всякого подобия гегемонистских стремлений. Германия выступает против увеличения военного бюджета, что стало одной из причин конфликта между США и ФРГ. В 2013 г. Германия потратила 1,3% своего бюджета на военные расходы НАТО, в то время как Великобритания – 2,4%, Франция – 1,9%³¹.

Кроме того, принятие решений в политической сфере для Германии осложнено ограниченной свободой действия исполнительных органов власти. Бундестаг следит за деятельностью правительства. Часто и Бундесвер называют «армией парламента». Исключением, выходящим из-под контроля парламента, является Федеральный совет безопасности. Установившееся разделение властей – часть политической системы Германии, которая сложилась в том числе под влиянием норм и ценностей.

В этих условиях в послевоенной Германии сложилась своеобразная система гражданско-военных отношений, позволяющая реализовать принцип примата политических установлений по отношению к вооруженным силам. Причем в немецкой военной и политической культуре нашли свое отражение достижения военной мысли прежних лет. Во всем мире признаны идейные достижения Клаузевица, Мольтке, Шлиффена и других немецких мыслителей. Уместно упомянуть и о том, что первый в истории генеральный штаб появился в Пруссии. Во многом благодаря образцовой интеллектуальной организации генштаба и эффективному использованию военной силы Германия была объединена («железом и кровью») и после победы над Францией стала империей. В немецкой традиции военного управления важное место занимает и в настоящее время так называемая тактика поручений (Auftragstaktik)³².



После объединения Германии стратегия и стратегическая культура ФРГ не могли не претерпеть изменений. Распад Советского Союза, окончание холодной войны, завершение противостояния двух военных блоков отразились на СК Германии. На передний план вышли такие проблемы борьбы с экстремизмом, терроризмом, этнонациональными конфликтами, которые происходят близ границ Германии. Отношение к использованию военной силы стало другим. Однако многие государственные деятели в Германии опровергали это, полагая, что ценности и нормы, сложившиеся после краха Третьего рейха, не поменялись. Характерна в этом отношении оценка бывшего министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера: «После объединения в основных параметрах внешней политики не было радикальных изменений. Такие константы, как географическое положение, интересы, ценности и история, остались прежними»³³.

Хотя нормы и ценности остались прежними, Германия изменила их интерпретацию применительно к военной сфере. До 1990 г. политика ФРГ стояла на том, чтобы заручиться поддержкой западных держав для обеспечения своей безопасности. Военная политика после объединения страны предусматривала усиление собственных позиций и рост международного престижа, Германия начинает более активно отстаивать свои интересы.

Одна из западных ценностей, которая была принята ФРГ: права и свободы человека, также изменилась. Такое понятие, как ответственность Германии за мир, появилось из-за повышения ее престижа на международной арене. Если раньше в Германии под ответственностью понималось неиспользование военной силы, то теперь данное понятие полностью изменило полярность. Сегодня под ответственностью понимается возможность использования вооруженных сил в разных уголках мира с целью защиты свобод и прав человека. Поменялось отношение к Бундесверу: теперь армия могла участвовать не только в военных конфликтах за пределами Германии с целью предотвращения нарушения прав и свобод человека, но и в гуманитарных миссиях по всему миру.

На практике новая военная стратегия получила свою реализацию при действиях Германии в Косово. Решение было принято новым коалиционным правительством СДПГ и «Зелёных» в 1998 г. Впервые со времен Второй мировой войны немецкие военные участвовали в боевых действиях за пределами своей страны. К концу XX в. все партии, за исключением, пожалуй, Партии демократического социализма, приняли новые ценности в сфере безопасности обороны ФРГ. При коалиционном правительстве СДПГ и ХДС/ХСС военные операции и развитие в военной сфере стали одними из приоритетных задач.

Стоит также отметить, что немецкие исследователи уделяют большое значение изучению и пониманию СК России. Они отмечают, что самый главный мотив политического курса России – обеспечение национальной безопасности³⁴. Россия не раз указывала Западу на последствия вмешательства в зону своих интересов. Однако эти сигналы были проигнорированы. Как обоснованно полагают немецкие исследователи, с началом кризиса на Украине в 2014 г. Россия осознавала, что ей придется реагировать, а в случае необходимости – заплатить весьма высокую цену. Тем не менее Россия действовала, руководствуясь своей СК.

Анализируя же доктринальные документы Германии, можно проследить политику «двойных стандартов» по отношению к России. В основном стратегическом документе ФРГ в сфере безопасности, Белой книге 2016 г., Россия определена как вызов политике безопасности и обороны Германии. Вместе с тем немецкое правительство признает роль России в поддержании Европейской безопасности. Этому способствует целый ряд факторов: Россия граничит с ЕС, наша страна является постоянным членом Совета безопасности ООН. Россия остается и одним из основных экономических и энергетических партнеров Германии. В результате, с одной стороны, Германия выступает за продолжение и ужесточение санкционной политики по отношению к России, с другой стороны, демонстрирует намерение действовать прагматично и продолжать строительство «Северного потока-2».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что СК Германии отличают богатые традиции военного искусства и военного управления, отсутствие полноценного суверенитета. После объединения в Германии происходит пересмотр взглядов на военную стратегию и СК. ФРГ стремится защищать и отстаивать свои интересы, изменить свой статус на международной арене.

Китай: идеи Сунь Цзы в действии

Китайская стратегическая культура является поистине ярким политическим феноменом, отличаясь самобытностью, уникальным самоопределением нации и видением миропорядка. Феномен СК незримо существовал в Китае как элемент традиционной культуры, философии и военных канонів. Основными элементами китайской СК являются гармония (особое видение мироустройства «с китайской спецификой»), китаецентризм (отражает пространственное мышление как характерную черту СК Китая, открывающую желание занять главенствующие позиции в современном мировом порядке), высокий уровень исторической памяти.

Специфика многотысячелетней СК обнаруживается в правительственных документах и заявлениях первых лиц Китайской Народной Республики. Целесообразно выделить следующее.



1. Трансляция идеи безальтернативного китаецентричного мира и безусловного лидерства Китая.

Глобальные устремления КНР проявляются не только практически в каждом современном доктринальном документе, но и в более ранних, например, 50-х³⁵ и 70-х гг.³⁶ XX в. В Конституции КНР в редакции от 2018 года неоднократно повторяется мысль о неотделимости страны от остального мира, об общности будущего Поднебесной и международного сообщества, об исключительной роли Китая в развитии всего человечества³⁷.

Официальная позиция излагается и в Белой книге «Китай и мир в новое время», опубликованной в 2019 г. Согласно документу, «влияние Китая на мир никогда не было таким всеобъемлющим, глубоким и долгосрочным, как сегодня; внимание мира к Китаю никогда не было таким обширным, глубоким и целенаправленным»³⁸. В тексте неоднократно повторяется идея «огромного вклада Китая в мир и развитие во всем мире» в разных синонимичных вариациях, что, по некоторым оценкам, отражает современный тренд китайской «тихой» экспансии³⁹. Аналогичная мысль о безусловном лидерском потенциале Китайского государства заложена в белых книгах «Китайская политика сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁴⁰ 2017 г., «Политика Китая в Арктике»⁴¹ 2018 г. и докладе председателя КНР Си Цзиньпина на XIX съезде КПК в 2017 г.⁴²

Причины для «закономерного» лидерства Китая раскрываются китайскими властями не только в заявлениях о «наращивании международного влияния Китая, его притягательной и формирующей силы»⁴³, но и в акцентировании на «великолепной китайской культуре». Тем самым КНР позиционирует себя по-конфуциански мудрым государством, по-прежнему окруженным «варварами», которому самим Небом предначертано занимать позицию лидера, и подчеркивает свою роль «доброй растущей державы», «передовика», создающего будущее всей мировой политической системы, всего человечества.

2. Масштабность выбора сфер внешнеполитического влияния и долгосрочность стратегического целеполагания.

«Решительно выступая против гегемонизма и колониализма»⁴⁴, Китай, тем не менее, фактически декларирует претензии на значительные сферы внешнеполитического влияния ввиду наличия глобальных устремлений и желания «возродить великую китайскую нацию» в ее исторической целостности.

Так, исходя из содержания Белой книги «Национальная оборона Китая в новую эру», в сферу зарубежного влияния КНР входят Европейский союз, Российская Федерация, США, Африка, Латинская Америка и южная часть Тихого океана. С некоторыми из указанных стран Поднебесная

установила в настоящее время тесное военное сотрудничество⁴⁵. При этом в ряде регионов сегодня наблюдается реальное китайское военное присутствие или экономическое влияние⁴⁶. Отдельно правительство Китая выделяет Арктический регион, подчеркивая, что «Китай – важный участник арктических дел. Китай географически “приарктическая страна” и одна из самых близких к Полярному кругу стран на суше. Природные условия и изменения в Арктике имеют прямое влияние на климатическую систему и экологическую среду Китая и, в свою очередь, связаны с экономическими интересами Китая»⁴⁷.

Масштабность внешнеполитического влияния Китая идет рука об руку с долгосрочностью целеполагания в курсе развития страны, традиционной для Китайского государства, что проявилось еще до вступления в социалистическую эпоху. В частности, в докладе на XIX съезде КПК Си Цзиньпин подчеркивал, что необходимо развивать в долгосрочной перспективе идеи марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, тройного представительства, научной концепции развития, коллективной мудрости партии и народа, важную составляющую теоретической системы социализма с китайской спецификой «великого возрождения китайской нации» в два этапа с 2020 до 2049 г. («цель двух столетий»)⁴⁸.

Тем самым мы видим характерную для Китая долгосрочную установку политического курса – сохранять существующие достижения и идеалы китайского народа и адаптировать их к изменениям мира.

3. Приоритизация концепта «века унижения» и желания компенсации «неудач».

Понятие «век унижения»⁴⁹ можно назвать базисом современного китаецентризма и всего внешнеполитического курса КНР, так как именно этот исторический период вошел настолько глубоко в историческую память китайцев, что отражается практически во всех современных доктринальных документах, официальных выступлениях и докладах на съездах КПК. Так, в Преамбуле Конституции КНР уже в четвертом предложении говорится о том, что «историческая задача антиимпериалистической и антифеодальной борьбы китайского народа не была полностью решена»⁵⁰. Поскольку Конституция Китая прошла редакцию в 2018 г., но это положение изменено не было, можно утверждать, что идея борьбы занимает одно из центральных мест в основном законе государства.

Ответом на несправедливость столетнего иностранного гнета стала стратегия, суммирующая чаяния китайского народа, желание достичь глобального первенства под названием «цель двух столетий» (или же «возрождение великой китайской нации»), которую объявил Си Цзиньпин в самом начале своего председательства⁵¹. Вместе с тем и до начала 2010-х гг. идея исторического реванша так или иначе фигурировала



в китайских доктринальных документах и, что немаловажно, в Конституции. После «века унижения» Китай нацелен «превратить <...> страну в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничной и прекрасное социалистическое государство для реализации цели великого возрождения китайской нации»⁵².

Тем самым можно прогнозировать, что желание Китайского государства возродить былое величие сохранится во внешнеполитических установках народа современной Поднебесной.

Проведенный анализ официальных китайских доктринальных документов позволяет сформулировать видение основных внешнеполитических установок Китая, которые детерминированы его национальной СК.

Во-первых, Китай намерен вернуть себе главенствующее место в мировом порядке и «возродить великую китайскую нацию» с учетом наличия особой «великолепной китайской культуры» и «огромного вклада», который он вносит в человеческое развитие. Для установления мирового господства Поднебесной необходимо создание «сообщества единой судьбы человечества», функционирующего в соответствии с логикой «китайской мудрости» и «китайских решений».

Во-вторых, зарубежные интересы Китая должны быть настолько обширными, насколько это необходимо стране для осуществления долгосрочного стратегического планирования всестороннего развития страны, поскольку повсеместное китайское присутствие приравнивается к аналогу миротворчества вкупе с долгосрочными интересами выживания.

В-третьих, руководство Китая считает необходимым закончить антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу народа и претворить в жизнь «китайскую мечту», взяв за основу концепт «века унижения», и компенсировать ущерб, нанесенный западными странами, Россией и Японией.

В заключение отметим, что внешнеполитическая концепция Китая и ее установки оставались практически неизменными в течение многих веков существования государства, так как СК входит не только в философские основания внешнеполитической мысли Поднебесной, но и пронизывает институциональные особенности Китая, диктует стиль руководства и механизм принятия внешнеполитических решений.

Изложенное выше понимание содержания и направленности СК Франции, Германии и Китая свидетельствует об их существенных отличиях. При этом современную систему международных отношений в ее динамичном и статичном измерениях правомерно рассматривать и как результат постоянного взаимодействия и столкновения СК.

Изучение СК, выступающей важным источником выявления predispositions крупных игроков к конкретным действиям, способствует прогнозированию проводимого ими

политического курса. Отсюда ясно, что понимание основ СК ключевых игроков современного мира является важным для разработки политического курса современной Российской Федерации, обеспечения ее безопасности.

Примечания

- 1 См.: Белозёров В. К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // *Власть*. 2020. Т. 28, № 1. С. 19–26.
- 2 Михайленок О. М. Глобальное политическое управление и стратегическая культура // *Российская элитология : инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием (Ростов-на-Дону, 15–16 февраля 2019 г.)*. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С. 3.
- 3 См.: Ожиганов Э. Н. Стратегическая культура : понятие и направления исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология*. 2012. № 2. С. 91–102.
- 4 Там же.
- 5 См.: Daase C., Junk J. Strategische Kultur und Sicherheitsstrategien in Deutschland // *Sicherheit und Frieden*. 2012. Bd. 30, № 3. S. 152–157. DOI: 10.5771/0175-274x-2012-3-152
- 6 Ibid.
- 7 См.: Климов С. Н. Военная культура Франции XX века (Социально-философский анализ). М. : Военный университет, 2001.
- 8 См.: Обичкина Е. О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М. : МГИМО, 2003.
- 9 Косенко С. И. Культурная политика как атрибут «мягкого могущества» Франции // *Власть*. 2012. № 2. С. 24.
- 10 Aron R. Paix et guerre entre les nations. P. : Calmann, 1984. P. 58.
- 11 См.: Белозёров В. К. Клаузевиц, война и обретение смыслов : опыт философской рефлексии Раймона Арона // *Философские науки*. 2020. Т. 63, № 1. С. 40–65. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2020-63-1-40-65>
- 12 См.: Messmer P. Les conceptions stratégiques du général de Gaulle face au monde de 1990 // *Défense nationale*. 1990. № 514. P. 13–24.
- 13 См.: За профессиональную армию. Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке // *Российский военный сборник*. Вып. 14. М. : Военный университет, 1997.
- 14 См.: Манжоло В. А., Шаповалова А. И. Внешняя политика Франции : изменилась ли доктрина голлизма? // *Современная Европа*. 2014. № 4. С. 84–96.
- 15 См.: Белозёров В. К. Гражданское общество и формирование политики безопасности и обороны России // *Вестник аналитики*. 2009. № 1. С. 94–101.
- 16 *Gaullie Ch. de. Lettres, notes et carnets*. Vol. III. P. : Plon, 1981. P. 283.
- 17 *Gaullie Ch. de. Discours et messages*. Vol. III : Avec le renouveau (1958–1962). P. : Plon, 1970. P. 294.



- ¹⁸ См.: Livre blanc sur la défense nationale 1972. P. : Direction de l'information légale et administrative, 1972.
- ¹⁹ См.: Colson B. La culture stratégique française // Stratégique. 1992. № 53. P. 27–60.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ *Gaullie Ch. de.* Discours et messages. Vol. III. P. 387.
- ²² *Зинченко А. В.* Ядерная политика Франции. М. : Едиториал УРСС, 2010. С. 90.
- ²³ *Ларкан А.* Армия и национальная оборона : преобладающие и неизменные концепции мышления Шарля де Голля // За профессиональную армию : Идеи Шарля де Голля в XX веке / под ред. А. Е. Савинкина, И. В. Домнина. М. : Военный университет, 1997. С. 249.
- ²⁴ См.: Livre Blanc Défense Et Sécurité Nationale 2013. P. : Direction de l'information légale et administrative, 2013.
- ²⁵ Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017. P. : DICOd – Bureau des Éditions, 2017. P. 6.
- ²⁶ См.: Livre Blanc Défense Et Sécurité Nationale 2013.
- ²⁷ См.: *Booth K.* Strategic Culture : Validity and Validation // The Oxford Journal on Good Governance. 2005. Vol. 2, № 1. P. 25–28.
- ²⁸ См.: Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.). Berlin : Bonifatius GmbH, 2016.
- ²⁹ *Eckstein H.* A Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. 1988. Vol. 82, iss. 3. P. 792. DOI: <https://doi.org/10.2307/1962491>
- ³⁰ См.: *Белозёров В. К.* Понятия «народ» и «нация» в российском и международном политическом и научном дискурсе // Вестник Российской нации. 2019. № 5 (69). С. 118–125.
- ³¹ См.: *Eitelhuber N.* Analyse : Die strategische Kultur Russlands – Russland begreifen. URL: <http://www.bpb.de/internationales/europa/russland/analysen/216947/analyse-die-strategische-kultur-russlands-russland-begreifen> (дата обращения: 27.07.2020).
- ³² См.: *Белозёров В.К.* Примат политики в действии. Об изменениях в системе руководства и управления вооруженными силами ФРГ // Вестник Академии военных наук. 2012. № 4. С. 25–29.
- ³³ *Fisher J.* Berlin's Foreign Policy // Transatlantic Internationale Politik. 2000. Vol. 1. P. 2.
- ³⁴ См.: *Gerhold L., Schiller J, Beck M.-L.* Perspektiven der Sicherheitsforschung. Beiträge aus dem Forschungsforum Öffentliche Sicherheit. Frankfurt a/M : Peter Lang, 2012. S. 77–95.
- ³⁵ См.: Китай выступает за пять принципов мирного сосуществования // Министерство иностранных дел КНР, 2000. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliaoj_674904/wjs_674919/2159_674923/t8987.shtml (дата обращения: 10.09.2020).
- ³⁶ См.: Двенадцатый съезд Коммунистической партии Китая // ЦК КПК, 2007. URL: http://www.gov.cn/test/2007-08/29/content_730394.htm (дата обращения: 10.09.2020).
- ³⁷ См.: Конституция КНР (ред. от 2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 10.09.2020).
- ³⁸ Белая книга «Китай и мир в новое время» // Правительство Китая, 2019. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-09/27/content_5433889.htm (дата обращения: 10.09.2020).
- ³⁹ *Морозов Ю. В.* Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXV / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М. : ИДВ РАН, 2020. С. 83.
- ⁴⁰ См.: Белая книга «Китайская политика сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» // Правительство Китая, 2017. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/36088/Document/1539911/1539911_2.htm (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴¹ См.: Белая книга «Политика Китая в Арктике» // Правительство Китая, 2018. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴² См.: Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации, 2017. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztd/19sjd/t1507487.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Конституция КНР (ред. от 2018 г.).
- ⁴⁵ См.: Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эру» // Правительство Китая, 2019. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1660529/1660529.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴⁶ См.: *Морозов Ю. В.* Указ. соч. С. 80–95.
- ⁴⁷ Белая книга «Политика Китая в Арктике» // Правительство Китая, 2018. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁴⁸ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК.
- ⁴⁹ Белая книга «Китай и мир в новое время».
- ⁵⁰ Конституция КНР (ред. от 2018 г.).
- ⁵¹ Си Цзиньпин выступил на форуме с важной речью о дипломатической работе в соседних странах, подчеркнув : «Стремление к созданию благоприятной окружающей среды для развития Китая» // Новости Коммунистической партии Китая, 2013. URL: <http://src.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html> (дата обращения: 10.09.2020).
- ⁵² Конституция КНР (ред. от 2018 г.).

Поступила в редакцию 30.11.2020, после рецензирования 02.12.2020, принята к публикации 05.12.2020
 Received 30.11.2020, revised 02.12.2020, accepted 05.12.2020



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 118–122
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 118–122

Научная статья
УДК 323(470+571)
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-118-122>

Концепции «nation-building» Ф. Фукуямы и Р. Купера и их значение для современной практики нациестроительства

Е. А. Чибиркин



Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Льва Тостого, д. 3

Чибиркин Евгений Александрович, аспирант отдела региональных исследований и этнологии, chibirkin001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8306-7723>

Аннотация. В статье исследуется процесс нациестроительства в современных обществах в плоскости национальной интеграции с точки зрения различных подходов и с учетом анализа и переосмысления зарубежного опыта. Особое внимание автором уделяется концепциям и взглядам Фрэнсиса Фукуямы и Роберта Купера, их значению для практики нациестроительства. Делается вывод, что на сегодняшний день рассмотренные концепции и попытки их реализации на практике нельзя считать идеальными и адекватными современным вызовам внутреннего и внешнего происхождения.

Ключевые слова: нациестроительство, государство, нация, политика, либерализм, империализм, глобализация

Для цитирования: Чибиркин Е. А. Концепции «nation-building» Ф. Фукуямы и Р. Купера и их значение для современной практики нациестроительства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 118–122. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-118-122>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-118-122>

Concepts of “nation-building” by F. Fukuyama and R. Cooper and their importance for modern practice of nation-building

Evgeny A. Chibirkin, chibirkin001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8306-7723>

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 3 Leo Tolstoy St., Saransk 430005, Russia

Abstract. The process of nation-building in modern societies within the framework of national integration is considered in the article from different approaches and taking into consideration analysis and understanding of foreign experience. Special attention is paid to the concepts and views of Francis Fukuyama and Robert Cooper along with their importance for practice of nation-building. An inference is made that today these concepts and attempts to implement them in practice cannot be recognized as perfect and adequate to current challenges of internal and external origins.

Keywords: nation-building, state, nation, politics, liberalism, imperialism, globalization

For citation: Chibirkin E. A. Concepts of “nation-building” by F. Fukuyama and R. Cooper and their importance for modern practice of nation-building. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 118–122 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-118-122>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

На современном этапе развития человечества все более остро встают проблемы глобализации, способствующие разрушению полиэтнических государств и размыванию их национальной идентичности. Развитие многонациональных и многоконфессиональных государств происходит в условиях этнокультурного многообразия, напряженности межэтнических отношений, многочисленных конфликтов, возникающих на

религиозной и национальной почве, которые подрывают целостность и безопасность стран, а также замедляют консолидацию общества. Каждое из этих государств имеет собственные принципы нациестроительства, основываясь на которых, можно прийти к конструированию национальной идентичности.

Согласимся с мнением А. М. Репевой о том, что Российское государство на протяжении



всего исторического процесса формировалось и складывалось как полиэтническое государство, вследствие чего проблема формирования единого гражданского самосознания оставалась актуальной всегда¹.

В связи с этим возник ряд важных, качественно новых задач по укреплению единства многонационального народа Российской Федерации как российской нации. Здесь же появилось осознание необходимости более тщательного изучения философии национально-государственного строительства современного общества. Особую роль в национальной интеграции России исторически занимает патриотизм, который всегда был стержнем, ядром, вокруг которого формировались высокие, социально значимые чувства, взгляды, убеждения, преданность Отечеству. В такой обстановке возник активный поиск новых моделей национальной интеграции и нациестроительства, в том числе с учетом анализа и переосмысления зарубежного опыта в российских реалиях, отличающихся политической и социокультурной спецификой.

Как отмечает Е. М. Астафьева, процесс нациестроительства является многогранным, и его изучение требует междисциплинарного подхода. Данной проблеме посвящено множество исследований, рассматривающих ее в разные исторические эпохи и в разных странах². Вследствие этого видится важным проанализировать процесс нациестроительства с точки зрения многообразных подходов и толкований.

Несомненно, что формирование и становление нации представляет собой достаточно трудный и противоречивый процесс как в теории, так и на практике, поскольку затрагивает национальную идентичность граждан. Это приводит к тому, что государство сталкивается с проблемой выбора направления формирования нации. По мнению многих теоретиков, изучение вопроса национально-государственного строительства осложнено отсутствием единого подхода к пониманию понятия «нациестроительство», или «nation-building». Эта проблема долгое время существует не только в отечественной, но и в иностранной научной литературе.

В зарубежной практике национальное строительство связывали: с естественными государственными процессами, не зависимыми от политических и общественных отношений, например, с формированием национальной идентичности (Р. Бендикс)³; с формированием и становлением нации (П. Джеймс)⁴; с содействием и использованием силы государств при создании национальной идентичности (Ф. Фукуяма, Р. Купер, Д. Доббинс)⁵ и др.

Американский политолог Ёсихиро Фрэнсис Фукуяма рассматривает опыт национального и государственного строительства, накопленный Соединенными Штатами Америки как в процессе формирования собственной государствен-

ности, так и при вмешательстве в политическое устройство стран Латинской Америки, Европы и Азии. В своей работе под названием «Nation-building: Beyond Afganistan and Iraq» он демонстрирует различия в восприятии и понимании определения строительства национального государства у американцев и европейцев⁶. По мнению политолога, эти различия пропорциональны информированности граждан об устройстве и функционировании своего и других государств. Как показывает практический опыт, большинство мирового населения не вникает в организацию государственной системы своей страны, а тем более системы иных государств⁷.

Ф. Фукуяма раскрывает понятие национального государства прежде всего через доктрину, основанную на традиционных политических установках и преобладающих ценностных установках. Ученый критикует позицию, которая опровергает возможность национального строительства «извне», и предполагает создание совокупности исторических, общественных и иных условий, способных объединить людей в одну нацию исключительно внутри самого государства. В таком случае правильно говорить о государственном, а не национальном строительстве (т. е. о создании и укреплении государственных и общественных институтов).

В концепции, разработанной Ф. Фукуямой, процесс нациестроительства состоит из двух фаз. Первая фаза предполагает принятие ряда мер по оказанию помощи (гуманитарной, экономической и др.) другими государствами, ликвидацию различных неблагоприятных последствий, влияющих на внутреннюю политику, восстановление экономики и др. Последующая фаза разворачивается вслед за завершением процесса стабилизации общественных отношений и предусматривает формирование самостоятельных государственных и общественных институтов, которые в будущем позволят обеспечить самостоятельное демократическое управление нацией. При этом меры, присущие первой фазе, несмотря на возможные трудности при реализации, в целом соответствуют возможностям мирового сообщества и отдельных государств. Намного сложнее происходит переход ко второй фазе, а после и ее исполнение, подразумевающее самостоятельное развитие силами государства.

Некоторые аспекты вопроса национального строительства можно проследить в другой работе Ф. Фукуямы, где автором были провозглашены «конец истории» и победа либерально-демократической идеологии⁸. Многие крупные государства переросли уровень существующей истории и вышли на новую ступень, именуемую «постисторией». Исходя из этого, существующую мировую организацию можно разделить на две части. Одни государства в своем развитии еще не переросли нынешний порядок, они все так же представляют собой часть истории –



«исторический процесс». В основном это страны третьего мира, традиционный уклад которых в условиях глобализации будет продолжать приводить к конфликтам межэтнического, религиозного и национального характера. Уже долгое время мы наблюдаем за развитием глобальных террористических сетей, ростом социальных противоречий и уровнем насилия внутри их границ.

Совершенно иначе ситуация обстоит с оставшимися государствами. За счет модернизационного развития им удалось избежать участи традиционного общества. «Постистория» включает в себя исключительно развитую группу стран, которые имеют огромное значение на политической карте мира. В основном это касаются политических, экономических, торговых и иных отношений, так как культурные и исторические ценности начинают размываться. Что же позволило им сделать такой скачок вперед? По мнению Ф. Фукуямы, попытка проведения ими империалистической политики в XIX в. оправдала себя. Допуская господство одних стран и игнорируя интересы других, им удалось пробиться на мировую арену и остаться там на долгое время. Это был закономерный процесс, который не мог не иметь последствий: уже к концу столетия это отразилось на карте мира и внешнеполитических отношениях государств, а в конечном итоге и вовсе привело к мировой войне.

Мы можем наблюдать единую стратегию планирования нациестроительства у Ф. Фукуямы. В его понимании, для создания национального государства необходимо предварительное условие в виде хорошо управляемого государства. Кроме того, он усматривает необходимость в оказании помощи развитыми странами развивающимся при организации и развитии политических и общественных институтов, а в последующем – поддержании их деятельности, позволяющей получить выгоду для обеих сторон.

Концепция, предлагаемая Ф. Фукуямой, во многом перекликается со взглядами других политических теоретиков, которые можно проследить в их исследованиях. В своих работах, изданных в конце XX – начале XXI в, Роберт Купер сформулировал концепцию «нового либерального империализма». Суть доктрины заключается в выделении трех видов государств, имеющих различия в уровне развития обществ.

Так, есть государства, находящиеся на стадии «предмодерна» (досовременного мира), характеризующиеся наличием неэффективного государственного аппарата или его фактическим отсутствием, либо ослабленные и сами по себе развалившиеся государства (failed states), не способные преодолеть «постимперский хаос». Эти страны характеризуются низким уровнем общественного развития, которое находится лишь на этапе выдвижения национальной идеи, а сама политика лишь внутренне ориентирована. К дан-

ному типу можно отнести Афганистан, а также страны, являющиеся государством лишь по названию, а по факту представляющие собой неконтролируемые территории, например Сомали и Либерия. Р. Купер считает необходимым, чтобы такие «государства» были подконтрольны другим странам или международным организациям, в противном случае существует вероятность столкнуться с серьезными проблемами, способными пошатнуть весь мировой порядок (здесь мы можем отметить схожесть с идеями Ф. Фукуямы)⁹.

Стадия «модерна» (современного мира) представлена развивающимися странами, которые находятся на середине цивилизационного пути и отстают от стран Западной Европы на десятилетия лет. Несмотря на активное построение нации и последующее развитие, они еще не достигли уровня постмодерна или постсовременных государств. В современном мире главенствующая роль государства, а также допустимость его действий неоспорима. Кроме того, только государство имеет право применять силу, устанавливать или разрывать дипломатические отношения с другими государствами. Данная группа представлена большинством стран, в нее входит и Россия.

Наиболее продвинутые и развитые государства отнесены к эпохе «постмодерна» (постсовременного мира). Их отличительными чертами являются стремление к ликвидации границ между внутренней и внешней политикой, реализация стратегии вмешательства во внутренние дела других государств с целью организованного нациестроительства. Роль государства ослабевает по сравнению с развивающимися странами, часть его функций и полномочий делегируется международным организациям. Легитимная монополия государства на использование силы признается, но ограничивается международной системой.

Предлагая такой вариант организации мирового сообщества, Р. Купер предупреждает о присутствии в ней так называемой двойной морали. Это выражается в том, что по отношению к собственному миру постсовременные государства действуют на легитимных и признанных ими основаниях, взаимообусловленном сотрудничестве и развитии совместной безопасности. В то же время в отношениях с досовременными и современными государствами они прибегают к более жестким методам – грубой силе, вмешательству во внутреннюю политику и т. д. Эти страны находятся в численном меньшинстве, к ним можно отнести страны Европейского союза.

По мнению автора концепции, все государства мира живут в одно и то же время в разных исторических временных поясах. Купер настаивает, что все государства мирового сообщества не могут считаться однотипными, иметь одинаковые права и суверенитет. Так, на стра-



нах «постмодерна» лежит ответственность за ситуацию в мире, и в определенной конфликтной ситуации этим странам можно пренебречь международным правом и государственными суверенитетом «слабых» стран в угоду порядка и стабильности¹⁰.

Данные концепции применимы к ситуации послевоенного восстановления Ирака и Афганистана американскими силами. Политику США на территории данных государств Ф. Фукуяма и Р. Купер обобщали в своих работах и характеризовали их с помощью понятий «nation-building» и «state-building». Они также полагали, что нациестроительству как процессу необходимо базироваться на модели демократизации, а не разрушения национальных устоев. Несмотря на то, что изначально власти США не предполагали применять военную силу для национального строительства, впоследствии была предпринята не одна попытка убедить общественность в легитимности военных действий для установления мира и стабильности на Ближнем Востоке.

Кроме того, учеными неоднократно упоминался многолетний опыт Соединенных Штатов в национальном и государственном строительстве, приобретенный ими после Второй мировой войны, когда американские войска стали силой, оказывающей содействие процессу демократизации в отдельных странах. Однако подобное содействие оказывали не только США. Активную роль в воссоздании государственных и общественных институтов пострадавших во время войны стран (Германии, Японии, Сомали и др.) сыграли также Великобритания и Советский Союз. Особенности нациестроительства послевоенного времени выражалась в идеологическом подтексте, при котором либерально-буржуазное и коммунистическое противостояние вылилось в навязывание систем ценностей другим государствам.

Распад СССР в значительной мере повлиял на процесс глобализации, оставив на мировой арене единственную державу, способную продолжить распространение собственных традиций и ценностей, – США. Оставался открытым вопрос, чем являются Соединенные Штаты Америки по отношению к другим государствам. С этим аналитики связывают рост распространения западного протектората в отношении развивающихся стран. Все это в результате привело к возникновению новых конфликтов на их территориях (Вьетнам, Афганистан и др.). Попытки США создать новые модели и стратегии национального строительства не возымели успеха.

Несмотря на поддержку выбранного направления внешней политики США, Ф. Фукуяма признал полученный в Ираке опыт неудачным. С его точки зрения, военное вторжение – это неэффективный метод, требующий огромного количества затрат и ресурсов¹¹.

Анализируя работы Ф. Фукуямы и Р. Купера, можно сделать вывод, что, несмотря на свой

обширный опыт, на сегодняшний день США не прилагают регулярных и планомерных усилий для образования устойчивой государственности в постконфликтных регионах, а используют стратегию «nation-state building» для продвижения своих интересов. На практике под предлогом защиты «государств-неудачников» или ликвидации «государств-изгоев» обосновывается вмешательство во внутренние дела менее развитых и менее стабильных государств.

Современная зарубежная теория и практика опираются преимущественно на внешнюю политику США как одну из наиболее успешных (из имеющихся на сегодняшний день) моделей строительства наций с применением силы. Исходя из характеристики «сильных» и «слабых» государств (по Ф. Фукуяме), к первой категории можно причислить многие страны Западной Европы и Азии, в том числе и Россию. Об этом в разное время заявляли в том числе и президенты РФ В. В. Путин и Д. А. Медведев.

На наш взгляд, успех и прогностический потенциал концепций Ф. Фукуямы и Р. Купера во многом связаны с обстановкой, спровоцированной распадом социалистического лагеря и изменением контуров системы международных отношений, что повлекло за собой необходимость создания новых либерально-демократических моделей, в которых ученые увидели крушение империализма и победу рынка. Порой обществу необходимо объяснение многочисленным политическим процессам, протекающим в мире, а теории Ф. Фукуямы и Р. Купера способны наглядно это продемонстрировать. Ученые призывали к выработке новой внешнеполитической стратегии и отказу от устаревших принципов дипломатии. Под влиянием этих идей произошли многие модернизационные процессы в странах третьего мира, в результате которых они смогли занять свою нишу на международной арене. Концепция Ф. Фукуямы в свое время и вовсе оказала значительное влияние на формирование внешнеполитического курса США, прежде всего при президентстве Б. Клинтона и Дж. Буша-мл.

Однако в современных условиях с серьезными вызовами внутренней целостности, политической и национально-государственной идентичности столкнулись и страны, которые ранее позиционировали себя как образцовые, «модельные» с точки зрения устройства общества и государства. Неслучайно в одной из своих последних работ Ф. Фукуяма задумался о судьбе либеральной демократии, которой, по его мнению, бросают вызов популистский национализм и фрагментированный «либерализм идентичности»¹².

Безусловно, не все научное сообщество готово оценить и признать значение этих концепций. Критика во многом объясняется спорностью положений концепций, недооценкой роли неполитических факторов в мире, отсутствием конкретных предложений по реализации идей и



применении их на практике и т. д. Можно сказать, что положения концепций предопределили некоторые процессы, но не смогли отразить полноценную карту всех действий мирового сообщества. Многие проблемы национального строительства так и не были раскрыты до конца.

В российском научном сообществе сложились различные оценки рассматриваемых концепций. В работах Ф. Фукуямы и Р. Купера России не отводится важной роли в организации мирового сообщества, она упоминается ими как государство, не способное в полной мере обеспечить проведение собственной национальной политики, с чем сложно согласиться с учетом современной ситуации. Положения данных теорий изначально формировались и развивались применительно к западно-постисторическим государствам, что само по себе не гарантировало успешной реализации их идей за ее пределами (вернемся к неудачному опыту США, полученному на территории Ирака). Концепции Ф. Фукуямы и Р. Купера сохраняют свою теоретическую значимость как попытки анализа и объяснения современной системы государств и международных отношений, тогда как попытки практической реализации их положений следует признать неудачными.

Примечания

¹ См.: Репьева А. М. Нациестроительство. Формирование и сущностные характеристики (США и Россия) // Мировая политика. 2013. № 2. С. 68–79. URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=8795 (дата обращения: 22.11.2020). DOI: 10.7256/2306-4226.2013.2.8795

- ² См.: Астафьева Е. М. Нациестроительство в гетерогенном обществе : проблема выбора пути // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. 2016. Т. 11, № 1 (149). С. 52–66.
- ³ См.: Bendix R. Nation-building and Citizenship : Studies of Our Changing Local Order. New Brunswick : Routledge, 2017.
- ⁴ См.: James P. Nation Formation : Towards a Theory of Abstract Community. London : Sage Publications, 1996.
- ⁵ См.: Dobbins J. Nation-Building : The Inescapable Responsibility of the World's Only Superpower // Rand Review. 2003. Vol. 27, № 2. P. 16–70.
- ⁶ См.: Nation-building : Beyond Afganistan and Iraq / ed. by F. Fukuyama. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 2006.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2004.
- ⁹ См.: Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / пер. с англ. М. Дадяна. М. : Московская школа политических исследований, 2010.
- ¹⁰ См.: Cooper R. Post-Modern State and the World Order. L. : Demos, 2000.
- ¹¹ См.: Фукуяма Ф. Америка на распутье : демократия, власть и неоконсервативное наследие / пер. с англ. А. Георгиева. М. : АСТ, 2008.
- ¹² См.: Fukuyama F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. N. Y. : Farrar, Straus & Giroux, 2018.

Поступила в редакцию 25.11.2020, после рецензирования 03.12.2020, принята к публикации 05.12.2020
Received 25.11.2020, revised 03.12.2020, accepted 05.12.2020